

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. П. ПОТАПОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ
СОСТАВ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ
АЛТАЙЦЕВ

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

Институт истории, филологии и философии

**Горно-Алтайский научно-исследовательский институт
истории языка и литературы**

Л.П.ПОТАПОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛТАЙЦЕВ

**ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1969**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А.П. ОКЛАДНИКОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Этнический состав алтайцев в конце XIX и начале XX в.....	14
Ближайшие исторические предки алтайцев.....	80
Древние элементы в этническом составе алтайцев.....	147

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев.
Историко-этнографический очерк. / Отв. ред. А.П. Окладников.
– Л.: Наука, 1969. – 196 с.

Леонид Павлович Потапов

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛТАЙЦЕВ

*Утверждено к печати
Институтом истории, филологии
и философии СО АН СССР*

Редактор издательства *Е.Г. Дагин*
Художник *М.И. Разулевич*
Технический редактор *Е.Я. Волкова*
Корректоры *Л.М. Бова* и *Ш.А. Иванова*
Сдано в набор 15/X 1968 г. Подписанок
печати 16/I 1969 г. РИСО АН СССР №
146-190В. Формат бумаги 60 x 90 1/16.
Бум. л. 6 1/8. Печ. л. 12 ¼ = 12 ¼ усл.
печ. Уч.-изд. л. 13,42. Изд. № 3879. Тип. зак.
№ 1374. М-22017. Тираж 2000. Бумага № 1
Цена 95 коп.

Ленинградское отд. издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

ВВЕДЕНИЕ

С.3

Вопросы происхождения народов нашего многонационального советского государства приобрели весьма актуальное значение, как теоретическое, так и практическое. Многие народы бывшей России, возрожденные к самостоятельному существованию Великой Октябрьской социалистической революцией, впервые в своей истории встали на путь национального самоопределения и получили возможность строить свое хозяйство, культуру и быт в условиях, свободных от национального угнетения. Развитие социалистической экономики, культуры и быта у многих народов, особенно тех, которые еще недавно характеризовались крайней политической, экономической и культурной отсталостью, не имели своей письменности и литературы, вызвали в их среде, во всех слоях населения, огромный интерес к своему историческому прошлому и прежде всего к своему происхождению. Вопросы о том, кто мы, как и откуда произошли, какова была наша предшествующая история и т.п., появились у каждого такого народа. Удовлетворить эти духовные запросы и потребности — весьма важная и неотложная задача советской исторической науки. Нельзя забывать о том, что такие народы буржуазная наука относит обычно к разряду «доисторических», не имеющих якобы собственной истории, и тем самым проповедует их историческую неполноценность. Но даже в тех случаях, когда отдельные представители буржуазной науки и не отрицают того, что упомянутые выше народы все-таки имели свою историю, они заявляют о невозможности ее научного изучения, ее реконструкции и мотивируют это обычно отсутствием надлежащих источников и материалов. Другими словами, при общем формальном признании отсталых бесписьменных или младописьменных народов историческими, фактически все же утверждается, что научно разработанной истории они иметь не могут, поэтому их следует отнести к категории народов как бы второго сорта.

Иначе к данной проблеме подошли советские ученые, которые не только решительно отрицают нелепое антинаучное деление народов на исторические и неисторические, но и разработали методы и приемы изучения истории и происхождения так называемых «неисторических» народов, а главное — выявили новые виды Ценных научных источников для подобных исследований и научи-

С.4

лись владеть ими. К такого рода источникам относятся прежде всего различные типы археологических памятников и весьма многочисленные виды этнографических материалов. Затем к ним относятся разнообразные антропологические материалы, данные фольклора и языка, этнонимиики и топонимиики и т. д. Само собой разумеется, что большое значение в комплексе перечисленных источников придается всякого рода сведениям, содержащимся о народах в любых письменных источниках.

Основным методическим приемом в изучении истории и происхождения народов, о котором идет речь, является комплексное использование источников, их анализ и сопоставление, хронологическое расположение и классификация в связи с той или иной периодизацией исторического процесса. Только совокупность разнообразных видов источников дает возможность изучить исторический процесс бесписьменных народов как в целом, так и в отдельных его звеньях, этническую историю, раскрывающую главные этнические компоненты, образующие народ, изменение этнического состава под влиянием определенных исторических причин и т. д.

Советские историки, в частности этнографы, уже накопили значительный опыт такого изучения, получили положительные результаты и внесли тем самым вклад в науку, открыли новое направление в исторических исследованиях, имеющих международное значение. В наше время, когда к самостоятельной жизни приступили или приступают многие народы Азии, Африки, Латинской Америки, освободившиеся или освобождающиеся от

колониального империалистического гнета, опыт советских ученых по изучению исторического прошлого бесписьменных или младописьменных народов имеет большое положительное значение. На указанных континентах, населенных огромным количеством различных племен и народностей, вопросы исторического прошлого освободившихся народов встают сразу же в процессе строительства новой жизни. Не случайно в Академию наук СССР поступают из различных недавно возникших государств просьбы о помощи и советах в организации исследований по истории и происхождению, например, народов Африки, Юго-Восточной Азии и др. Однако и в пределах Советского Союза работа по изучению истории бесписьменных или младописьменных народов все еще недостаточна и явно отстает от практической потребности в таких исследованиях. Недостаток ощущается особенно в таких многонациональных районах, как Кавказ и Сибирь. Касаясь Сибири, можно отметить, что больше всего в этом отношении сделано для народов Южной Сибири. Новым примером к сказанному может служить издание «Истории Тувы».¹

С.5

Предлагаемая работа посвящена алтайцам. Несмотря на то что нами уже уделялось внимание вопросам происхождения алтайцев, решение их оставалось до сего времени слишком общим, намечающим лишь основные вехи алтайского этногенеза². Теперь мы можем осветить это более подробно и специально, хотя, конечно, неисчерпывающе. Из других работ, посвященных вопросу, исследуемому в настоящей книге, можно назвать только одну. Речь идет о небольшой статье П.Е. Тадыева «Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства»³. К сожалению, статья содержит некоторые фактические ошибки и отдельные неудачные утверждения, что делает пользование ею иногда затруднительным. Например, в ней говорится о 15 (!) родах-сеоках у кумандинцев (да еще со ссылкой на нашу статью)⁴, что достигается, видимо, за счет признания кумандинцами некоторых шорских или телеутских сеоков и перечисления разных названий одного и того же сеока (например, *жоты*, *жутты*) и т. д. Так же ошибочно говорится в статье и о пяти челканских родах. Мы лично были у челканцев, хорошо изучили оба челканских сеока и их расселение. Увеличение количества челканских сеоков, установленных в количестве двух еще Радловым, происходит из-за того, что П. Е. Тадыев варианты названия одного и того же сеока, например *жатии* (по Радлову) и *шакшылыг* (как это установили мы), принимает за название двух различных сеоков. Обобщенное название челканцев по р. Лебеди (*куу-кижи*) также принимается им за название особого челканского сеока. В статье отвергается, причем без аргументации, родоплеменная самостоятельность алтайских телесов — этой древней этнической тюркоязычной группы, этногенетические истоки которой уходят в древнетюркский период (VI—VIII вв.) и с этого времени прослеживаются до современности, о чем будет сказано в заключительной главе. Следовательно, статья П. Е. Тадыева хотя и ставит вопрос об этническом составе алтайцев, не дает, однако, его решения.

Изученный нами материал по происхождению алтайцев охватывает период с половины первого тысячелетия нашей эры до современности, что вполне отражает хронологическую протяженность этнической истории современных алтайцев. Но если говорить об этнической истории населения Алтая в еще более

С.6

древние эпохи и об этническом субстрате, послужившем основой для этногенеза далеких

¹ История Тувы, т. I. М., 1964.

² Л. П. Потапов. 1) Очерк этногенеза южных алтайцев. Советская этнография, 1952, № 3; 2) Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 133—162; 3) Этноним теле и алтайцы. В сб.: Тюркологический сборник к шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова, М., 1966.

³ Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, в. 6. Горно-Алтайск, 1964, стр. 3—15.

⁴ Автор ссылается на нашу работу «Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период» (Изв. Всес. геогр. общ., 1946, № 2), где в действительности говорится, да и то попутно, в порядке цитирования документа, только о четырех сеоках кумандинцев.

исторических предков современных алтайцев, то следует признать, что эта проблема во многом не исследована. Отметим кратко лишь некоторые аспекты, изучение которых требует широкого сравнительного исследования археологического и антропологического материала на фоне общего исторического процесса, протекавшего не только в Центральной, но в Средней и Передней Азии. Необходимо, например, выяснить окончательно вопрос о том, какой этнический тип населения и откуда (из Ордоса "или из районов Средней и Передней Азии) проник на Алтай и в Минусинскую котловину в так называемое «карасукское время» (середина II тысячелетия— VII в. до н. э.), в составе которого могли быть древнейшие предки ряда современных народов Сибири, не только тюркоязычных, но и, например, кетов, происхождение которых до сего времени остается загадочным. Все еще не ясным остается вопрос об этническом составе обитателей Горного Алтая в так называемое «скифское время» (V—III вв. до н. э.), памятники культуры которых широко известны по раскопкам Пазарыкских курганов. Накапливаются доказательства о происхождении этой культуры, характеризующейся ахеменидскими импортными вещами, породистыми лошадьми из Средней Азии, из районов обитания *саков*, вероятно, ираноязычных племенных объединений. Но все это требует научной обоснованной разработки. Или возьмем вопрос, особенно важный для истории населения Саяно-Алтайского нагорья, о роли и значении хуннов в формировании этнического состава этого региона в последних веках до н. э. и первых веках нашей эры, в так называемый хуннский период. Хуннская проблема в исторической востоковедной науке рассматривается на протяжении не одной сотни лет.⁵ Были высказаны соображения в пользу тюркоязычности, монголоязычности и даже ираноязычности хуннских племен. Большинство современных исследователей, особенно советских, склонялось к мнению о том, что хунны были политическим объединением племен кочевников, в этническом отношении неоднородным, по с преобладанием в нем тюркоязычных племен. Совсем в недавнее время выдвинута новая точка зрения по этому вопросу, которая сводится к утверждению, что хунны говорили на «енисейском» языке, т. е. на языке того типа, который сохранился в настоящее время у маленькой сибирской народности кетов (и ныне ассимилировавшихся коттов), обитающих на Енисее.⁶ Упомянутая гипотеза, поскольку она принадле-

⁵ К. А. Иностранцев. Хунну и гунны. Л., 1926; А. Н. Вернштамм. Очерк истории гуннов. Л., 1951; F. Altheim. Geschichte der Hunnen. Berlin, Bd. I, 1959; Bd. II, 1960.

⁶ E. C. Pulleyblank. The Consonantal system of old Chinese. The Hsiutig-nu Language. Asia Major, New Series (vol. IX), pt. 2, London, 1962, стр. 239-265.

Бкит крупнейшему и авторитетнейшему современному синологу Англии, вызвала первоначально своего рода сенсацию и даже некоторую растерянность среди отдельных зарубежных востоковедов. Дело в том, что она опровергала взгляд, широко распространенный в мировом востоковедении, о том, что хунны были предками древних тюрков-тугю (VI в.), как это неоднократно удостоверялось древними китайскими письменными источниками. Поэтому мы позволим себе в настоящей книге рассмотреть гипотезу Е. Пулибланка. Это сделать тем более необходимо, что мы в своих историко-этнографических и археологических исследованиях народностей Саяно-Алтайского нагорья, опираясь на различные исторические источники, неоднократно заявляли о принадлежности древних тюркоязычных предков современных алтайцев и тувинцев к хуннской этнической среде, которую мы представляем себе в виде конгломерата, с преобладанием в нем тюркоязычных этнических элементов.

Профессор Е. Пулибланк как лингвист полагает, что главным подтверждением теории хуннского происхождения древних тюрков-тугю была очевидная связь между словом *ch'en-li* — «небо» в языке хуннов с тюркским *tangri* (стр. 240). Со ссылкой на знаменитого П. Пельо, проф. Пулибланк подчеркивает, что связь эта в тюркском и монгольском языках неустойчива, и находит, что в обоих этих языках данное слово было заимствованным. Далее, он буквально отмахивается от ряда свидетельств ранних китайских историков о происхождении древних тюрков от хуннов. не признавая за ними «доказательной ценности» только потому, что в древнетюркский период, к которому относятся свидетельства письменных источников, «подлинные хунны» будто бы «давно исчезли» в связи с выходом на историческую сцену в середине VI в. древних тюрков. Вот те аргументы, на основании которых теория хуннского происхождения древних тюрков объявляется ниспровергнутой. Мы не будем касаться здесь лингвистического опровержения ее, ибо это не входит в нашу компетенцию. Однако мы обязаны пояснить, какое источниковедческое наследие так легко отбрасывает проф. Пулибланк, исходя из своего представления об исчезновении потомков хуннов в древнетюркское время. Из династийной истории Чжоушу (551—583 гг.) уже давно было известно, что предки древних тюрков-тугю, под названием Ашина, составляли отдельную отрасль дома Хунну.⁷ Этногенетическая связь древних тюрков с хунну засвидетельствована источником довольно определенно. Но имеются и другие исторические сообщения, позволяющие детализировать и уточнить эту связь. С тех пор как появилась публикация новых источников по истории восточных тюрков-тугю, уже нет сомнения

———?*** Мичурин (И а к и н ф). Собрание сведений о народах, обн-ших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 220.

в том, что они произошли от смешения поздних хуннов, проникших на запад после 265 г. (т. е. в период массового переселения на запад хуннских племен из восточной части Центральной Азии и из Ордоса), в районе небольших государств Пиньяна и Хэси (провинция Ганьсу) с местными ираноязычными «варварами».⁸ Отсюда после разгрома Пиньяна Китаем во 2-й половине V в. предки тугю откочевали в горы Гаочана, к северо-западу от Турфана, и были покорены жужанами, а затем переселены последними на южные склоны Монгольского Алтая, где они занимались кузнечеством для жужанских каганов.⁹ Кроме того, в известных древних письменных источниках имеются указания на происхождение ряда тюркоязычных племен, относящихся к группе теле, также непосредственно от хуннов. Возьмем уйгуров, тюркоязычность которых ни у кого не вызывает сомнения. О них в Таншу прямо говорится, что их предками были хунны.¹⁰ В более ранней династийной истории Вэйшу предки племен теле, в частности предки уйгуров, не только выводятся от хуннов, но и отождествляются с ними в отношении языка. В летописи сказано: «Язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница».¹¹ Следовательно, имеется свидетельство и о тюркоязычном характере языка какой-то части хуннов, поскольку мы считаем хуннов в целом этническим конгломератом. Мы вправе привести это доказательство, ибо проф. Пулибланк сям пользуется такого рода аргументами. Он пишет, например, опираясь на Вэйшу, что поскольку ухуань и сяньби говорили на одном языке, а П. Пельо очень убедительно показал монголоязычность некоторых групп сяньбийцев, то следовательно и ухуаньцы были монголоязычными.¹² Ограничиваясь приведенными фактами, незаслуженно игнорируемыми проф. Пулибланком, мы хотели бы подчеркнуть, что так называемые «подлинны хунны» в древнетюркское время вовсе не исчезли. Ряд племен из этнического состава хуннов вошел, вероятно частично, под своими родо-племенными названиями, частью измененными, в конфедерации племен теле или в древнетюркские каганаты. Во всяком случае в составе племен теле одно племя носило даже народное имя хунну и именовалось, как известно, хун.¹³ Кстати сказать, С. Г. Кляшторный

⁸ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-kue), Bd. I. Wiesbaden, 1958, S. 40; История Тувы, т. I, стр. 59—60.

⁹ Подробнее и на более широкой источниковедческой базе вопросу происхождении тюрков обосновал С. Г. Кляшторный (Древнетюркские иероглифические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 106—114).

¹⁰ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 301

¹¹ Там же, стр. 214. Ср.: «Предки теле были потомки хунну (Суй-шу)». Liu Mau-tsai, ук. соч., стр. 109.

¹² Е. Рибланк, ук. соч., стр. 259.

¹³ О. Ритсак. Hun, der Volksname der Hsiung-nu. Central Asiatic Journal, vol. V, 1959, № 1.

недавно обратил внимание на то, что в согдийских «старых письмах» впервые воспроизводится имя центральноазиатских гуннов не иероглифически, а алфавитным письмом в форме xflnhtln.¹¹

Наше многолетнее изучение истории племен Саяно-Алтайского и Хангайского нагорий убеждает в том, что кочевые племена, особенно крупные, вовсе не исчезают бесследно даже в самые драматические времена их жизни, в период войн и поражений, а рассеиваются и вновь появляются, вновь консолидируются под старым или новым названием.

Перейдем теперь к краткому изложению новой гипотезы проф. Пулибланка, которая базируется на чисто лингвистических доказательствах. Автор собрал 190 вероятных хуннских слов для древнеханьского периода (202 г. до н. э.—25 г. н. э.): 57 слов из Хоу Хан-ши (25—265 гг.); 31 слово из Цзинь-шу (265—420 гг.).¹⁵ Из всего этого количества предположительно хуннских слов абсолютное большинство представляет собой собственные имена или титулы, что, разумеется, весьма снижает их научную ценность, так как обе эти категории слов широко распространяются путем заимствования. Но среди них имеется и несколько так называемых культурных слов, исследование которых может дать плодотворные результаты. После общего фонологического анализа путем предположительного восстановления древних китайских фонологических транскрипций, обозначающих эти слова, автор приходит к выводу, что в упомянутом словарном фонде из 278 слов выявляются две особенности (наличие начальных г и л), которые говорят против алтайских связей и не обнаруживают близкого сходства с какой-либо известной нам формой тюркского-или монгольского языка.¹⁶

Так была решена по-новому судьба хуннского языка в целом и начаты поиски его современного потомка, которым, по мнению автора, является современный «енисейский», именно кетский, язык, недавно еще именовавшийся в научной литературе «ени-сейско-остяцким». Проф. Пулибланк проделал большую работу по сопоставлению ряда выбранных им предположительно хуннских слов с современными кетскими или со словами недавно исчезнувших родственных кетам коттов. Он не скрывает того, что ему было «трудно сравнивать фонологию хунну (добавим, восстановленную предположительно, — Л. П.), как она открывается в китайских транскрипциях ханьского периода, с недостаточно, изученным кетским и коттским языками на два тысячелетия позднее».¹⁷ Заявив, что «фонология не может прийти на помощь»^m

is S" о Д^{ляшт}ор^{ный} > у^к-соч > ст^р-108-іе т ^ u * * е у^ь 1 а п к, ук. соч., стр.

240. \° Там же, стр. 242.

как пит^{*1} Ж6, оГр¹ ^" ^т0 тем более справедливо, что в настоящее время, и алтайски^{па?Тор¹ 9} кетский язык так же мало Допускает начальное г, как

автор обращается к словарному составу и выдвигает ряд сравнений культурных слов между языками хунну и «енисейским». В результате у него относительно удачно сопоставлены с «енисейскими» три слова: «сын», «камень», «молоко». Далее с большими натяжками и оговорками идут слова: «конь», «кислое молоко». Наконец, для слов «масло», «кумыс» и «сухой сыр» не найдено сопоставлений за отсутствием их в кетском. При этом автор признает, что «кислое молоко», «кумыс», как и слово «небо», можно проследить в монгольском и тюркском языках. И еще одно хуннское слово — «сапоги» — может быть в некоторой степени сопоставлено с кетским, на что уже обращалось внимание раньше. Однако автор вслед за проф. Лигети (L. Ligeti) и проф. Бэйли (K. Bailey) склоняется к иранскому происхождению этого термина.¹⁸

Кроме того, проф. Пулибланк из множества хуннских слов рассматривает четыре наиболее известных титула, как *шаньюй*, *хатун* и т. п., из которых он только один, да и то с оговоркой, что это «всего лишь предположение», сопоставляет с «енисейским», а остальные находит в тюрко-моыгольской среде. Из всего сказанного проф. Пулибланк делает неожиданный вывод: «Простейшей гипотезой для объяснения этих фактов является та, что хунну говорили на енисейском языке, что тюрки и монголы, их преемники в качестве хозяев восточных степей, приняли в себя элементы хуннской культурной и политической организации с соответствующими названиями».¹⁹ Предложенную гипотезу, основанную на лингвистических доказательствах, проф. Пулибланк предлагает подвергнуть проверке другими видами доказательств, в частности археологическими.²⁰

Оценивая гипотезу проф. Пулибланка, мы должны признать, что она является результатом увлечения формальными лингвистическими реконструкциями, оторванными от исторических реальных фактов, от исторического процесса, протекавшего в хуннское и последующее время на огромных просторах Центральной Азии и пояса обширных степей, тянувшихся от Алтая до Дуная. Как известно, хуннское объединение, первоначально центр которого в III в. до н. э. находился по южную сторону пустыни Гоби, включая Ордос, распространяло политическое господство далеко на запад (до Средней Азии) и на восток (до Большого Хингана и Ляодунского залива включительно), на юг до Китая и на север до Байкала. Позднее хунны доходили до юго-востока Европы. Однако на всем этом огромном пространстве нигде не сохранилось следов кетской «енисейской» речи, зато

¹⁸L. Ligeti. Mots de civilisation de Haut Asie en transcription thi-noise. Acta Orientalia, vol. 1, 1950, fasc. Budapest.

¹⁹E. Pulleyblank, ук. соч., стр. 243.

²⁰Там же, стр. 265.

повсюду сохранились тюркские языки (а местами монгольские). Трудно себе представить, чтобы в столь широком ареале хунн-ского распространения, если хунны говорили по-кетски, не осталось бы никаких следов «енисейского» языка. Напротив, согласно китайским летописным известиям, да и генеалогическим легендам, тюркоязычные племена теле и тюкю несомненно вышли из хуннской среды. Они сохранили и развили именно тюркские языки. И не только языки. Многие обряды и обычаи, особенности хозяйства, культуры и быта древних тюркоязычных племен сходны с хуннскими именно потому, что генетически они БОСХОДЯТ к хуннам. Нам удалось в этом убедиться на археологическом материале из раскопок хуннского и древнетюркского времени в Туве.²¹ Мы знаем также археологически хуннов в Забайкалье и Монголии. Но где же у современных потомков древних хуннских племен кетоязычная «енисейская» речь, или хотя бы ее малейшие следы?

Антропология также не подтверждает связи хуннов с кетами Енисея. Имеющиеся в настоящее время антропологические материалы по хуннам Забайкалья и Монголии и современные краниологические материалы по кетам не дают оснований для сближения хуннов с кетами. Последние обнаруживают ясное «ходство с современными народами севера Средней Сибири (селькупы, ненцы). Хунны Забайкалья, например, гораздо более монголоидны, и их родство с аборигенным более древним населением хорошо прослеживается при сопоставлении с антропологическими материалами неолита, бронзового века и скифского времени. Так же нет оснований для установления антропологической близости между кетами и хуннами Тувы.²² Поэтому, отдавая должное труду, таланту и эрудиции проф. Э. Пулибланка, который опубликовал свою реконструкцию фонетической структуры древнего и среднекитайского языка, внося много важных изменений в известную реконструкцию Карлгрена,²³ мы с исто-рико-этнографической точки зрения не можем не отнестись критически к гипотезе о языке хуннов как языке «енисейском» (т. е. кетском, коттовском, арийском) потому, что она находится в полном противоречии с большой серией научно установленных исторических и этногенетических фактов, потому что она изолирована от конкретного исторического материала, который нельзя не учитывать при решении вопроса об этническом составе и языке хуннов.

Частично такие данные опубликованы нами: История Тувы, т. 1, стр. 60—64.

Этой справкой я обязан антропологу И. И. Гохману, занимающемуся³¹ ⁴² ^{Нием}

^{ант}ропологии хуннских могильников.

Par' ?Q ^ar'1§^{ген}- 1) Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese. j^{sr} *"23; 2) Grammata Serica, script and phonetics of Chinese and Sino-panese. Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, 1940.

Наконец, укажем еще на одну особенность данной гипотезы с историко-этнографической точки зрения. При подавляющем преобладании в составе предполагаемых хуннских слов имен и титулов следует иметь в виду, что они могли попасть к хуннам из других языков, в том числе и «енисейского», ибо известно, что далекие предки кетов появились в Сибири из южных районов Центральной Азии, а современный кетский язык даже принято часто связывать с тибето-бирманской группой.²⁴ Отрицая гипотезу проф. Пулибланка, мы вовсе не склонны считать его труд по сопоставлению предполагаемых хуннских слов с «енисейско»-кетскими бесполезным. Напротив, не может быть сомнения в том, что автор внес в хуннскую проблему серьезный вклад, который заключается в выявлении новых исторических сигналов, свидетельствующих либо о вхождении в этнический хуннский конгломерат древних предков енисейских кетов, либо об их тесном контакте с этим конгломератом, и если даже не непосредственно с политическим центром хуннов, то во всяком случае с его периферией. Тем самым укрепляется точка зрения, рассматривающая хуннскую этническую среду как своеобразный конгломерат преимущественно тюркских, а также монгольских, енисейско-кет-ских и некоторых других этнических элементов, определение которых еще предстоит.

Отвлекаясь от всех перипетий, связанных с хуннской проблемой, мы должны подчеркнуть огромное значение археологических* памятников хуннского времени и антропологического материала из них в изучении проблемы этногенеза народов Южной Сибири вообще и в частности алтайцев. К сожалению, на Алтае еще не изучены археологические памятники хуннского времени. Пока в значительной мере это сделано лишь в Туве.²⁵ Некоторые итоги изучения их в Туве дают возможность утверждать, что хуннское время нужно считать начальным этапом этногенеза современных тувинцев и, вероятно, современных алтайцев. В этот период путем инфильтрации из южных районов (и смешения с местным населением) в Саяно-Алтайское нагорье развивается монголоидный физический тип населения, характерный для жителей **Тувы** и Алтая. Далекие исторические предки современных алтайцев и тувинцев — племена теле вышли из хуннской среды, что удостоверено китайскими письменными источниками. Вот почему, затра-

²⁴ Известный лингвист Леви пишет: «Важность кетского языка как связующего звена между Кавказом и Дальним Востоком трудно переоценить» (E. Lew i. Ketica. Materialien aus dem ketischen oder jenseits-jakischen aufgezeichnet von Kai Dormer. Helsinki, 1955, стр. 125).

Подробнее об этом см.: Е. А. Алексеенко. Кеты. Л., 1967; А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968.

²⁵ См. работы: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. М.—Л., т. 1, 1960; т. II, 1966; История Тувы, т. I.

живая вопрос о наиболее ранних исторических предках алтайцев, мы довольно подробно рассматриваем материал, относящийся к племенам теле и к древним тюркам-тугю.

В настоящей работе мы применили несколько иную методику, отличающуюся от наших более ранних публикаций. Отталкиваясь от хорошо изученного современного этнического состава алтайцев, мы постепенно удаляемся в глубь веков и, основываясь на свидетельствах различных источников, определяем ряд основных этнических компонентов различной исторической давности, которые сыграли решающую роль в происхождении современных алтайцев. Намеченный объем нашей работы не позволил включить в нее обширный конкретный археологический материал, хотя некоторые обобщения и выводы, вытекающие из него, мы включили в отдельные части заключительной главы. Нам остается выразить надежду, что представленная работа, отражающая современное состояние источников, окажется полезной не только для современных алтайцев, но и для будущих этногенетических исследований, посвященных широкому кругу народов Саяно-Алтайского нагорья.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ АЛТАЙЦЕВ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.

Большинство алтайцев обитает в настоящее время в Горно-Алтайской автономной области. Общая их численность по переписи 1959 г. 44 654 чел. До Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы не составляли единой народности и не имели общего самоназвания. Они расчленились на ряд родо-племенных или территориальных групп, часто изолированных, различных по занятию и образу жизни, этническому происхождению и т. д., именовавших себя по родо-племенному или территориальному признаку.

За советский период истории алтайцы консолидировались. Они развили у себя современные отрасли сельского хозяйства (преимущественно животноводство и земледелие). У них появились некоторые виды социалистической промышленности. На основе социалистической экономики у алтайцев заметно повысился культурный уровень и резко изменился домашний быт. Основной чертой нового процесса является не только выравнивание экономики и повышение материального и культурного уровня жизни даже в наиболее глухих уголках, но формирование новых общих черт культуры и быта в различных районах Горно-Алтайской области, ранее резко отличных.

Под влиянием новых общественно-экономических процессов ныне исчезло практически деление алтайцев на родо-племенные или территориальные группы, хотя память об этом очень жива, особенно в среде старшего поколения. Остатком прошлой родо-племенной дробности и разобщенности является все еще значительное количество диалектов и говоров в современном алтайском языке, хотя постепенно стирается и этот пережиток. На смену ограниченному узкому родо-племенному сознанию, характерному для весьма длительного периода в истории алтайцев, появилось более общее и единое национальное самосознание.

Перед нами стоит довольно сложная научная задача. Нужно ответить на вопрос о том, каково происхождение современных алтайцев, историческое прошлое которых уходит в глубокую древность. Проблема происхождения тюркоязычных племен Алтая давно относится к числу наиболее трудных и неразработанных в этнографии Сибири. Несмотря на то что Алтай издавна привлекал к себе внимание ученых, в дореволюционное время только

двое из них, именно В. Радлов и Н. Аристов, коснулись этой проблемы, да и то не специально, а, можно сказать, попутно, Радлов при этом ошибочно полагал, что Алтай является древнейшей прародиной тюркских племен вообще и находил, что изучение алтайцев, которому он посвятил несколько десятилетий, может пролить свет на вопрос происхождения тюрков вообще. Аристов также считал, что Алтай является прародиной тюрков. Однако при рассмотрении проблемы происхождения и этнического состава тюркских племен и народностей России он мало уделил внимания непосредственно алтайцам, хотя высказал довольно убедительное предположение, что южные алтайцы являются потомками гаогюйских племен, именовавшихся в китайских письменных источниках также термином *теле*. Относительно северных алтайцев автор принял предположение Радлова, что они тюрки-зированные енисейские остяки (кеты) и самодийцы, хотя для некоторых из них, именно кумандинцев и челканцев, Аристов по существу делал исключение и был склонен видеть в них потомков древних тюрков-тюкю.

Таким образом, мы можем вполне обоснованно заявить: до сего времени не было сколь-либо серьезных исследовательских попыток подойти к решению проблемы происхождения алтайцев. Дореволюционной науке это казалось даже непосильной задачей. В. Радлов прямо заявлял: «Едва ли окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири».¹

По-иному относится к данной проблеме сибиреведения советская историческая наука, в частности этнография. Она не только не отрицает возможности успешного изучения происхождения различных народностей Сибири, но даже накопила в этом отношении ценный исследовательский опыт, как практический, так и теоретический.

Происхождение любой сибирской народности, конечно, представляет собой одну из наиболее трудных историко-этнографических проблем, особенно в тех случаях, когда речь идет о народности, не имевшей в прошлом своей письменности и литературы. Однако научные методы и приемы, о которых было уже упомянуто выше, дают положительные результаты в изучении вопросов происхождения многих сибирских народностей и вполне себя оправдали. Главной особенностью таких исследований является последовательный историко-материалистический подход на основе комплексного изучения и сопоставления различных видов источников. В отношении каждой народности можно утверждать, что *» а появилась не сразу, а формировалась в течение определен-ел^{тм} йногда^{оч} очень длительного исторического периода. Процесс ения народности протекает в конкретных исторических и

^w- Radloff. Aus Sibirien, Bd. I. Leipzig, 1884, стр. 143. .

географических условиях и обусловлен вполне определенными социально-экономическими причинами. Конкретные условия формирования народности отражаются в самых различных видах источников, которые необходимо выявить и изучить в их совокупности. К такого рода источникам для изучения этногенеза народностей Южной Сибири относятся прежде всего различные виды археологических памятников, особенно погребения, так как они содержат обычно богатый бытовой инвентарь, которым, согласно распространенным в древности религиозным представлениям, снабжали погребенного, отправляя его в «потусторонний мир», а также весьма ценный антропологический материал в виде костных остатков погребенных людей. Разнообразные этнографически данные, отражающие материальную культуру, социальную и духовную жизнь, различные обычаи и обряды и т. п., представляют весьма ценный источник для изучаемой проблемы, как сами по себе, с присущими им различными пережитками древности, так и в сопоставлении с аналогичными материалами, характеризующими культуру и быт различных народов. Само собой разумеется, что материалы по антропологии современного населения Южной Сибири, язык, фольклор, этнонимика, топонимика и т. д. также имеют большое значение как исторические источники и должны привлекаться к решению проблемы в самом широком плане. Наконец, нужно сказать и о письменных исторических источниках. Письменные источники имеют высокую научную ценность и должны рассматриваться в комплексе с другими источниковедческими материалами. В отношении многих современных сибирских народностей, бесписьменных или младописьменных в прошлом, особенно помогают древние китайские летописные хроники, но не только они одни, а также тибетские, древнетюркские (в том числе и каменописные), персидские, арабские, монгольские и русские письменные памятники (последние — с XVII в.). Упоминания в любых письменных источниках об изучаемой народности, территории ее обитания, о названии, сведения о культуре и быте и т. п. очень ценны и должны быть использованы в сочетании с другими видами источников.

Мы хотели бы указать на некоторые конкретные письменные исторические источники применительно к нашей работе. Из них в первую очередь нужно назвать китайские, главным образом летописные, сведения, опубликованные в ряде трудов, как давно известных, так и новых.² Следует назвать затем новую тибетскую

—²Н. Я. Вичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., тт. I, II, 1950; т. ГЛ, 1953; E. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux, St.-Pet., 1903; O. F r a n k e. Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Turkvolker und Skythen Zentralasiens. Berlin, 1904; J. J. M. de G r o o t. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesischen Urkunden zur Geschichte Asien, Berlin—Leipzig, 1921—1926; Liu Mau-tsai. Die chinesischen

рукопись из собрания П. Пельо,³ и, конечно, ряд известных персидских, арабских источников, некоторые монгольские, русские, наконец древнетюркские источники.⁴

Рассмотрение вопросов происхождения алтайцев необходимо вести отдельно по двум крупным группам, которые можно назвать по географическому признаку южной и северной, так как между ними до периода социализма существовали резкие различия в культуре и быте, по языку и в антропологическом типе, свидетельствующие о различном этническом происхождении и различной истории культуры южных и северных алтайцев. В лингвистических классификациях тюркских языков не все алтайцы помещаются вместе. В одной из таких распространенных классификаций южные алтайцы, как и большинство северных, отнесены к той группе, в которую входят киргизы, казахи, часть узбеков (поселившаяся в Узбекистане в связи с распадом Улуса Джучия, или Золотой орды, в начале XVI в. при Шейбани-ханеи часто называвшаяся до революции «кочевыми узбеками»), башкиры, тобольские и барабинские татары и др. Эта группа тюркских языков получила в упомянутой классификации наименование северо-западной или кыпчакской. Однако шорцы по признакам, положенным в основу данной классификации, отнесены к другой, так называемой северо-восточной группе языков, которую еще именуют уйгурской — по основному ее языку.⁵ Новые исследования внесли существенные коррективы в данную классификацию, в историю сложения и развития языка алтайцев, но факт разделения разговорного языка на диалекты, «объединяющиеся в две группы — южную и северную, каждая из которых V)

Nachrichten zur Geschichte der Ost-turken (T'u-kiie), Bd. I, II. Wiesbaden, 1958; Н. В. К ю н е р. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, и др.

³ J. В а с о t. Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cinq en-voyes ouighours au VIII-e siecle. Journal Asiatique, Paris, 1966; G. С l a u- s o n. A propos du Manuscrit Pelliot Tibetaïn 1283. Asiatique, Paris, 1957.

⁴ V. Minors ky. 1) Hudud al-Alam. The regions of the World. A per-sian geography. London, 1937; 2) Scharaf al-Zaman Tahir Marvasi on China, the Turks and India. London, 1942; 3) Tamim ibn Bahr's. Journey to the Uyghurs. Bull. of the School of Oriental and African studies, University of London, vol. XII, 1948, pt. 2; Р а ш и д- а д- д ин. Сборник летописей, М.—Л., т. I, кн. 1, 2, 1952; т. II, 1960; Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., т. I. М.—Л., 1941; W. R a d l o f f. Die alttiirkischen Inschriften der Mongolei, 1—3. St.-Pet., 1894—1895; новое издание, 1897; второе издание, 1899; С. Е. М а л о в. 1) Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; 2) Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; 3) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, и др. Более подробно зарубежные и русские письменные источники указаны в моих работах: Очерки по истории алтайцев. Изд. 2. М.—Л., 1953; История Тувы, т. I. М., 1964 (в Введении и ряде глав, написанных мною).

⁵ А. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пгр., 1922. ,
tj^ихет^

характеризуется фонетическими, лексическими и грамматическими»,⁶ остается в силе.

Особенно велики были различия в формах хозяйства, культуры и быта южной и северной групп алтайцев.

Южные алтайцы до Великой Октябрьской социалистической революции были типичными скотоводами, развитое молочное хозяйство которых составляло основу их питания. Тюркоязычные (а иногда монголоязычные) названия многих пищевых продуктов возникли в глубокой древности и сохранились у алтайцев до сего времени.

Северные алтайцы были исконными пешими охотниками на зверя. Их техника и приемы промысла зверя относятся к охоте, характерной для таежной полосы северной Азии. Это — "пешая лыжная охота, с ручными нартами для охотничьей поклажи, с устройством больших деревянных сооружений при коллективной облаве на копытного зверя, с применением ловчих ям, луков-самострелов, настораживаемых на звериных тропах и с деревянными ловушками спускового устройства, зажимающими мелкого зверька, и т. д. Охотой северные алтайцы занимались в соединении с мотыжным земледелием (с карликовыми посевами на расчищенных участках горной тайги), рыболовством в таежных реках и собиранием съедобных корней и стеблей диких растений. Некоторые отрасли собирательства, по крайней мере со второй половины XIX в., приобрели у них значение доходного товарного промысла. Речь идет прежде всего о сборе кедрового ореха, который скупался главным образом русскими торговцами. В конце XIX и начале XX столетий ореховый промысел составлял у кумандицев, челканцев и тубаларов едва ли не главную статью, денежного заработка, уступая только разве выручке от добычи пушнины. В указанное время получила развитие и весенняя заготовка черемши (*Allium ursinum* L.) для продажи ее на деньги или в обмен на муку и другие продукты русским крестьянам, охотно запасавшим черемшу на зиму. Из древнего собирательства у северных алтайцев возникло и пчеловодство, но уже под влиянием русских крестьян. Собираение меда диких пчел превратилось под упомянутым культурным воздействием в бортничество, а за тем и настоящее пасечное пчеловодство.

Охарактеризованный древний хозяйственный комплекс, порожденный низким уровнем развития производительных сил, наложил столь сильный отпечаток на все стороны жизни северных алтайцев, что это дало повод известному этнографу В. Г. Богоразу отнести их к представителям древней, первобытной, так называемой «праазиатской», культуры и назвать «отюреченными праазиатами». Основанием для такого заключения послужил тот

—⁶ Н. А. Баскаков. Алтайский язык. (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М., 1958, стр. 5.

факт, что они, как и другие охотничьи племена Саяно-Алтайского нагорья, говорят в настоящее время на тюркских языках и диалектах. Культуру северных алтайцев, как и некоторых горно-таежных племен Саяно-Алтая, Богораз вообще считал реликтом древнейшей пешей охотничьей (звероловческой) культуры Северной Азии, пешей потому, что для носителей ее было характерно передвижение зимой на лыжах, с грузом, либо переносимым на спине, либо влекомым за собой на ручной нарте, на волокуше, а летом — пешком или на лодках и плотиках по таежным речкам.⁷ Из этого видно, что мнение В. Радлова о северных алтайцах как о тюркизированных енисейских осяках (кетах) и самодийцах нашло поддержку по существу в гипотезе Богораз об «отю-реченных праазиатах», поскольку Богораз относил к представителям древней праазиатской культуры и кетов, и самодийские племена Саяно-Алтайского нагорья.

Не вдаваясь в обсуждение проблемы, выдвинутой **В. Г. Бого-разом**, подчеркнем только, что древность культуры в описанном нами комплексе для северных алтайцев удостоверена весьма ранними письменными источниками (китайскими летописями) для всего таежного Саяно-Алтайского нагорья и прилегающих к нему лесных районов других горных систем. Древняя охотничья культура была связана здесь как с самодийскими, так и некоторыми другими этническими элементами, но не тюркскими, хотя все северные алтайцы в настоящее время тюркоязычны, причем некоторые из них сохраняют в языке даже древние языковые черты, известные по руническим каменописным памятникам древнетюркского (VI—VIII вв.) и уйгурского (VIII—IX вв.) времени.

Этнографическое своеобразие южных и северных алтайцев сложилось, следовательно, на различной материальной основе и в различных географических условиях Алтае-Саянского нагорья. Этнографические особенности культуры и быта южных алтайцев выросли на базе кочевого и полукочевого пастбищного скотоводства, в то время как у северных алтайцев они вырабатывались в течение многих веков на основе пешей охоты на зверя, таежного рыболовства, мотыжного земледелия и собирательства дикорастущих растений.

У обеих групп алтайцев наблюдалось резкое различие в форме, конструкции и материале жилища, одежды, в характере и способе приготовления пищи, в средствах передвижения, в устном народном творчестве, изобразительном искусстве, в нравах и обычаях, в обрядах и культе. Основным типом жилища у южных алтайцев была войлочная разборная юрта и конический шалаш из жердей,

и В. Г. Б о г о р а з. Древние переселения народов в Северной Евразии *Сспн* Америке. Сборник Музея антропологии и этнографии Акад. наук ^{^L,P}, т. vi, л., 1928.

^крытый корой лиственницы или берестой. У северных алтайцев шалаши имели другую форму, у них были распространены полуземлянка и срубные низкие однокамерные жилища. Мясо зверей, продукты мотыжного земледелия, рыба и съедобные дикие растения были характерной пищей для северных алтайцев, как для южных алтайцев — молочные продукты.

Если для южных алтайцев основным средством передвижения была верховая и вьючная лошадь, то для северных — плотик и лодка в летнее время и лыжи зимой. Для устного народного творчества южных алтайцев был типичным героический эпос, а для северных — сказки бытового и фантастического содержания, небольшие рассказы и легенды, типа преданий или бывальщин, рассказы о животных и т. п. Содержание фольклора северных алтайцев было насыщено отражением охотничьего образа жизни. Даже в религиозных воззрениях, в шаманском культе существовали четкие различия. У южных алтайцев выдающуюся роль в шаманском культе играла лошадь, которую приносили в жертву при некоторых шаманских молениях. Шаманы при камлании облачались в специальный плащ, символизирующий птицу, а бубен у шаманов южных алтайцев имел характерные особенности в рисунках, форме деревянной рукоятки и т. п. У северных алтайцев был развит культ медведя, их шаманы не имели специального плаща, а шаманский бубен по рукоятке, рисункам и форме весьма отличался от южноалтайского. У нас нет необходимости более подробно и широко описывать различия в культуре и быте северных и южных алтайцев, так как этот вопрос достаточно освещен в этнографической литературе. Коснемся еще вкратце антропологических признаков обеих групп алтайцев.

Большие антропологические различия между южной и северной группами алтайцев не вызывают сомнения. Южные алтайцы относятся нашими антропологами, как и тувинцы, буряты, монголы, якуты к наиболее монголоидному, так называемому центрально-азиатскому и южносибирскому типам. У северных алтайцев монголоидность основных антропологических признаков выражена гораздо слабее, но у них наличествуют и европеоидные признаки. Северные алтайцы относятся антропологически, вместе с рядом угорских и самодийских народностей, к уральскому типу. {Таким образом, северные алтайцы, особенно шорцы и куман-",дишгы, обнаруживают общность антропологического типа но измерительным и описательным признакам не с южными алтайцами, а с обскими уграми: хантами и манси. В этой связи мы должны подчеркнуть еще один весьма существенный момент. Если хозяйственный, культурный и антропологический облик северных и южных алтайцев резко отличались между собой, то как северные, так и южные алтайцы обнаруживали в отношении антропологического типа, а также типов хозяйства, культуры и быта генетическое сходство с кругом иных, не проживающих ныне

на Алтае племен и народностей, порой совершенно отличных и до языка. Подобное сходство, конечно, отражает древние этноге-нетические связи. Характеристика и анализ его крайне необходимы для изучения происхождения обеих групп алтайцев, смешанный этнический состав которых не вызывает сомнения. К сожалению, мы не имеем достаточного источниковедческого материала для сравнительного сопоставления в отношении каждой родо-племенной группы и тем более каждого отдельного сеока алтайцев, что в других случаях, как увидим ниже, дает плодотворные результаты. Однако тогда, когда позволяет конкретный историко-этнографический материал, такое сравнение нами делается.

Итак, раздельное рассмотрение вопросов происхождения и этнического состава южных и северных алтайцев не только диктуется удобством научного анализа, а является необходимым по существу.

Наше исследование целесообразно начать с характеристики этнического состава обеих групп алтайцев. Для целей, поставленных в настоящей работе, прежде всего необходимо будет восстановить картину родо-племенного и территориального деления алтайцев для начала XX в. Данные переписи 1897 г. и этнографическая литература позволяют это сделать довольно подробно.

Рассмотрим сначала, какие конкретные группы населения относились к южным алтайцам и какие к северным. К южным алтайцам относились: 1. Теленгиты, населявшие бассейны рр. Чуй и Аргута (притоки Катуня), большая часть которых была сосредоточена в долине р. Чуй и, кроме общего названия теленгит, именовала себя по территориальному признаку *чу-кижи*, т. е. люди р. Чуи^ч. 2. Собственно алтайцы (*алтап-кижи*), расселявшиеся по среднему течению Катуня и бассейнах некоторых ее притоков: Урсула, Семы, Маймы, а также в системе рр. Чарыша, Кана, Песчаной. Среди этих алтайцев выделялась территориальная группа *майма-кижи*, или *маймалары*, т. е. жители с р. Маймы. Так именовало себя население бассейна р. Маймы, правого берега Ка-туни, которое по составу родов, входивших в эту группу, представляло собой своего рода смесь из родов собственно алтайцев с некоторыми родами, относящимися к северным алтайцам.^(з) 3. Те-леса, обитавшие преимущественно по рр. Чулышману, Башкаусу и Улагану, причем часть их называла себя *улаап-кижи*, т. е. люди ср. Улагана. 4. Телеуты, жившие по рр. Черге, Майме и др. Большая часть⁴ жила за пределами Горного Алтая, в частности¹¹⁰ рр. Большому и Малому Бочатам, в отрогах Кузнецкого Ала-^{Тай} (ныне Кемеровская область).

л северным алтайцам принято относить следующие родо-пле-
^{ен^Ые} группы: JL Губалары (*туба-кижи*, множ. число — *туба-
Р*), которые занимали долины рек: Большой и Малой **Иши**
притоки Катуня), Сара-Кокши, Кара-Кокши, Пыжи, Уйменя

и др. (притоки Бии).^(^2.)Челканцы, расселившиеся в бассейне р. Лебеди и особенно ее-*притока Байгола, Они обобщенно называли себя *куу-кижи*, т. е. люди р. Лебеди, и поэтому в этнографической литературе иногда встречаются под названием *лебе-динцы*.^{^3.} Кумандинцы, живущие по берегам Бии от р. Лебеди вниз, почти до самого Бийска, а также в низовьях Катуня, где они к рассматриваемому времени слились с местным русским населением.^{?^.} Длорцы, обитающие в Кузнецком Алатау в верхнем течении р. "Томи и ее притоков: Кондомы и Мрассы.⁸

По поводу южных алтайцев приходится сделать следующее существенное замечание. Они еще во второй половине XIX в. делились на три родо-племенные группы, каждая из которых занимала вполне определенную территорию Горного Алтая. Г. Н. Потанин во время своего путешествия в конце 70-х годов записал со слов южных алтайцев следующих три, как он выразился, «отделения» тюркского племени русского Алтая: Алтай, Теленгит и Тоёлес. По словам нашего знаменитого путешественника, «первое отделение кочует по левому берегу р. Катуня, второе — по р. Чуе, третье — по Чулышману и Башкаусу».⁹ Несмотря на четкое территориальное распределение упомянутых трех групп южных алтайцев, Потанин не мог не отметить все-таки, что сеоки или роды южных алтайцев живут смешанно. В частности, он указал на проживание на Чулушмане теленгитов, но подчеркнул при этом, что здешние теленгиты — пришлые. Их приход сюда подтверждается преданиями, из которых следует, что теленгиты пришли на Чулышман из местности Конграй, которую, как можно заключить из рассказов алтайцев, следует отождествить с Сагай-ской степью Минусинской котловины.¹⁰ Однако ко времени переписи 1897 г. смешение различных родо-племенных групп южных алтайцев между собой зашло довольно далеко. Это отразили материалы переписи. Вполне вероятно, что процесс смешения протекал в быстром темпе потому, что царским правительством был открыт в Горный Алтай доступ для переселенцев в конце 70-х годов, чем воспользовалось более всего русское зажиточное крестьянство и кулачество из предгорных районов. Они сразу же стали теснить южных алтайцев, захватывать у них земельные угодья. Все это не могло не вызвать передвижки, уплотнения и перемешивания алтайского населения.

Каждая из перечисленных групп южных и северных алтайцев состояла из определенных родов (по-алтайски *сеок*, что буквально

—⁸ В настоящей работе вопрос о происхождении шорцев не рассматривается, поскольку исследование ограничено в основном населением, обитающим в Горно-Алтайской автономной области.

⁹ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV. СПб., 1883. стр. 1.

¹⁰ Там же, стр. 10, 12. Ср. название Минусинской котловины у тувинцев — Хорай.

начит «кость»). Их следует перечислить, так как многие родовые «именования представляют интерес для выяснения вопроса об этническом составе и происхождении алтайцев. За основу определения секоков-родов по различным группам алтайцев мы берем данные переписи 1897 г., которые будем корректировать показаниями некоторых исследователей, занимавшихся изучением родового состава населения Горного Алтая.¹¹ Согласно этим данным. У теленгитов и телесов, проживавших в момент переписи в 1-й и 2-й Чуйской волости, было зарегистрировано 15 секоков

1 Кобак	1020	21 060/	9 Молот	205	1 33
	010	10 42	10 Тонгжоян	120	2 71
3 Апмат	551	11 65	И Мундук	75	1 59
4 Телес	450	0 51	12 Икит	73	1 54
5 Кыпчак	436	9 22	13 Кергит	54	1 14
6	256	5 41	14 Саян	30	0 82
7 Титас	253	5 34	15 Меркут	5	0 11
8 Абак	246	5 20			

Мы не будем пока касаться вопроса о том, являются ли все эти сеоки теленгитскими, а перейдем к дальнейшему описанию родового состава,

У собственно алтайцев, *алтай-кижи*, проживавших административно в 7 алтайских дючинах, зарегистрировано 36 секоков-родов:

1 Толон	2078 чел	16 31 < 1/2	10 Меркут	166 чел
2 Икит	1072	10 5	20 Космо	120 0 76
3 Найман	1012	10 4	21 Каан	118 0 65
4 Кыпчак	1681	0 21	22 Апмат	105 0 57
5 Мундук	1342	7 34	23 Чаганлык	80 0 40
6 Телес	1333	7 30	24 Молот	72 0 39
7 Кергит	1035	5 67	25 Тумат	72 0 30
8 Тонгжоян	974	5 34	26 Ленбет	56 0 31
9 Саян	684	3 74	27 Богучаян	40 0 27
10 Кобак	565	3 00	28 Ялык	28 0 15
11 Пастух	550	2 06	29 Юк	10 0 10
12 Очы	528	2 89	30 Саян	15 0 08
13 Байпагас	308	2 18	31 Пурут	0 0 05
14 Кобак	248	1 01	32 Елик	7 0 04
15 Пастух	205	1 62	33 Молот	2 0 02
16 Олюн	275	1 51	34 Менет	2 0 01
17 Ала	245	1 34	35 Тогус	1 0 01
18 Ганли	220	1 25	36 Суузан	1 0 01

Если обратимся к тубаларам, проживавшим тогда в черневых административных волостях: Комляжской, Южской, Кузёнской, ергежской, то увидим следующие сеоки:

1900 ^ Швецов. Горный Алтай и его население, т. I, в. 1. Барнаул,

1. Комдош (Кон-12. ГОуты0.4	31 чел. 0.7 ^н / _о дош)	1038 чел." 23.9%	13. Тертае ... 19
2. Юсь	621 " 14.3	14. Санмай ... 18	0.4
3. Чагат	514 , 11.8	15. Мундус ... 12	0.3
4. Тогус	497 . 11.4	16. Тастар ... 8	0.2
5. Кузен	45! 10.4	17. Кергиль . . 5	0.1
6. Ярык	424 9.8	18. Соен 5	0.1
7. Тентерек . .	260 . 6.9	19. Байлагас . . 5	0.1
8. Тибер	228 - . 5.3	20. Иедебеш . . 5	0.1
9. Ялан	96 2.2	21. Сарыглар . . 3	0.1
10. Чор	51 1.2	22. Дьети-Сары 3	0.1
11. Танды	46 1.1		

Что касается челканцев и кумандинцев, то их административные волости не подвергались статистическому, обследованию в 1897 г. Это относится и к телеутам. Однако сеоки у тех и других хорошо известны по сообщению ряда исследователей, и прежде всего В. Радлова, а также нашим собственным многолетним полевым поездкам.

Челканцы состояли из двух родов, названия которых нам удалось уточнить лично. Роды эти: Чалканыг и Шакшылыг (по Радлову же: Якши и Шалган). Верхние кумандинцы (их было в 1869 г. 576 чел.) включали также два рода: Со (или Солу) и Кубан, а нижние (их было в 1869 г. 1571 чел.) четыре: Тастар. Чооты (Йоты), Чабат и Тон (Тонг).

Относительно телеутов сохранились сведения, полученные В. Радловым. Они распались в 60-х годах XIX в. на два племени: собственно телеутов и ак-киштышов — и расселились на большом пространстве по нижнему течению р. Кондомы, ниже ее по Томи и в бассейне р. Чумыша (правого притока Оби). Отсюда они выселялись в XVIII, в XIX и даже в начале XX вв. в Бийский округ в долину нижнего течения Катуни (до р. Маймы). Телеуты имели в своем составе роды: Торо, Очу, Меркит, Ак-Тумат, Чорос. Сарт, Кыпчак, Найман, Телес, Торгуя, Мундус, Тодош, Парат. Чалман. Телеуты ак-киштымы делились на роды: Джоты (Чооты). Тёрт-Ас, Анг и Чунгус.¹² Близка была к телеутам в XVIII в. почти ничем не отличаясь от них по языку и быту, та часть «кузнецких татар», которая именовалась абинпами (*аба*, мн. число *аба-лар*). Они жили в окрестностях г. Кузнецка.

Таков был родовой состав различных групп современных алтайцев к концу XIX в.

Приведенный материал позволяет сделать определенные выводы. Не трудно заметить, что сеоки южных алтайцев отличаются по названию от сеоков северных, причем в районах расселения северных алтайцев сеоков южных не встречается (за редким исключением), а в районах обитания южных алтайцев почти не было сеоков северных алтайцев. Таким образом, налицо резкая

¹² W. R a d l o f f, ук. соч., Bd. I, стр. 212. 24

обособленность южных и северных алтайцев не только в названии сеоков, но и в расселении.

Внутри же перечисленных выше групп алтайцев расселение сеоков было преимущественно смешанным не только вообще, но и в пределах каждой административной единицы (дючины или волости). Возьмем южных алтайцев. У них представители одного и того же сеока были зарегистрированы переписью 1897 г. в самых различных административных дючинах и волостях Южного Алтая. Например, представители сеока Тодош были обнаружены переписью 1897 г. во всех семи дючинах *алтай-кижи*. Представители рода Тонгжоан находились во 2-й Чуйской волости, среди теленгитов и в четырех алтайских дючинах. Однако большая часть их проживала в алтайских дючинах. Сеок Алмат в своей большей части был представлен административно в обеих чуйских волостях, т. е. главным образом в теленгитской среде, а в меньшей — в четырех алтайских дючинах, и т. д. Таких сеоков, представители которых в конце XIX в. находились в различных административных единицах, у южных алтайцев в целом было более половины.

Были у южных алтайцев и такие сеоки, которые целиком обитали в пределах только одной дючины или волости. Таковы сеоки: Оргончи и Титас в 1-й Чуйской волости, Ябак — во 2-й Чуйской волости, Модор, Ара, Байлагас, Дербет, Сарыг в 4-й дючине. Но, во-первых, таких сеоков было очень мало, а во-вторых, насколько известно, большинство их недавно пришло на Алтай. Это точно можно сказать, например, в отношении сеоков Модор, Ара, Дербет, Соён, Сарыг, Могол, Тумат, Бурут. Сеоки Ара и Модор — потомки конных аринов и моторов, кочевавших еще в XVII в. в бассейне Енисея близ Красноярска. Часть их была уведена в начале XVIII в. вместе с енисейскими кыргызами, джунгарскими зайсанами в бассейн р. Или, где енисейские кыргызы именовались бурутами.¹³ В 40-х годах XVIII в., как видно из ряда русских официальных документов, некоторые из них возвратились на родину под Красноярск. Группы таких беглецов из Джунгарии иногда задерживались царскими властями в пограничных районах западного Алтая, например в районе р. Чарыша. Не случайно, видимо, на Алтае сеоки Ара и Модор оказались в бассейне Ча-Рыша, где, по всей вероятности, и остались их предки, возвращавшиеся из Джунгарии на родину. Этим обстоятельством можно объяснить и то, что представители сеоков Ара и Модор, как и некоторые другие пришельцы, жили не раздробленно, а держались вблизи друг от друга, ибо они оказались здесь в чуждой им этнической среде. Несомненно пришельцами были здесь представители сеока Тумат, основная часть которых живет в Туве. То же самое

*но сказать в отношении сеоков Дербет и Могол, которые были

¹³ - М и л л е р. История Сибири, т. I. Л., 1937, стр. 314.

потомками западных монголов, переселившихся на Алтай из Тувы. Представители сеока Соён — тоже выселенцы из Западной Тувы.

Отмечая факт разбросанности сеоков южных алтайцев по различным их административным единицам, мы отнюдь не должны только на этом основании делать вывод о децентрализации телен-гитских или алтайских родов-сеоков. Следует помнить, что упомянутое выше административное деление южных алтайцев на 7 дючин и 2 волости вовсе не отражало исторически сложившейся стабильной родо-племенной организации, а было делом рук царской администрации, которая после добровольного присоединения алтайцев к России ввела такое деление, используя для него как монгольскую, так и русскую терминологию. Термин *дючина*, настоящее значение которого «40 кибиток», был использован уже в ином смысле. Он означал теперь все население, прикрепленное к управлению зайсана, независимо от его количества. Алтайская *дючина*, как и Чуйская *волость*, не имели твердых или устойчивых территориальных границ. Состав такой административной единицы определялся не территорией, а населением, приписанным к ней, вне зависимости от того, на какой территории проживали кочевники данной дючины или волости. «Приписывали» население к зайсану не персонально по именам и фамилиям, ибо фамилий алтайцы не имели, а по названию рода-сеока. Где бы ни проживал на территории Алтая член того или иного рода, например Кыпчак или Найман, он знал, что его сеок приписан к определенному зайсану, куда и нужно было платить подати, обращаться по судебным делам и т. д.

Тем не менее у южных кочевников, приписанных к той или иной дючине и волости, живших вперемежку, все же наблюдалась в некоторой степени концентрация населенш в пределах определенной территории. Население 1-й дючины, например, обитало на правом берегу Катуня, особенно в бассейне р. Маймы. Население 2-й дючины кочевало главным образом по рр. Урсуну и Кеньге; 3-й дючины — по рр. Чарышу, Кану, Белому и Черному Ануу, т. е. в западной части Алтая; 4-й дючины — по рр. Кану и Чарышу; 5-й дючины — по рр. Кану и Кеньге; 6-й дючины — по рр. Кану, Чарышу и Кеньге; 7-й дючины — по левому берегу Катуня, Урсуну и Кеньге. Как видно из этого, наиболее обособленно жило население 1-й дючины, отделенное к тому же от остальных р. Катунью, затем — население 7-й дючины, хотя оно соприкасалось с кочевьями населения, приписанного к 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й дючинам алтайцев. Более тесно группировалось население двух Чуйских волостей: 1-й — по рр. Чуе и Аргуту и 2-й — по рр. Башкаусу, Чулышману и Улагану, т. е. в районе, примыкающем к Телецкому озеру с юга.

Что касается волостей северных алтайцев, то здесь наблюдалась несколько иная картина. Как правило, многолюдный сеок

поживал здесь в рамках только своей волости. Например, сеок fogус жил только в Кергежской волости, сеок Юс — в Южской, сеок Ярык и сеок Кондош — в Комляжской; сеок Кузен — в Кузенской; сеок Тибер — только в Кергежской, и т. д. Исключение составлял сеок Чагат (или Чыгат), представители которого жили в Кергешской (356 чел.) и Комляжской (158 чел.) волостях.

Эти административные волости имели более четкое и устойчивое территориальное разделение по сравнению с дючинами или Шуйскими волостями южных алтайцев.

У северных алтайцев не было такого раздробления сеоков-родов по административным единицам, как у южных. Однако в рассматриваемое время не было здесь и полного совпадения волости только с одним сеоком. В пределах волости как административно-податной единицы, кроме основного иногда числилось по несколько родов-сеоков, хотя и малочисленных. По данным 1897 г., в Комляжской волости были сеоки: Ярык (413 чел.), Кондош (1037 чел.), Чагат (158 чел.), Ялан (96 чел.); в Южской волости: Юс (613 чел.), Чор или Шор (51 чел.), Ярык (11 чел.); в Кузенской — Кузен (451 чел.), Тентерек (260 чел.), Дьуты (31 чел.); в Кергешской — Чагат (356 чел.), Тибер (228 чел.), Тогус (497 чел.), Юс (8 чел.).

У северных алтайцев сеок обитал обычно на территории одной волости, однако это вовсе не означало, что члены каждого сеока жили обязательно вместе. Даже в условиях господства оседлого быта представители одного и того же рода селились разбросанно и нередко смешанно с представителями других сеоков-родов, образуя небольшие селения в долинах горно-таежных рек. Абсолютное большинство (свыше 75%) северных алтайцев жило в бассейне р. Би и в районе северного побережья Телецкого озера. Меньшинство их обитало в бассейне правого берега Катуни, ниже Эдигана.

Теперь следует остановиться на рассмотрении родового состава и попытаться установить основные сеоки-роды по возможности. Для каждой из указанных выше групп как южных, так и северных алтайцев. Начнем с сеоков, входивших в состав 1-й и 2-й Чуйских волостей, т. е. сеоков телесов и теленгитов. По указанным административным волостям перечисленные выше сеоки могут быть представлены в следующем списке, который мы и составили по данным переписи 1897 г.¹⁴

об и ^' ш^еЦ^ов (У^к- соч., стр. 98) дает материал о составе сеоков иИм^х численности в каждой Чуйской волости отдельно, но с ошибками. l g' ^?^a,, пример, пропущен относительно многочисленный сеок Титас дяленное^{СКО^ волости} неправильно вычислен процент каждого сеока к чис-на ос^{ТИ населения} для той и другой волости. Таблица составлена нами и его

Цифровых данных, опубликованных Швецовым (Горный Алтай население, т. I, в. 1, Приложение V, стр. 8—23).

1-я Чуйская волость			2-я Чуйская волость						
1	Алмат	512	33	10/	1	Кобёк	1024	31	2
2	Телес	450	27	4	2	Сагал	812	20	4
	3.	256	15	6	Я.	Кыпчак	434	11	
4	Титас	252	15	5	4	Ябак	240	7	5
5	Оргончи	35	2	1	5	Могол	205	6	4
6	Сагал	7			6	Тонжоян	128	4	0
7	Ябак	6			7	Мундук	75	2	3
8	Кобёк	5	1	7	8	Иркиит	60	2	2
9	Иркиит	4	1	/	9	Кергиц	50	1	6
	10	4			10	Пимат	9	1	
	11	2			11	Меркит	5		Г>
12	сеоки	76	4	6	12	Оргончи	4	1	17
					13	Ойрат	2	1	
					14	сеоки	42		1.Й
1640 чел.			3209						

В 1-й Чуйской волости 89.6% населения составляли 4 сеока: Алмат, Телес, Оргончи и Титас, остальные известные по переписи сеоки были представлены случайно. Во 2-й Чуйской волости 85% населения приходилось на долю сеоков: Кобёк, Сагал, Кыпчак, Ябак, Могол, остальные зарегистрированные переписью сеоки составляли незначительное меньшинство и тоже должны быть признаны случайными. Ядром населения 1-й Чуйской волости были телесы, которые вместе с сеоками Титас и Оргончи представляли большинство. Мы объединяем с телесами сеоки Титас и Оргончи потому, что они считали себя кровными родственниками и между ними были запрещены браки. Кроме того, относительно сеока Титас существует предание, по которому прародительница сеока была девушка из телесов.¹⁵ Сеоки Титас и Оргончи полностью находились в 1-й Чуйской волости. Их представители не зарегистрированы ни в какой-либо другой алтайской дючине или волости. Абсолютное их большинство проживало в низовьях Чулышмана, а Телес по Чулышману, Башкаусу и Улагану. Однако большая часть Телес административно входила в VI Алтайскую дючину (1180 ч.) и обитала среди *алтай-кижи* (или собственно алтайцев) в бассейнах рр. Чарыша, Кана, Песчаной, Ур сула и др.

У алтайских телесов переписью 1897 г. не зарегистрировано деления на сеоки. Посетивший телесов и теленгитов в 1896 г. студент А. Калачев все население обеих Чуйских волостей считал теленгитами, а телесов назвал лишь аристократическим родом теленгитов 1-й Чуйской волости, так как зайсаны, управлявшие наследственно волостью, происходили из телесов. С этим, разумеется, трудно согласиться, ибо большинство такого «аристокра-
¹⁵С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.—Л., 1936, стр. 16.

ического рода» жило среди алтайцев (и частично телеутов), где управлялось зайсанами других южноалтайских родов. Скорее всего, телесы оказались раздробленными между теленгитами, алтайцами и телеутами в силу чисто конкретных исторических причин, о чем собственно и говорится в одном из преданий, записанном А. Ка-дачевым.¹⁶ В предании, в полном соответствии с историческими фактами, говорится об обитании телесов раньше у Телецкого озера. Они вынуждены были покинуть насиженные места из-за набегов «киргизов» (на самом деле казахов) под главенством Кочкорбая, которого им в конце концов удалось убить. Ища сильного покровителя, телесы направились в Улясутай (в предании г. Алястай), но вскоре убедились, что представители китайского императора, находившиеся там, были заинтересованы лишь в том, чтобы обложить телесов тяжелым ясаком (калан). Несмотря на уговоры китайских властей (оккупировавших тогда Монголию) переселиться в окрестности Кобдо по р. Буянту (близ г. Кобдо), телесы предпочли остаться на Алтае. За покровительством они обратились в г. Бийск к русским властям и стали платить им ясак, но были вынуждены также вносить и калан Китаю. С тех пор они стали двоеданцами. Предание легко датируется началом второй половины XVIII в., поскольку в нем упоминается имя казахского феодала Кочкорбая, который производил набеги на Алтай в 50-х годах XVIII в., во время разгрома и истребления населения Джунгарии Маньчжурской династией Китая. Южным алтайцам, как находившимся формально в джунгарском подданстве, также грозило поголовное истребление. Они спаслись благодаря тому, что вошли в подданство Русского государства. Следовательно, раздробленность телесов и территориальные перемещения в свете отмеченных фактов вполне понятны и объяснимы.

У алтайских телесов перепись 1897 г. не зарегистрировала деления на сеоки. Они попали в перепись обобщенно под названием Телес, но лишь в качестве сеока, расселенного среди телен-гитов и южных алтайцев (Радловым он отмечен и у телеутов). какому положению способствовала полная неизученность телесов в этнографическом отношении, без чего было трудно выяснить этот вопрос. Раздробленность телесов среди различных групп алтайцев и сохранность у них общего этнонима приводили к тому, что телесов принимали за сеок. Они сами, находясь в чужой родо-членной среде, стремились больше сохранить свое общее самоназвание, а не название сеоков. Телесы были скорее всего особым племенем, с присущим, ему родовым составом. Даже теперь еще °я?но, хотя бы частично, определить некоторые сеоки телесов. .^{b1}Ше мы уже говорили о сеоках Оргончи и Титас, которые до пор признают себя кровными родственниками и не вступают

18чк К а л а ч е в. Поездка к теленгитам на Алтай. Живая старина,

⁰⁰> год тестой, в. III—IV, стр. 499—500.

в брак между собой и телесами из-за боязни рщеста, но не считают себя в то же время кровными родственниками ни с одним теленгитским или алтайским сеоком. Таким образом, совершенно очевидно, что сеоки Оргончи и Титас — телесские сеоки. Здесь уместно указать, что название Титас в переписи 1897 г. (и у Ка-лачева) является русским искажением термина *Дьети-ас* (семь ас'ов) и вспомнить одну из полевых записей Г. Н. Потанина о том, что настоящее имя телесов будто бы *Джиты-тас* (семь плешивых).¹⁷ Приведенная запись ценна, несмотря на некоторое искажение названия и его этимологии, признанием идентичности телесов и титасов. Затем мы располагаем данными еще об одном сеоке телесов, давно обитающем среди тубаларов. Старики туба-лары, с которыми нам пришлось работать в поле (в конце 20-х и начале 30-х годов), уверенно говорили о телесском происхождении сеока Ярык. Они определяли его частью телесов, живших по р. Чульшшану, переселившейся в Комляжскую волость, где он разделился на два: Сыгынчы-Ярык (ярыки — охотники за маралами) и Кара-Ярык («черные», т. е. обычные ярыки). У них в Комляжской волости были свои два демичи (помощники зайсана), которые управляли обоими сеоками Ярык. Телесское происхождение сеока Ярык подтверждается еще тем, что он считался кровнородственным телесам и браки между сеоками Ярык и Телес были запрещены. В данной связи снова уместно сделать ссылку на киргизов, в числе родо-племенных подразделений которых (наряду с Телес и Мундус) имеется Джарык-(т. е. Ярык).¹⁸ Вероятно, ярыки попали в Киргизию вместе с мундусами и родственными им телесами. Таким образом, наличие у киргизов Джарык служит косвенным доказательством того, что тубаларский сеок Ярык действительно произошел от телесов.

Наконец, относительно сеока Ярык как пришельца к туба ларам свидетельствует и такой существенный факт. Сеок Ярык; не имел в районах нового *обитания* своих родовых охотничьих угодий и промышлял по отдельным логам в родовых угодьях тубаларского сеока Кондош. Не имел сеок Ярык здесь и своей священной родовой горы, а почитал родовую гору комдошей. Далее, мы имеем еще прямые указания на происхождение от телесов тубаларского сеока Чигат (Чагат, Чыгат). Среди тубаларов чыгаты считаются телесскими выходцами из южных районов Телецкого озера.¹⁹ Любопытно, что родовые охотничьи угодья сеока Чигат находились в верховьях Абакана, что вполне объяснимо, поскольку чыгаты вышли из среды телесов.

Чульшманские телесы живут смешанно с теленгитами и частично с южными алтайцами. Обобщенное название телес не яв

¹⁷ Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 9.

¹⁸ С. М. Абрамзон. О параллелях в этнонимике киргизов и алтайцев. Тр. Киргизск. археолого-этногр. экспед., т. III, Фрунзе, 1959, стр. 38

¹⁹ С. П. Швецов, ук. соч., стр. 105.

яется теперь единственным, так как население, живущее по Улагану, именуется еще *улаан-кижи*, т. е. *улаганцы*. Мы думаем, что такая ситуация сложилась в результате процесса этнической и территориальной консолидации. Наряду с раздроблением телесов, обусловленным указанными выше причинами, шел также процесс территориальной консолидации, отразившейся в самоназвании *улаганцы*. Сохранению этнонима *телес* в районе, прилегающем к Телецкому озеру с юга, могло содействовать и чисто историческое обстоятельство. В XVII в. здесь жили телесы в значительном количестве под управлением своих князей, о чем повествуют русские исторические документы.²⁰ Телецкое озеро находилось в руках телесов и от их имени получило русское название. Как бы то ни было, но алтайские телесы никак не могут быть отождествлены с теленгитами, как это представляли себе, например, А. Калачев и С. П. Швецов. Не могут они считаться также всего навсего сеоком алтайцев, теленгитов или телеутов. Телесы на Алтае — это остаток большой и древней племенной группы. Против отождествления телесов с теленгитами говорят некоторые исторические источники XIII в. Так, в известном «Сокровенном сказании» телесы перечисляются в списке «лесных народов» одновременно с теленгитами.²¹ Сохранение на Алтае средневековых телесов вполне объяснимо и естественно, как мы это надеемся показать в последующих главах. Остается еще сказать о проживании телесов вне Алтая. В первую очередь нужно указать на тувинских телесов, которые именуют себя *тулюш* или *тю~люш*. Г. Н. Потанин первым обратил внимание на тувинцев тулюш, сопоставив это название с термином *телес*. Позднее его поддержал Г. Грумм-Гржимайло. Значительная часть телесов живет в современной Киргизии, где они несомненно являются выходцами из Саяно-Алтайского нагорья. Телесы вошли в этнический состав киргизов вместе с мундусами и другими родо-племенными подразделениями южных алтайцев.²²

Однако среди киргизских телесов, именно южной группы, сохранились воспоминания о приходе их предков в Киргизию, как думает С. М. Абрамзон в середине XVIII в. из южной части современного Синьцзяна.²³ Мы полагаем, что в середине XVIII в. в связи с начавшимся разгромом Джунгарии едва ли могло быть переселение из Синьцзяна в Киргизию, вероятно, это было несколько раньше, в период Джунгарского ханства, когда алтайские

Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953,

и Сокровенное сказание, стр. 161. а Н. А. А р и с т о в. Заметки об этническом составе тюркских племен

^а | ° Дностей. Живая старина, 1896, в. 3—4, стр. 341,

ло ^ f Абрамзон. Из этнической истории киргизов. В сб.: Тюрко-
др 'Jon¹⁵ ^ сборник в честь шестидесятилетия А. Н. Кононова. М., 1966,

телесы были втянуты в военные действия ойратов и оказались частично в Синьцзяне. В дальнейшем изложении мы еще коснемся данного вопроса .

Переписью 1897 г. отмечен в 1-й Чуйской волости, кроме те-лесов (включая сюда сеоки Титас и Оргончи), численность которых составляла около 60% всего населения волости, довольно многочисленный сеок Алмат (33% населения). Видимо, это теленгит-ский сеок, так как среди других групп южных алтайцев он зарегистрирован в небольшом количестве (немного более 100 чел.). Это — потомки средневековых алматов, ветви кераитов XIII в.

Во 2-й Чуйской волости основными и наиболее многочисленными сеоками были Кобёк, Сагал и Ябак (последний небольшим по численности), составлявшие вместе около 70% населения волости. Из них, согласно А. Калачеву, «аристократическим родом», из которого происходили зайсаны, был Кобек, расселенный главным образом в бассейне Башкауса. Во 2-й Чуйской волости было²⁴ Д всех кобёков, обитавших на Алтае. Одна треть их числилась во 2-й алтайской дючине (бассейн рр. Чарыша, Кана). Сеок Ябак числился только во 2-й Чуйской волости и больше нигде. По преданию, записанному Г. Н. Потаниным, сеоки Ябак и Кобёк — родственные, так как их эпонимические основатели были родные братья.²⁴

В преданиях и поговорках южных алтайцев говорится о том, что теленгиты были в прошлом очень многочисленным народом. «Теленгитов больше, чем пестрой березы» — гласит одна поговорка (*ала каингнанг коп теленгет*), а более старинное выражение — «*алтон тужен теленгет*» т. е. «шестьдесят туменов теленгитов» (тумен—10 тысяч), свидетельствует о том же.²⁵ Сообщения алтайцев о многочисленности теленгитов в прошлом имеют реальные исторические основания, о чем мы будем говорить ниже. Между прочим, в одном из преданий, записанном в 80-х годах XIX в. среди алтайцев, говорится, что теленгиты (или часть их), живущие по Чулышману, пришли сюда из страны Конграй, точнее из Конграй-Сагай. *Конграй*, как не без оснований полагал Г. Н. Потанин, означает название Енисея, а *Конграй-Сагай* — Са-гайской степи, что, конечно, вполне возможно, ибо в эту степь теленгиты могли проникнуть с юга, со стороны Тувы, где они когда-то обитали.²⁶ Известно также, что группа теленгитов вместе с ойратами попала в низовья Волги, где полностью омонголилась по языку среди волжских калмыков.

Во 2-й Чуйской волости (как и в 1-й), кроме основных сеоков теленгитов, были зарегистрированы в небольшом количестве различные другие сеоки и группы: алтайские, телеутские,

²⁴ Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 7.

²⁵ Там же, стр. 9.

²⁶ Там же, стр. 10.

Таковы: Кышчак, Тонжоан, Мундус, Кергиль, Ирки́т, Соен, из ко-
рых два последних можно считать тувинскими, так как основ-
ная масса их проживает в Туве. Сеок Соен — это потомки саянов,
ступивших в подданство России после разгрома Джунгарии
месте с другими «уря́нхайцами», а также телеутами и алтайцами.
После этого вскоре они под управлением старшины или зайсана
Долдо́я кочевали летом по долинам рр. Ябагана и Кана, а зимой —
в Кеньгинского озера. Их числилось тогда 100 чел. (взрослых

У 97

Обратимся теперь к сеокам собственно алтайцев. Из 36 сеоков, зарегистрированных у них переписью 1897 г., мы можем исключить как заведомо не собственно алтайские следующие: прежде всего Телес, затем Кобёк, Алмат, Саал или Сагал (теленгитские), Соен и Танды (тувинские), Дербет и Могол (монгольские по происхождению, хотя и тюркизированные по языку), Ара, Модор и Бурут (группы аринов, моторов и енисейских кыргызов, превратившихся среди алтайцев в сеоки), Ярык, Тогус, Юс (тубаларские, причем Ярык, как говорилось выше, в прошлом телесский). Далее, мы не можем считать за сеоки несколько одиночек, зарегистрированных переписью под явно искаженными названиями: Елик, Ме-рет, Суузар. Затем нельзя воспринять как сеоки Каал и Чагандык, ибо это были локально группы алтайцев, назвавшие себя по местности, т. е. по рекам Кану и Чагану (Каал искаженное вследствие опечатки р. Каан), откуда они и происходили. Наконец, для нас неясны названия Богусхан (49 чел.) и Коожо (139 чел.), которые кажутся нам тоже искаженными (Коожо, возможно, от Киж).¹

Таким образом, как будто бы собственно алтайскими сео-ками можно считать: Тодош, Ирки́т, Найман, Кыпчак, Мундус, Кергиль, Тонгжоан, Чапты, Очы, Байлагас, Кообалы, Дьети-Сары, Олюп, Меркут, Тумат. Однако из этих «собственно алтайских» некоторые имеются и у тувинцев, где под такими же названиями живут большие группы населения, а также у телеутов. К ним относятся Ирки́т, Тодош (Тодот), Тумат, Кообалы (по-тувински Хоовалыг), Олюп. Следовательно, нельзя считать эти сеоки чисто алтайскими. Сеок Чапты представляет собой, вероятно, выходцев из восточных тувинцев Прикосоголья и карагасов,² где до наших дней имеются группы под именем Чептей.

Из оставшихся сеоков собственно алтайцев, такие как Очы, Найман, Меркут (Меркит), Кыпчак, Мундус, имелись также у телеутов, а два последних — еще и у теленгитов. Следовательно, эти сеоки нельзя считать только алтайскими, ибо у телеутов они также довольно многочисленны. Остаются лишь сеоки Кер-³, Тонгжоан, Байлагас и Дьети-Сары, которые были у собст-⁴ и отсутствовали у теленгитов и телеутов.

¹ Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1866, кн. 2, ИЗ—114. Показания урянхайца Чеобу Хорина от 1760 г.

3 Л. п. Потапов

В отношении сеока Тонгжоан напрашивается сближение с родовой группой тувинцев, именуемой Тонгак и Тонг у кумандинцев. Сеок Дъети-Сары потомки енисейских кыргызов, оказавшихся на Алтае после распада их феодального улуса, игравшего в XVII в. видную политическую роль в жизни племен Саяно-Ал-тайского нагорья. Как известно, у енисейских кыргызов один из правящих родов назывался *Джеты-Сары* (*джесары*, *десары* или *есары* русских исторических документов XVII в.). На Алтае название *Джегы-сары*, в соответствии с фонетикой южного алтайского языка, стало звучать как *Дъети-Сары*.

Итак, у собственно алтайцев было только два сеока (Кергил!, и Байлагас), которые не встречались у других групп алтайцев а их соседей тувинцев. Отсюда видно, что так называемые *алтай-кижи*, или собственно алтайцы, — весьма смешанная в родо-пло-менном и этническом *отношении* группа, принявшая обобщенно:» географическое сахионазвание *от* проживания на Алтае. Мы надеемся в дальнейшем показать ее смешанный состав и в историческом плане.

Чтобы закончить рассмотрение родового состава южных алтайцев, обратимся непосредственно к телеутам. Переписью 1897 г. телеуты, проживавшие в Горном Алтае (Бийский уезд), не принимались во внимание как отдельная этническая группа или племя. Под таким названием учтено только 105 чел., как *выходцы* из «кузнецких телеутов». У них, как и у других групп алтайцев, выяснялась лишь принадлежность к сеоку и к той или иной административной единице. Поскольку большинство сеоков у телеутов имеет общие названия с собственно алтайскими и теленгитским, то по наименованию сеоков выделить телеутов среди остальной массы алтайцев, как правило, невозможно. Однако хорошо известно, что телеуты Горного Алтая, по крайней мере до 30-х годов нашего столетия, назывались *телеутами* в отличие от *алтай-кижи* и прекрасно знали свои сеоки. Для выяснения родового состава телеутов придется воспользоваться более ранним материалом, собранным В. Радловым, относящимся к телеутам, проживавшим севернее Алтая (Кузнецкий уезд), в частности по рр. Большому и Малому Бочагам.

В. Радлов отметил, что телеуты тогда (60-е годы XIX в.) распадались на два племени: телеутов и ак-киштымов. Он зафиксировал у них 18 сеоков (перечислены выше), из которых четыре относились к ак-киштымам. К сожалению, у В. Радлова нет численности телеутов по родам-сеокам, а только общая. Исследователь сообщает, что в Кузнецком уезде проживало телеутов 2991 чел., а в Бийском (Горный Алтай и его северные предгорья) 2791 чел.

Из списка Радлова видно, что у телеутов, живущих далеко за пределами Горного Алтая, имеются общие по названию сеоки с собственно алтайцами и с телесами. Сеоки эти следующие: Къга-

Найман, Тодош, Мундус, Телес, Очы и Тумат. Последний мы ⁴ птаем в большей степени тувинским, нежели алтайским сеоком, ^с к как среди тувинцев туматы представляют наибольшую по численности группу. Таких сеоков, которых не было бы у других южных алтайцев, у телеутов очень мало. По существу это только сеоки Меркит и Тогул (ср. р. Тогул, приток Чумыша), причем часть последнего, как увидим дальше, переселилась в Северный Алтай и смешалась с тубаларами, где стала именоваться Ялан, о чем у местного населения тубаларов сохранилась память до наших дней, и сеок Тёртас. Разумеется и у телеутов есть «сеоки» для них явно чужие, представляющие собой мелкие группы среднеазиатских или монгольских народностей, вошедшие в состав телеутов. Таковы, видимо, «сеоки» Сарт и Торб (среднеазиатского происхождения), Пурут (енисейские кыргызы-переселенцы в Джунгарию), Чорос (западные монголы-ойраты), Юты (или Дьюты), Чооты (или Чжоты), основная часть населения которого находится в Восточной Туве. Ничего мы не можем пока сказать о сеоке Чунгус (по записи Радлова). Возможно, это название звучит *Читан* (по записи антрополога А. Ярхо, относящейся к 20-м годам XX в.).²⁸ Так же трудно определить сеоки Анг и Чалман (по записи Радлова), которых Ярхо уже не обнаружил.

Обзор и сравнение наименований сеоков и их численности у различных групп южных алтайцев показывает, во-первых, что несмотря на то что в каждой упомянутой группе имеются основные по численности и особые по наименованию сеоки, не встречающиеся у других групп, в целом для южных алтайцев характерна общность сеоков. Во-вторых, у всех южных алтайцев встречаются сеоки, общие с тувинцами. Следовательно, мы имеем основание сделать вывод как об общности происхождения современных южных алтайцев, так и о их близком родстве с современными тувинцами.

Разумеется, желательно выяснить, какие этнические и родоплеменные элементы явились основой для формирования перечисленных выше групп южных алтайцев. Можно попытаться ответить на этот вопрос на основе материалов переписи 1897 г. Если взять, например, собственно алтайцев, или *алтай-кижи*, входивших административно в 7 алтайских дючин, то, исходя из названий сеоков и их численности, мы получим такую картину.²⁹ Сеоки Кергиль и Байлагас, которые можем считать характерными только для данной группы алтайцев, так как они в других группах не встречаются, составляли 8% всех зарегистрированных переписью алтайцев, приписанных к семи дючинам. Основную же массу насе-

^и А. И. Ярхо. Алтае-саянские тюрки. Абакан, 1947. Род Чингыс от-*вн среди олетов в Монгольском Алтае (Г. Н. Потанин, ук. соч., т. 1 \ стр. 42).

²⁸ С. П. Швецов, ук. соч., стр. 91—92.

ления *алтай-кижи* представляли другие группы и сеоки, которые имелись одновременно у телеутов, телесов, теленгитов и тувинцев а именно: Телес — 7.3%; теленгитские сеоки Кобек, Алмат и Сагал и др. — 4 %; сеоки, общие с телеутами, Кыпчак, Тодош Най-ман, Мундус — 49 %; сеоки, общие с тувинцами, Иркин, Тонгжоан, Сойон, Кообалу, Танды и др. — 24.7%. Стало быть, на первом месте по численности у собственно алтайцев были телеутские ила общие с телеутами сеоки, на втором тувинские, на третьем свои отсутствующие у других групп алтайцев, на четвертом — телесу и на пятом — теленгитские сеоки.

Для телеутов Горного Алтая мы лишены возможности дать документальный цифровой материал, ибо их сеоки вошли в численность собственно алтайцев (*алтай-кижи*) и теленгитов, а для телеутов б. Кузнецкого уезда цифровые данные по сеокам также отсутствуют. Известны только названия их сеоков и общая численность, о чем уже говорилось выше.

Если мы захотели бы посмотреть, какую картину в отношении численного родового состава дают южные алтайцы в целом, то материалы переписи 1897 г. показывают, что и здесь мы имеем примерно такое же соотношение телеутских, теленгитских, телесских и тувинских компонентов, как и у *алтай-кижи*. Телеутские сеоки (Тодош, Кыпчак, Найман, Мундус, Тогоул) составляют в нем 40%, Телес и теленгитские сеоки — 25%, а тувинские — 20.5%.³⁰

Поскольку данные переписи 1897 г. позволили выявить сеоки, составляющие большинство южных алтайцев, уместно привести собранный нами некоторый полевой этнографический материал, характеризующий происхождение и родственные связи основных сеоков так, как это представляет себе местное население на основе исторических преданий, передаваемых изустно генеалогий и т. д. Самыми многочисленными сеоками в южной группе алтайцев были Тодош и Кыпчак. По записям Г. Н. Потанина, сеок Тодош на Алтае имел подразделения Кара-Тодош и Кидат-Тодош,³¹ т. е. «черные» (или обыкновенные) тодоши и «китайские» тодоши. Алтайцы считали, что часть тодошей пришла на Алтай из Тувы, где в прошлом платила одно время алман Маньчжурской династии. После Г. Н. Потанина, пятьдесят лет спустя, С. А. Токарев записал у алтайцев уже 3 подразделения сеока: Кара-Тодош, Кидат-Тодош и Манди-Тодош,³² из которых последние два одно и то же и по существу означают тодошей, находившихся в зависимости от Маньчжурского императора (Кыдат), точнее, от Маньчжурской династии (*манди*, а по-тувински *манжи*), проживавших, видимо, ранее на территории Тувы, в то время, когда она была оккупиро-

³⁰ Вычисления сделаны на основании Приложения V к работе: С. П. Швецов, ук. соч., стр. 8—23.

³¹ Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 2.

³² С. А. Токарев, ук. соч., стр. 19.

силами Маньчжурской династии после разгрома Джунгарии, в ваших записях конца 30-х годов (в Чойском и Чемальском-

"маках), сеок Тодош подразделялся на три кровнородственных. ⁹ сеок с запретом между ними браков (*бала алышпас*), именно: ^o) Манди кыдат Тодош, 2) Чапты-Тодош, 3) Очы-Тодош. *Манда кыдат Тодош* — значит «Маньчжурские тодоши». У Токарева оба предельных слова к сеоку Тодош (*Кыдат и Манди*) разделя¹ на два самостоятельных, и получилось два сеока Тодош с одной и той же семантикой. По нашим записям — это один сеок. По поводу названия *Очы-Тодош* и *Чапты-Тодош* мы столкнулись с объяснением, отражающим представление об общем происхождении обоих сеоков от тодошей.

Телеутский и алтайский сеок Тодош, отсутствующий у телесов и чуйских теленгитов, представляет большой интерес. Его не без основания следует сопоставить с группой тувинцев, еще недавно именовавшей себя Тодот. В меньшей степени имеют научное значение данные о его родственных связях с другими южноалтайскими сеоками.

Согласно воззрениям старшего поколения алтайцев, сеок Тодош находится в отношении свойства (*кудалышка*), т. е. в отношении «родства» по некогда обязательным (позднее предпочтительным) брачным связям с сеоком Кыпчак. Оба упомянутых сеока считаются *кудалар* (сватами). Нам уже приходилось указывать, что этот факт заслуживает особого внимания, так как он согласуется с подобным же старинным обычаем, существовавшим у кыпчаков-половцев, которые находились в отношении «сватовства» с печенегами. В сообщениях Ипатьевской летописи о походах русских князей в 1187—1192 гг. указывается на родство между печенегами и половцами, называвшими друг друга сватами и не желавшими сражаться друг с другом.³³ На этом основании мы вполне можем считать сеок Тодош этнически близким сеоку Кыпчак. В то же время сеок Тодош, как было сказано, считался кровнородственным уже не по браку, а по крови сеоку Чапты и сеоку Очы, что подкрепляется генеалогическим преданием, согласно которому глава сеока Чапты произошел от матери из сеока Тодош и неизвестного отца. Этому мужчине, когда он был еще мальчиком, Дали имя Чапты. Алтайский сеок Чапты, может быть, следует сопоставить, как уже указывалось выше, с группой тофаларов-ка-рагасов и тувинцев Прикосоголья, именующих себя Чептей, и рассматривать данный факт как один из показателей общности

некоторых этнических элементов у южных алтайцев и отдельных групп населения Восточных Саян.

Особый интерес у южных алтайцев, в том числе телеутов, вы¹Баер¹ конечно, сеок Кыпчак, и не только в силу его распространенности. Уже одно название сеока заставляет вспомнить как

• П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 146—147.

древних, так и средневековых кыпчаков, районы обитания и е вания которых включали Саяно-Алтайское нагорье. Нам хотелось бы обратить внимание на факт, заслуживающий самого прц_ стального внимания с точки зрения этнической истории южных алтайцев.

Изучая сеок Кыпчак на Алтае, мы обнаружили, что у современных алтайцев сеок Кыпчак признается кровнородственным сеоку Мундус, вследствие чего между обоими сеоками браки быллг запрещены как кровосмесительные. При бытовании на Алтае строгой экзогамии сеоков, данный факт приобретает серьезное научное значение при исследовании происхождения алтайских сеоков. О кровном родстве сеоков Кыпчак и Мундус говорится и в генеалогической легенде о происхождении сеока Мундус. Согласно нашей полевой записи, основатель сеока Мундус родился от девушки сеока Кыпчак. Когда ее спросили, от кого сын, она ответила: «Я съела три градинки (*мус*) и родила». От этого-то мальчика впоследствии пошли люди сеока Мундус, про которых до сих пор говорят: «*Мусданг чыккан Мундус*» (родившиеся от льдинки Мундус). Следовательно, прародитель сеока Мундус происходил по матери от сеока Кыпчак. В варианте этой легенды, записанной в свое время В. Вербицким, говорится, что девушка одного из сеоков (какой именно — не указано), оставшаяся одна в живых после какой-то войны, нашла после сильного дождя одну льдинку (*мус*) и два пшеничных зернышка, лежащие вместе, и съела их. Сделавшись от этого беременной, она родила двух мальчиков-близнецов, названных Мундус, причем один был назван Коткор Мундус, а второй — Чулум Мундус. Выйдя после этого замуж, женщина родила еще одного сына, названного Тёлёс.³⁴ Таким образом, приведенные генеалогические легенды утверждают кровное (от одной прародительницы) родство между кыпчаками, мундусами и телесами, что, возможно, как увидим дальше, отражает некоторые исторические факты. Происхождение от кыпчаков какой-то группы телесов нашло отражение в одной из родословных, записанных у киргизов.³⁵

Нужно подчеркнуть, что легенда, повествующая о зачатии девушки от градинки, очень древняя для населения восточной части Центральной Азии. Она попала в ранние китайские летописные источники при изложении некоторых событий, относящихся к середине II в. и связанных с историей сяньбийцев. Бытование такой легенды у современных южных алтайцев может служить веским аргументов в доказательствах их древних этногенетических связей.

Сеок Мундус, распространенный особенно у телеутов, известен также в качестве одного из родо-племенных подразделений совре-

³⁴ В. Вербицкий. Алтайцы. М., 1:893, стр. 136. Этот же вариант записан Г. Н. Потаниным (ук. соч., стр. 3).

³⁵ См. С. М. Абр а мзон. Из этнической истории киргизов, стр. 165.

иных киргизов. Алтайская легенда о происхождении сеока Мун-^{ме} подтверждается киргизским этнографическим материалом, так как у киргизов имеется подразделение Коткар-Мундуз, а в числе педков подразделения Телес (по-киргизски *дөёлөс*) называется гмя Чулум.³⁶ Следовательно, и у современных киргизов сохранилось представление о кровном родстве алтайских телесов и мунду-сов переселившихся на Тянь-Шань и вошедших в состав киргизов.³⁷ Наличие общего родо-племенного подразделения Мундус (как и Телес) у южных алтайцев, телеутов и киргизов говорит о реальной исторической общности отдельных этнических элементов этих народностей^{Тс}, что подтверждается близостью их языков и большим этнографическим материалом.³⁸

К многочисленным сеокам южных алтайцев относится также Найман. Найман как родо-племенное подразделение имеется в составе казахов, киргизов, узбеков и др. По нашим полевым материалам, сеок Найман является для Алтая пришлым. Представители его пришли сюда из Тувы, где, кстати сказать, такого родо-племенного подразделения теперь нет. Старики-алтайцы, рассказывавшие нам про сеок Найман, убеждены, что найманы жили раньше (когда именно, неизвестно) по р. Хемчику, но потом они оказались по северную сторону Саян, на Абакане. Далее будто бы два брата из найманов по имени Ыргай и Сыргай и их дядя (по матери) Шыбыктай перебрались в тайгу, примыкающую к Телецкому озеру, и поселились на устье р. Пыжи (левый приток Бии) среди сеока Юс. Однако по причине частых ссор с ту-баларами они перекочевали на р. Чемал (правый приток Катуня), а оттуда на левобережье Катуня, в 5-ю Алтайскую дючину, где зайсан был наследственный из рода Тодош. Один из братьев был темнокожим. Он и положил на Алтае начало роду Кара-Найман. Второй брат дал начало роду Коголь-Найман.³⁹ Впоследствии Найман сделались настолько многочисленными и сильными, что из них выбирали даже зайсанов в 7-й Алтайской дючине.⁴⁰

В кровнородственных отношениях с сеоком Найман, исключая взаимные браки, находился сеок Ябыр, который перепись

³⁶ Там же, стр. 166.

³⁷ Имеются сведения, что мундузы Киргизии появились здесь из Гис-сара и Куляба. См. об этом выступление М. Г. Айтбаева на научной сессии по этногенезу киргизов в 1956 г. в г. Фрунзе (Труды Киргизской архео-^{лого}-этнографической экспедиции, т. III, Фрунзе, 1959, стр. 134).

" С. М. А б р а м з о и. Этногенетические связи киргизов с народами Алтая. Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

Другой вариант происхождения найманов, более правдоподобный и с^о ^{6М} планет записал К. Соколов. В нем говорится о монгольском про-м¹ *^оЖДении найманов, поселившихся на Алтае в начале XVII в. (Записки

ионера Урскульского отделения Алтайской духовной миссии за 1900 г.

⁴ ^{вал} «Православный благовестит», 1900, № 24). •> у, д киргизов имеются подразделения:

Кара-Найман и Кбко-Найман

н. А б р а м з о н. Этногенетические связи киргизов..., стр. 3).

1897 г. отождествляет с сеоком Ярык. Если это отождествление является обоснованным, то оно означает, что сеок Найман считал себя в кровнородственных отношениях с телесами, поскольку, как было доказано, Ярык произошел от телесов. У нас нет полевых материалов, подтверждающих тождество Ябыр и Ярык, но имеются некоторые данные о сеоке Ябыр, которые могут указывать на его какие-то древние связи со скотоводческой средой кочевников, о чем говорит существовавший только у ябыров запрет убивать беркута, ибо беркут являлся для них священной птицей. По этому признаку можно предположить связь сеока Ябыр с телеутами, в частности с сеоком Меркит или Меркут, имеющимся также в числе родо-племенных подразделений киргизов, казахов, узбеков и т. д. Представители сеока Меркит у телеутов вели свое происхождение от орла или беркута, которого они считали священной птицей и никогда не убивали.⁴¹

Кроме крупных сеоков, составляющих как бы численную основу южных алтайцев, у нас имеется этнографический материал об отдельных небольших сеоках, например о сеоке Олюп. По преданию, сеок Олюп появился сравнительно недавно, а именно — «в ойратское время», когда алтайцы были подчинены ойратским или джунгарским ханам. Происхождение его объясняют таким образом. Зайсан Пуктуш из рода Мундус после одного из каких-то сражений, которые в то время часто бывали на Алтае, нашел в поле ребенка, оставленного в колыбели. Колыбель стояла в расщелине березы. От коры березы к ней была проведена трубочка, по которой капал сок. Мальчик питался березовым соком. Пуктуш взял с собой мальчика и сказал про него: «*Йерденг тапкан Терлик, юч каингаи енелю*» (найденный на земле Терлик, имевший матерью три молодые березки). Зайсан дал мальчику имя Терлик и сделал его основателем сеока Олюп.

По нашему мнению, сеок Олюп оказался на Алтае в порядке переселения сюда из Тувы. Не исключено, конечно, что зайсан Пуктуш в один из своих походов в Туву действительно привез мальчика из сеока Олюп к себе на Алтай. Но имя сеока зайсан вряд ли придумал сам, так как под таким названием сеок уже был известен в XVIII в. Дело в том, что в Туве до сего времени имеется значительная группа по имени Олюп (Олп), входившая в состав Оюннарского хошуна, территория которого от левобережья Улуг-Хема (Енисей) простиралась на юг до хребта Танну-Ола.

Между прочим, Пуктуш не легендарное, а историческое лицо. Алтайские зайсаны 1-й дючины вели свою родословную от этого самого Пуктуша. После Пуктуша зайсаном был Ерельдей, также из сеока Мундус, имя которого, как и имя Пуктуша, упоминается

⁴¹ W. R a d l o f f. *Aus Sibirien*, Bd< II, стр. 32.

документах 1757—1758 гг.⁴² Следовательно, сеок Олюп оказался

^a Длтае около середины XVIII в.

После того как мы изложили данные о сеоках южных алтайцев, целесообразно обратить внимание на некоторые стороны их культуры и быта, которые можно привлечь в качестве одного из источников к решению вопроса о происхождении алтайцев. Этническая история и этногенетические связи южных алтайцев, отразились в этнографических материалах, анализ которых будет содействовать цели нашей работы. Не углубляясь пока в древние периоды, мы обратим внимание на отдельные особенности кочевого скотоводческого быта южных алтайцев, характерные для дореволюционного периода их жизни. Нас будут интересовать в первую очередь такие особенности, которые отражают этногенетические связи алтайцев с теми или иными народностями. Краткое сопоставление имеет смысл начать с привлечения материала по киргизам, ныне столь далеко живущим от Алтая. Не говоря о большой близости языка и общности ряда родо-шгеменных подразделений, на что обращалось внимание выше, мы можем указать на параллели в области материальной и духовной культуры, объяснить которые случайным совпадением невозможно.⁴³ Кочевое переносное жилище южных алтайцев — войлочная юрта (*ке-реге*)—тождественно с киргизским по материалу, конструкции, форме и названиям отдельных частей. То же самое наблюдается в отношении некоторых видов одежды. Если в мужской одежде алтайцев, в частности халате, совпадение проявляется с казахами, особенно по линии терминологии (алт. *чокпек*, каз. *шокпен*) или для овчинной шубы (алт. и каз. — *тон*), то в женской одежде большое сходство обнаруживается с киргизами. Зимняя одежда телеуток (*тон*), например, совершенно такая же, как старинная киргизская женская шуба — *ичик*. Для алтайцев и киргизов характерно ношение опояски из ткани (*кур*), и т. д.⁴⁴ Возьмем такое необходимое в старом хозяйстве орудие труда, как деревянная палка с зазубринами для разминки и выделки шкур. Она носит одно и то же название *идрек* у алтайцев и у киргизов Памира. *Идреп* у обоих народов настолько одинаковы по форме и материалу, что их нельзя отличить. Особенно много сходства обнаруживается в способе приготовления мяса и молочных продуктов и связанной с ними терминологии. Кислый молочный сыр алтайцев ^к*УРут* под этим же названием известен киргизам, казахам и др.

После Ерельдея все зайсаны Первой Алтайской дючины вплоть до Р^{ев}люцди были из рода Мундус.

этнографическая Материальная культура киргизов как источник их этногенеза. Тр. Киргизск. археолого-этногр. экспед., т. III. Более широко^о ДР^оно параллели в культуре и быте киргизов с алтайцами приведены^{янут}™™ выше работе С. М. Абрамзона «Этногенетические связи™™ Л народами Алтая».

- И. М а х о в а, ук. соч., стр. 57.

То же самое можно сказать про сливки из вареного молока (*каймак*), про кислое молоко (*айран*), для которого у алтайцев, впрочем, употребляется больше монгольское название *чеген* (по-монгольски кумыс), и т. д. Даже название сосуда для хранения кислого молока *саба* одинаково известно на Алтае, у киргизов, казахов и т. д. Если мы перенесем теперь наши сопоставления в сферу семейной жизни, народного искусства, верований, фольклора, то и здесь можно наблюдать те же явления. Уже отмеча лось много общего у алтайцев и киргизов в ряде свадебных обычаев, пережитков семейных отношений, в обрядах и религиозных представлениях, связанных с рождением и воспитанием ребенка, с терминологией, обозначающей кровное родство и свойство, с терминологией брачных отношений и пр.⁴⁵ Несмотря на то что киргизы в течение ряда веков исповедуют ислам, у них сохранились лережиточно такие народные верования, которые идентичны алтайским шаманистским воззрениям. Мы имеем в виду культ гор, столь развитый на Алтае, почитание древнетюркского божества Умай — покровительницы детей и др. Между прочим, погребальные сооружения киргизского кладбища на склонах хребта Бийик (северная часть Синьцзяна)⁴⁶ весьма похожи на деревянные срубные шестиугольные жилища у современных алтайцев. В устройстве таких погребальных сооружений киргизов, вероятно, хранится память об их старинном срубном жилище, сходном с алтайским.

У нас нет возможности перечислить все случаи удивительных аналогий алтайцев с киргизами. Их много имеется в характере народного календаря, в народных мерах, народной медицине, музыкальных инструментах, изобразительном искусстве, фольклоре и др. По части орнамента, например, на аналогии алтайского и киргизского материалов указал в ряде своих работ С. В. Иванов.⁴⁷ Исследователь доказал общность ряда элементов народного орнамента у южных алтайцев и киргизов, входящих в характерный для определенного круга народностей устойчивый комплекс орнаментных мотивов. Иванов этот комплекс предложил назвать ус-

⁴⁵ А. Ефимова. Телеутская свадьба. В сб.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, Л., 1926; Н. П. Дыренкова. 1) Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут. В сб.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, Л., 1926; 2) Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. В сб.: Сборник этнографических материалов, № 2, Л., 1928; Л. Э. Карункова. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сб. МАЭ, т. VI, 1927; С. М. Абрамзон. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. Тр. Киргизск. археолого-этногр. экспед., т. III.

⁴⁶ С. М. Абрамзон. Вопросы этногенеза киргизов..., стр. 38.

⁴⁷ Историке этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1960 (статья С. В. Иванова).

ловно кыпчакским.⁴⁸ Эпическое творчество, относящееся к периоду улуса Джучия и распространенное в то время в кыпчакской среде, сохранившееся у южных алтайцев, свойственно частично и киргизам (сказания об Эдиге, Тохтамыше). Все примеры аналогий из области культуры и быта южных алтайцев и особенно киргизов, в каком бы кратком виде они ни излагались, свидетельствуют об общности в прошлом этнических элементов, входивших в состав этих народностей, частично — об общности их исторической жизни (в кыпчакский период) и тесных культурно-исторических связях.

Мы не имеем возможности остановиться на параллелях культуры и быта южных алтайцев с казахами, тувинцами и другими тюркоязычными народностями и лишь сошлемся на ряд опубликованных работ, из которых это ясно следует.⁴⁹ Но нельзя не сказать и о монгольских элементах в скотоводческой культуре и быте южных алтайцев. Совершенно определенно это видно, например, в одежде. У теленгитов и телесов были распространены монгольские по покрою мужские и женские халаты, длиннополые, и ха-латообразные шубы овчинные, запахающиеся направо, т. е. левой полой наверх, с характерным ступенчатым выступом на груди. Особенно типичной была идентичная западномонгольской женской одежде *терлик* — безрукавая длиннополая одежда замужней женщины, надеваемая поверх халата или шубы, называемая *чегедек*.

Монгольские особенности в жилище у некоторых локальных групп южных алтайцев проявлялись как в общей форме войлочной юрты (низкий купол), ориентировке дверей на юг вместо традиционной тюркской ориентировки на восток, в названиях отдельных частей юрты (дымового круга, решетки каркаса и жердей крыши) и т. п. В меньшей степени это обнаруживается и в пище. Наиболее распространенный у алтайцев напиток из заквашенного молока *чегень* по названию и по способу приготовления (из вареного молока) монгольского происхождения. Укажем и на древнемонгольский способ умерщвления овцы или барана путем надреза брюшины (ниже грудной кости), просовывания руки через диафрагму в грудную полость и разрыва аорты, бытовавший наряду с алтайским способом перерезывать горло, выпуская кровь в какой-либо сосуд.

— С. В. Иванов. Киргизский орнамент как этногенетический источник^{НИК-4д} Тр. Киргизск. археолого-этногр. экспед., т. III, стр. 63.

Л. П. Потапов. 1) Особенности материальной культуры казахов, ^Условленные кочевым образом жизни. Сб. МАЗ, т. XII, 1949; 2) Одежда алтайцев. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951; 3) Пища алтайцев (этнографический терк). Сб. МАЭ, т. XIV, 1952; 4) Материалы по этнографии тувинцев нгун-Тайги и Кара-Холя. Тр. Тувинск. комплексной археолого-этногр. тув^{Пел ИнСт, ЭТНОГ}Р- АН СССР, т. I, М.—Л., 1960; 5) Очерки этнографии У инцев бассейна левобережья Хемчика Тр. Тувинск. комплексной археолого-этногр. экспед. Инст. этногр. АН СССР, т. II, М.—Л., 1966.

Весьма показательны в рассматриваемом отношении у южных алтайцев наименования домашних животных в зависимости от пола и возраста. Для животных молодого возраста обоего пола употребительны монгольские названия, например *купан* (жеребчик и теленок по 3-му году), *тонон* (жеребчик по 4-му году) и др. Более ярким свидетельством наличия у южных алтайцев монгольских элементов в культуре служит фольклор, в частности героический эпос. На близость его в некоторых отношениях к монгольскому указывали Н. К. Дмитриев и особенно Г. Н. Потанин.⁵⁰ Мы не будем приводить здесь других ссылок на конкретный этнографический материал в подтверждение нашего вывода о монголизмах в культуре и быте южных алтайцев. Упомянем пока только, что наличие таких монголизмов объясняется не столько возможными отдельными заимствованиями, сколько участием монгольских элементов в этногенезе южных алтайцев. Последние неоднократно на протяжении истории включали в свою среду и ассимилировали в ней прежде всего по языку те или иные группы монголов.

На основе изученного историко-этнографического материала мы можем сделать ряд выводов относительно этнического состава и некоторых этнических процессов у южных алтайцев в период конца XIX и начала XX столетия. Совершенно очевидно, что этническую основу современных южных алтайцев составляют по существу три тюркоязычные родо-племенные группы (или объединения), каждая из которых имеет свое происхождение, что не исключает близкого этнического родства между ними. Речь идет о телесах, теленгитах и телеутах. Из них телеуты были наиболее многочисленными и, как увидим, широко расселенными в предшествующие столетия. Весьма вероятно, что теленгиты и телеуты составляли в прошлом одну тюркоязычную этническую общность, получившую позднее, по крайней мере с XVII в. (если иметь в виду русские письменные источники) различное наименование. В русских письменных источниках с самого начала XVII в. появляется название телеут, которое в монгольских (джунгарских) документах в применении к тем же самым группам населения звучит как *теленгут*. Оставляя пока открытым вопрос об идентичности названий *телеут* и *теленгут*, но с учетом сообщения В. Радлова о том, что телеуты сами себя называют *теленгет*, что они имеют отличия в языке от чуйских теленгитов и собственно алтайцев (алтай-кижи), мы вполне уверенно можем говорить о телесах и теленгитах как о различных в прошлом племенах, исторические доказательства чему будут приведены в последующих главах.

Возвращаясь к нашей задаче, мы обращаем внимание на смешанный состав сеоков каждой из групп южных алтайцев. В мень-

⁵⁰ См. об этом также: Л. П. Потапов. Алтайский героический эпос. Сов. этнография, 1949,

щей степени этот процесс коснулся телесов и чуйских теленги-тов, где сохранялся в основном еще состав своих сеоков, а процент сеоков, встречающихся также у собственно алтайцев, те-леутов и др., был гораздо меньше. Наиболее смешанными оказались собственно алтайцы, т. е. *алтай-кижи*. По существу они представляли конгломерат различных телеутских, теленгитских, телесских сеоков и тувинских родо-племенных групп (Кобалы, Иркин, Союн, Танды и др.). В него входят и осколки, в виде мелких групп, различных исторических племен и народностей {найманы, меркиты, кыпчаки, ойраты, дербеты и др.}, иногда даже и не тюркоязычных в прошлом, как например монголы, ойраты, арины, моторы и т. д. Преобладающими в этом конгломерате были телеутские, телесские, теленгитские и тувинские этнические элементы (свыше 70%). Возможно вследствие исключительно сильной смешанности *алтай-кижи* стали осознавать себя новой этнической общностью в результате постепенной консолидации их по языку, территории, культуре и быту и присвоили себе географическое самоназвание. Однако новая этническая общность в виде территориальной группы «алтай-кижи» сформировалась по образцу древней родо-племенной организации. Она интегрировала остатки различных племен и родов и даже народностей, отличающихся в прошлом по происхождению и в некоторых случаях даже и по языку. Эти разрозненные мелкие группы стали осознаваться как кровнородственные сеоки-роды, внутри которых возникла даже экзогамия. Тем не менее в среде сеоков *алтай-кижи* сохранилось и сознание кровного родства или свойства как с одноименными, так и с некоторыми разноименными сеоками других южных алтайцев: теленгитов, телеутов, телесов. Отмеченный процесс возник после вхождения южных алтайцев в состав Русского государства в середине XVIII в. в связи с падением Джунгарии и развивался в течение двух столетий. До вхождения алтайцев в Россию *алтай-кижи* как этническая общность не существовали и, естественно, не нашли отражения в исторических источниках. Все три названные выше основные тюркоязычные родо-племенные группы: телеуты, теленгиты и телесы, явившиеся основой этнического состава современных южных алтайцев, —■ сохранили ^в своем названии древний этноним *теле*. В дальнейшем нам еще Предстоит вернуться к этнониму *теле*, когда мы подойдем к выявлению древнейших этнических элементов в этнической истории алтайцев.

Если попытаться определить коротко сущность этнического процесса у южных алтайцев в рассматриваемое время, то его Долено определить как процесс разложения родо-племенных и формирование территориальных связей. Если процесс разложения Р°До-племенных связей нашел вполне заметное отражение в ма-риалах переписи 1897 г., особенно в дроблении сеоков между Дминистративными единицами, делокализации сеоков, на что не-

однократно обращалось внимание выше, то процесс формирования территориальной общности был также характерным явлением этнической истории алтайцев, по крайней мере со второй половины XIX в. и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, после которой процесс принял характер национальной консолидации. Собственно алтайцы, как говорилось, появились еще в дореволюционный период и несмотря на пестроту сеоков, входящих в их состав, стали осознаваться единой группой *алтай-кижи*, противопоставляя себя чуйским теленгитам, телеутам и северным алтайцам. У теленгитов, обитавших в бассейне р. Чуй, появилось осознание себя единой группой *чу-кижи*, охватывающей только чуйских теленгитов, а на Улагане определилась территориальная группа *улаан-кижи*, по наименованию р. Улаан. Добавим, что на правом берегу Катуня формировались *маймалары* (*майма-кижи*), которые хотя и включали самые различные сеоки (вплоть до некоторых сеоков северных алтайцев), но также осознавали себя единой этнической группой, именовавшейся обобщенно (независимо от сеоков, входящих в нее) географическим термином *майма-кижи* (р. Майма). Таким образом, в указанное время шел процесс территориальной консолидации отдельных групп алтайцев, при котором значение сеоков в самоопределении постепенно отходило на второй план. Племенные и административные названия в повседневной жизни стали заменяться локальными географическими самоназваниями, хотя родовое деление еще сохранялось в полной мере. Об этом говорит тот известный факт, что каждый алтаец (северный или южный) не только хорошо знал свой сеок, но считал своими кровными родственниками всех лиц этого сеока, где бы они не проживали, и строго соблюдал родовую экзогамию.

Обратимся теперь к родовому составу северных алтайцев и прежде всего четырех волостей тубаларов, или «черневых татар», охваченных переписью 1897 г. Волости эти: Комляжская, Юж-ская, Кузенская и Кергежская. В них зарегистрировано 22 сеока, список которых был дан выше, за исключением рода Тиргеш, пропущенного переписью.

В. Радлов и вслед за ним Н. Аристов определенно относили тубаларов к отюреченным енисейцам (т. е. енисейским осякам) и самоедам (т. е. самодийцам) бассейна верхней Оби. Радлов, исходя из наименования *туба*, считал их пришельцами с верховьев Бии, где они, по его мнению, сильно перемешались с алтайцами.⁵¹ Он насчитывал среди тубаларов пять племен (*fiinf Stamme*), которые перечислены в следующем порядке: Кузен, Тиргешь, Комнош, Июсь, Торгуя общей численностью в 3464 чел. Можно было бы думать, что Радлов назвал племенами одноименные административные волости, но так как он называет еще и

— W. R a d l o f f. Aus Sibirien, Bd. I, стр. 212—213.

состав родов (Geslecht) внутри каждого племени, то такое предположение, конечно, отпадает. Вот родовой состав тубаларских 1 «племен» по Радлову: Кузен — роды Кузен и Чедибеш; Тир- | гешь — роды Тогус, Иобур, Чыгал,⁵² Комнош — роды Комнош, j Ялан, Тон, Чыгал и Палан; Июс — роды Иус и Шор; Торгул — | родов не имеет. Однако с таким определением невозможно согласиться. Радлову, конечно, назвали административные волости и внутри их сеоки-роды, которые в этих самых волостях тридцать шесть лет спустя зарегистрировала перепись 1897 г. Конечно, 9 / в «племени» Юс не могло быть и не было сеока Шор. Речь идет о Южской волости, в которой шорцы жили и в 1897 г. (51 чел.). Сеок Тон — это Кумандинский сеок Тонг, а сеок Палан — подразделение сеока Кондош (Палан-Кондош), как Педеш подразделение сеока Кузен.

Привлечем данные переписи 1897 г. относительно тубаларов. В Комляжской волости отмечено 9 сеоков: Комдош, или Комнош (1037 чел.), Ярык (413 чел.), Чагат (158 чел.), Ялаи (96 чел.), Тастар (8 чел.), Мундус (6 чел.), Байлагас (5 чел.), Соен (5 чел.), Дьеты-Сары (3 чел.). Основным сеоком по численности в этой волости был Комдош, вторым по численности — Ярык и третьим — Чагат (или Чыгат). Кроме того, почти сто человек / здесь насчитывал сеок Ялан. В Южской волости было зарегистри- / ровано 4 сеока, из которых главным являлся сеок Юс (613 чел.), / остальные три сеока были весьма малочисленны: Чор или Шор (51 чел.), Ярык (11 чел.), Мундус (6 чел.). Кузенская волость включала представителей семи сеоков. Из них сеок Кузен был наиболее многочисленным (451 чел.), вторым по численности шел сеок Тентерек (260 чел.), затем совсем мелкие: Танды (46 чел.), Йоты, или Чооты (31 чел.), Тёртас (19 чел.), Педеш (5 чел.). Наконец, в составе Кергежской волости было зарегистрировано шесть сеоков: Тогус (497 чел.), Чагат (356 чел.), Тибер-(228 чел.), Кергиль (5 чел.), Сарылар (3 чел.), Комдош (1 чел.). Отсюда можно сделать следующее заключение. У тубаларов большинство населения волости принадлежало к одному, иногда к двум сеокам. Например, в Комляжской волости это были сеоки Комдош и Ярык; в Южской — сеок Юс; в Кузенской — сеок Кузен, ибо Тентерек, согласно нашим полевым записям, — искаженное название Тонжарок, которым именовалось одно из подразделений сеока Кузен.

В Кергежеской волости население принадлежало к трем сеокам: Тогус, Чагат, или Чыгат, и Тибер, из которых первым по численности был Тогус.

j.^M В данных названиях у Радлова явная описка (либо опечатка): Иобур — это в переписи 1897 г. и наших полевых записях Ябыр (который почему-то отождествлен в переписи с сеоком Ярык, что неправильно); чыгал — это, конечно, Чыгат.

Опираясь на полевой материал, собранный нами в 20-х годах примерно лет через 30 после переписи 1897 г., а также на этнографическую литературу, мы уверенно можем перечислить сеоки которые являются собственно тубаларскими. В этом отношении особенно ценны показания многих стариков-тубаларов, с которыми нам приходилось неоднократно работать в полевые сезоны в разных районах проживания тубаларов. Исходя из списка переписи 1897 г., мы отметим прежде всего как явно не тубаларские сеоки Чор, или Шор (это шорцы, выходцы из Кузнецкой тайги, которые хорошо помнят о своем переселении к тубаларам), Танды (тувинский сеок). Сеоки Юуты (Йоты, Чооты) и Юртас (Тёртас) — несомненно роды телеутов-аккештимов, главная масса которых обитала в б. Аккештимской волости Кузнецкого уезда. Сеоки Мундус, Кергиль и Байлагас относятся к южным алтайцам (телеуты и собственно алтайцы), о чем говорилось выше. Сеок Ялан тоже пришлый. Старики рассказывали нам, что настоящее название данного сеока Тогул, или Торгул. Доподлинно известно, что в XVIII в. сеок Тогул обитал по р. Чумышу. Представители его появились среди тубаларов в тайге недавно. Они пришли сюда *Г* из степных мест вследствие голода. Поэтому местное население *£* говорило про них «*яландан кельген кижилер*», т. е. «из степи пришедшие люди». От слова *яландан* (из степи, степняки) и произошло название Ялан (сокращенное слово *яландан*). Постепенно это имя настолько привилось, что и сами люди из сеока Торгул стали называть себя Ялан.⁵³ По происхождению же сеок Торгул телеутский. Они жили оседло к западу от Томи в Торгульской волости, где, по данным В. Вербицкого, их числилось в 60-х годах XIX в. 364 чел.⁵⁴ Сеок Чагат, или Чыгат, по свидетельству местного населения, явился из южной части бассейна Телецкого озера.⁵⁵ Он телесского происхождения. Мы это отметили выше, ■ когда рассматривали родовой состав телесов. То же самое нужно сказать и относительно сеока Ярык (он в переписи идет и под названием Ябыр), телесское происхождение которого также удостоверяют тубалары. Сеок Тастар относится к кумандинцам, и о нем речь пойдет дальше, а сеок Сойон — тувинский. Сеок Утты-Сары, точнее Дьеты-Сары, также не тубаларский. В черневых волостях было зарегистрировано из него всего 3 человека. Он входил в пятую алтайскую дючину (295 чел.), обитал в левобережном районе Катуня и по своему происхождению был связан, как указывалось, с енисейскими кыргызами. Таким образом, из 22 сеоков, зафиксированных переписью в черневых волостях, 13 перечисленных сеоков не являются тубаларскими.

⁵³ Согласно нашей полевой записи, произведенной среди кумандинцев, на Бию пришли три брата сеока Тонгул из степных районов. Двое из них, Ямяк и Варсогош, ушли в Комдошскую волость.

⁵⁴ В. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 7.

⁵⁵ С. П. Швецов, ук. соч., стр. 105.

К сеокам тубаларов относятся следующие, названия которых мы даем с уточнениями, полученными на месте во время полевой работы: Кондош (по другому произношению — Комнош и Компот) > Кузен, Юс, Тибер, Тогус. Укажем здесь, что Палан, Педе-беШ и Тентерек, отмеченные переписью, несомненно тубаларской группы, но это не сеоки, а их ответвления. В частности, сеок Палан — это только подразделение сеока Кондош, который делился на: 1) Кобурчи-Кондош (т. е. угольщики, так как часть кондошей занималась приготовлением угля для кузнечной работы и позднее для продажи русскому населению); 2) Катугас-Кондош (молчаливые) ;⁵⁵ 3) Кипе пбрюк Кондош (носящие кошемные шапки); 4) Палан-Кондош, т. е. «калинщики» (собиратели ягод калины). В подразделение Палан-Кондош входила и группа Когус-Кондош т. е. «громкоголосые», или «горластые». Тентерек, Педебеш и Санмай, отмеченные переписью, были подразделениями сеоков Кузен и Юс. Сеок Кузен имел три подразделения: Тонжарак-Кузен (в переписи искажено Тентерек), Педебеш-Кузен и Киштен-дер-Кузен (охотники на соболя). Сеок Санмай — это подразделение сеока Юс. Последний распался на четыре подразделения: 1) Тау-Юстар (горные юзы); 2) Сары-Юс (желтые юзы); 3) Шанмай-Юз (в переписи Санмай-Юз); 4) Саргайчы-Юз (собиратели сараны). Следовательно, у тубаларов было (не считая подразделений) пять сеоков: Кондош, Кузен, Тибер, Тогус, Юс.

Нам предстоит рассмотреть сеоки тубаларов в историко-этно-графическом плане по примеру южных алтайцев. Начнем с Кер-гежской волости, которая на протяжении всего XVII в. именовалась в русских исторических документах Тиргешской и только в 1703 г. впервые была названа Кергежской. В официальных русских источниках это новое название удержалось, хотя иногда оно уживалось вместе со старым. Однако у местного населения волость по-прежнему называлась Тиргешской. В. Радлов приводит, со слов местных жителей, старое название Тиргеш вместо Кергежской волости и отождествляет его с племенем. Перепись 1897 г. внесла в свои материалы официальное название волости как Кергежской. Во время полевой работы в конце 20-х и на протяжении 30-х годов мы неоднократно слышали от некоторых тубаларов, что они принадлежат к *Тиргеш*, причем иногда отвечали нам так на вопрос о принадлежности к сеоку. Как бы то ни было, но определенно устанавливается, что название Кергежской волости первоначально звучало как Тиргешская. Для нас оно представляет

⁵⁵ По поводу молчаливости и сдержанности характера упомянутой группы Кондош нами записано несколько рассказов, иллюстрирующих эту особенность: Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.—Л., 1935, стр. 11—12. См. там же и о подразделениях других сеоков тубаларов.

особый интерес, так как содержит в себе древнетюркский этнощ *тюргеш*. Следовательно, как можно думать, старое название туба-ларской волости, зафиксированное в письменных источниках XVII в., говорит о наличии в среде тубаларов потомков древних тюрков, скотоводов-кочевников по образу жизни. И действительно, именно, у тубаларов Кергежской волости, как обратил в свое время внимание А. В. Андрианов, в культуре и быте проявлялись черты скотоводческого быта, как и у южных алтайцев. Это обстоятельство особенно ярко бросалось в глаза на фоне охотничьей культуры, характерной для тубаларов, отражающей быт пеших таежных охотников. А. Андрианов пишет, что мужчины у тубаларов-кергеш носили волосы, заплетенные в небольшую косичку, а женщины — безрукавую верхнюю одежду (*чегедек*), обычную для южных алтайцев. Добавим к этому еще такие признаки, как приготовление молочных продуктов, способ приготовления и терминология которых свойственны для тюркоязычных кочевников, в частности для южных алтайцев. Невозможно не обратить внимания и на то, что южные алтайцы называют кожаный сосуд для хранения чегеня большей частью по-монгольски — *архыт*, хотя местами употребляют и старинный тюркский термин *саба*. Любопытно, что у тубаларов, жителей тайги, еще в недавнем прошлом типичных охотников-звероловов, это тюркское название для большого кожаного сосуда бытовало до наших дней, но применительно к берестяному сосуду, в котором готовили ячменную брагу для жертвоприношения духам-покровителям. Термином *саба* они называли и самую жертвенную брагу, приготовляемую из моченых зерен ячменя, толокна и воды, подвергшихся брожению. Это обстоятельство может служить косвенным указанием на то, что в этногенезе тубаларов приняли участие тюркоязычные кочевники Алтая еще в домонгольский период, когда широко бытовал упомянутый тюркский термин *саба*, который и сохранил свое старое название в области шаманского культа.

Мы не можем также не обратить внимания на состав сеоков Тиргешской волости. Если В. Радлов относил к тиргешам сеоки Тогус, Иобур (т. е. Ябыр) и Чыгат, то перепись 1897 г. основным населением Кергежской волости показала те же три сеока — Тогус, Чагат и Тибер. Названные сеоки, по крайней мере два первых, по своему наименованию представляют определенный исторический интерес. Название Тогус невольно ассоциируется с именем Тогус-Огуз, под которым было известно объединение ряда племен теле в VII—VIII вв. Если обратиться к сеоку Чыгат, то, кроме его телесского происхождения, указывающего на наличие среди тубаларов тюркоязычных этнических элементов, связанных с культурой и бытом кочевников-скотоводов, само название дает основание сопоставить данный этноним с именем Чик, названием племени, жившего в VII в. в долине Енисея на территории совре-

иной Тувы.⁵⁷ Мы вернемся к этим названиям в заключительной* аве, а хеперь обратим внимание только на то, что, судя по неко-Горым этнонимам и этнографическим признакам, среди тубаларовгдргешской волости сохранились далекие потомки кочевников-скотоводов периода Тюркского каганата.

„„ jКузенская волость, абсолютное большинство населения кото- [рой, согласно переписи, принадлежало к сеокам Кузен и Тенте-рек,' состояла по существу только из сеока Кузен, так как Тенте-рек'переписи 1897 г. — это искаженное название Тонжарак, представляющее одно из трех подразделений сеока Кузен, о чемупоминалось выше. Относительно происхождения сеока Кузену тубаларов и челканцев существуют сходные предания. Сеок Кузен считается кровнородственным сеоку Чалканыг (или Чал-канду). Между ними поэтому запрещены взаимные браки. Предание сообщает, что патронимные основатели обоих сеоков былиродные братья по имени Кузенек и Чалганак, которые поселилисьна правобережье Бии. Один из них — Кузенек — стал жить наБие, а его брат Чалганак избрал местом жительства р. Лебедь(правый приток Бии). Оба брата в эти места пришли из болеесеверных лесостепных мест Кузнецкого уезда. Там они занимались скотоводством и земледелием. Потомки Чалганака осталисьзатем на р. Лебеди, а потомки Кузенека переселились на левыйберег Бии, где намеревались развести скот, так как по правобережью Бии мест, пригодных для скотоводства, не было. Но и здесьсодержать скот оказалось трудно, и охота, как и сбор кедровогоореха, наряду с мелким мотыжным земледелием стала у них преобладающим занятием. Челканские и тубаларские предания о былом обитании сеока Кузен на правобережье Бии подтверждаютсяеще тем фактом, что его родовые охотничьи угодья находилисьв верховьях Бии по правому берегу и близ Телецкого озера. Таковы были «тайги»: Актыган, Солог, Яшту, Чорбок. Отдельныестарики из тубаларов в беседе с нами относили сеок Кузен дажек кумандинцам, конечно, из-за того, что они пришли в места обитания тубаларов с правобережья р. Бии, выше впадения в неаР- Лебеди. Итак, сеок Кузен можно считать пришельцем в бассейнБии, видимо, из телеутской среды, расположенной западнееР- Томи. Переселение могло состояться в конце XVI или в самомначале XVII в., так как Кузенская волость уже числится в русских ясачных книгах с 1629 г.

В Кондошской волости (она же Комляжская) сеок Кондош ^{b1}л главенствующим и самым многочисленным. Но здесь значи-^ельная часть (по алтайским масштабам) населения принадле-

лость ^b- русские документы называют сеок Чагат *Чигатской* во-
с *xju* ^{Ю1 a} сеок Тодош—*Татушской* волостью, которая фигурирует вместе
в "5fv?Г^{ТСКOU} (Б- О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири
^{VII B}- М., 1960, стр. 107). ■;... . ,

жала к пришлым сеокам Ярык и Чагат или Чыгат, а к сеоку Ялан. Нам уже приходилось касаться сеока Ярык и ат и привести аргументы в пользу их телесского происхождения. По поводу сеока Ялан мы также привели материалы, говорящие о его приходе сюда из степных мест, причем приходе сравнительно недавнем, относящемся, вероятно, к концу XVII или первой половине XVIII в. Переселение группы Тогул произошло при комдошском (или комляжском) зайсане Сазу, который принимал тогульцев в свою волость и отвел им на новом месте тайгу для основного охотничьего промысла по р. Лажы (левый приток Уйменя) и две речки Кузе (Кан-Кузе и Коку-Кузе) для ближних промыслов (в районе современного селения Пуучак, Чойского аймака Горно-Алтайской автономной области). Зайсан Сазу указал также пришельцам почитаемую гору для молитв и жертвоприношений. Это была гора Ужубе-Ялбаган — священная родовая гора комдошей, находящаяся в верховьях Лажы. Зайсан Сазу был третьим правителем Комляжской волости после вступления ее в подданство России.⁵⁵ Кондоши в старину славились умением выплавлять железо и изготавливать из него различные изделия, которыми они долгое время платили дань джунгарским сборщикам. А одно из ответвлений сеока Кондош, уже упоминавшееся выше, — Кобурчи-Кондош (угольщики кондоши) отражает в своем названии их причастность к старинной металлургии. Сеок Кондош считается «коренным» в своих местах. Кондоши были типичные пешие охотники и оседлые металлурги. Старинные предания рисуют их пешими охотниками, ходившими на промысел с деревянными посохами (*таяк-агаиш*), в обутках с холщовыми голенищами, с ременными опоясками и т. п.

Сеок Юс, составлявший Южскую волость, по преданию, произошел от сеока Кондош. В предании говорится о девушке из сеока Кондош, родившей ребенка, отца которого она затруднялась назвать. Мальчик получил имя сеока матери. От этого мальчика впоследствии пошло потомство. Когда потомство достигло ста человек, оно с согласия сеока Кондош выделилось в особый сеок, получивший числовое название Юс, т. е. сотня. У сеока Юс, как только он отделился, появились свои зайсаны. Первого из них звали Чокон. С тех пор до упразднения зайсанов в 1912 г. в Южской волости правило 10 зайсанов. Следовательно, зайсан Чокон жил, если считать, что каждый зайсан (власть их была наследственная) жил в среднем по 30 лет, примерно в середине XVII в. Другое предание объясняет появление Юс среди Кондошей по-иному. Была война между сойонами, жившими по левобережью

⁵⁸Тубалары включены в состав Русского государства около половины XVII в. (в документе 1643 г.). Они числятся ясачными волостями, а записив ясачных книгах о поступлении с них ясака начинаются с 1629 г.

⁵⁹Южская волость впервые упоминается в ясачных книгах в 1630 г.

Кату, и юсами. В результате ее были истреблены все юсы, за свлечением беременной женщины, которую затем приютили «омдоши. Родившийся от нее мальчик по отцу был юс, и его-то потомство позднее выделилось из состава комдошей.⁶⁰ По записям г Л. Швецова, тубалары Южской волости считают себя остатками особого народа, коренного обитателя данных мест, ныне занятых тубаларами.⁶¹ Не исключено, конечно, что сеок Юс можно сопоставить с бельтирским сеоком Чус, или Чис, обитающим, по крайней мере с конца XVII в. до сего времени, в верховьях Абакана. По материалам конца XIX в. названный сеок у бельтиров имел два подразделения, которые именовались в множественном числе Ак-Чистар и Кара-Чистар. Однако и в XVII в. сей сеок бельтиров также назывался *Чистар*, как свидетельствуют русские исторические документы, упоминающие «Чистарскую волость» вместе с Бельтирской. Обе волости числились в Кузнецком уезде, но ясак платили не регулярно и порой откочевывали «в Саяны» или «в черные калмыки» (к джунгарам).

Бельтиры, близкие родственники некоторых групп современных тувинцев, также были пешими таежными охотниками. В культуре и быте бельтиров и тубаларов (до Октябрьской революции) было много общих черт. Следовательно, такое сопоставление вполне допустимо. Разумеется, мы не можем считать этот вопрос исследованным конкретно, но сопоставление тубаларских *юстаров* с бельтирскими *чистарами* представляется нам правильным, обещающим пролить свет на происхождение тубаларов Южской волости.

Меньше сомнений вызывает историческая связь сеоков Юз и Кондогп, подсказываемая преданием. Она проявляется и в весьма существенных исторических фактах. Мы имеем в виду то обстоятельство, что юсы промышляли зверя в родовых угодьях сеока Кондош.

Итак, в рамках того фактического материала, которым мы располагаем к настоящему времени, можно вполне уверенно говорить о смешанном происхождении группы северных алтайцев, обобщенно называемой тубаларами. В этом смешении по ряду признаков отчетливо выступают древнетюркские этнические элементы, связанные с кочевым скотоводческим бытом. Относительно Других этнических элементов, представленных особенностями пешего охотничьего образа жизни, сказать в отношении тубаларов что-либо определенное трудно, п силу недостаточной изученности историко-этнографического и лингвистического материала.

Заключая наш обзор о тубаларах, мы хотели бы подчеркнуть также и у них некоторые особенности этнического развития. ^ тубаларов, несмотря на их большую оседлость по сравнению

"• J-A. 4-1. I. J

⁶⁰ С. П. Ш в е ц о в, ук. соч., ⁶¹ Там же.

с южными алтайцами, видную роль играли родовые связи, которые в силу характера расселения сеоками, почти совпадающими с административной волостью, соответствовали и территориальным связям. Другими словами, территориальные связи тубаларов чаще всего являлись и связями родовыми, поскольку процесс территориального смешения сеоков здесь в рассматриваемое время еще не зашел далеко. Здесь также наблюдался процесс сложения отдельных мелких территориальных групп (например, кок-шылары, т. е. жители рр. Сары и Кара-Кокши). Однако в большой степени здесь был характерен процесс консолидации туба-ларских сеоков в единую территориальную группу *йыш-кижи*, что значит «люди тайги», или «черни». Отсюда нередко их называли в литературе «черневые татары». Соседи, именно алтайцы, дали им название тубалар, которое постепенно было воспринято туба-ларскими сеоками как обобщающее самоназвание. Оно распространилось в тубаларской среде уже в начале этого столетия, хотя и не было зафиксировано ни исследованиями В. Вербицкого, ни переписью 1897 г.

...», ^Переходя к характеристике кумандинцев, челканцев и их отдельных сеоков, мы обязаны напомнить, что вопрос о происхождении обеих групп уже затрагивался в научной литературе не только в общем плане для всех северных алтайцев (т. е. тубаларов, кумандинцев, челканцев и шорцев), которых В. Радлов, а за ним и Н. Аристов относили в совокупности к тюркизированным енисейским осякам (кетам) и самоедам (по В. Богоразу — это отюреченные праазиаты), но и более узко. Аристов в своей классификации тюркских народностей хотя и помещал кумандинцев и челканцев в рубрику «отюреченные енисейцы и самоеды бассейна верхней Оби», в то же время выдвинул гипотезу, по существу противоречащую взглядам В. Радлова, суть которой сводится к следующему. На основании интерпретации древнетюркской генеалогической легенды, зафиксированной в ранних китайских летописях,⁶² Аристов утверждал, что кумандинцы и челканцы близко родственны между собой и относятся к древнейшим тюркоязычным аборигенам Алтая. Их далекие предки дали начало вообще древним тюркам-тюкю, которые, как известно, создали в Центральной Азии мощное государство кочевников, существовавшее в VI—VIII вв., получившее в истории наименование Тюркского каганата. Такое представление о современных кумандинцах и челканцах сложилось потому, что в упомянутой древнетюркской легенде говорится о происхождении предков древних тюкю из государства или владения Со, название которого Аристов сопоставил с этнонимом *со* у кумандинцев, так как у них под таким именем известен один из сеоков. Вот краткое содержание упомянутой ле-

⁶² Н. Я. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 221—222; Liu Mau-tsai, ук. соч., т. I, стр. 5—6; т. II, стр. 489—490.

генды в летописи Чжоушу. Предки тюкю происходили из государства Го, лежавшего севернее хуннов. Вождем их племени был Дпягпу, имевший 17 братьев. Из них Ичинишиту был шаманом, а имел четырех сыновей, из которых один превратился в белого лебедя, два других стали правителями отдельных племенных государств. Четвертый (старший) его сын был избран вождем племен, управляемых представителями рода Апангиу, и получил звание Тюкю. Это был Нотулу-шад. У него было 10 жен, чьи сыновья взяли себе прозвища матерей, а сына от наложницы звали Дпшна. После смерти Нотулу Ашина избрали вождем племен и родов, происшедших от сыновей Нотулу. В свою очередь внук Апшны по имени Тумен (Бумин) сделал свое племя наиболее сильным и стал основателем государства древних тюрков-тюкю.⁶³ На основе данной легенды Н. Аристов утверждал: «Владение Со, лежавшее на севере от страны хуннов, т. е. от нынешней Монголии, должно было находиться на северной стороне Алтая, ибо южные его склоны входили в состав земель хуннов. В настоящее время один из двух родов, из которых состоит верхнекумандинская волость, на р. Бии, около впадения в нее р. Лебеди, носит имя Го, а другой Кубанды или Куманды. Отсюда можно с достаточной достоверностью заключить, что легендарный праотец тюрков происходил из племени Со, обитавшего на севере Алтая, и что род Со является маленьким остатком этого, вероятно, в доисторические времена не совсем малочисленного племени».⁶⁴ В превращении одного из сыновей Ичинишиту (по Бичурибу — Нишыду) в лебедя Аристов усмотрел отражение факта поселения этого сына на р. Лебеди, где он стал родоначальником племени Ку, остатки которого в виде челканцев и поныне обитают по р. Лебеди и называют себя *куу-кижи* (лебединцы, люди р. Лебеди). Отсюда современные челканцы по Аристову представляют собой также далеких потомков древних тюрков-тюкю и состоят, следовательно, в близком родстве с кумандинцами. Такой вывод представляется еще более приемлемым, если учесть, что современные языки ку-мандинцев и челканцев весьма близки и почти не отличаются. Интерпретация Н. Аристовым изложенной генеалогической легенды поддержана и в советской историко-этнографической литературе,⁶⁵ хотя едва ли можно утверждать, что все это соответствует исторической действительности, поскольку вопрос о происхождении древних тюрков-тугю получил теперь с опубликованием

⁶³ Тумен — это уже историческое лицо, основатель государства тюрков, "мя которого встречается как в китайских летописях, так и в орхонских Рунических надписях. Содержание легенды дано здесь по переводу Лю-Тмау-цай: Liu Mau-tsaï, ук. соч., т. I, стр. 5—6; т. II, стр. 489—490. Ч>.: Н. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 221—222.

⁶⁵ ?' ^" Аристов, ук. соч., стр. 279.

А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисей-тенх тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1956; С. В. Киселев. Древняя история >кной Сибири. М., 1949; История Тувы, т. I, и др.

некоторых новых материалов более обоснованное освещение.⁶⁶ Однако научное значение этногенетических сопоставлений Аристова сохраняется в известной мере до сего времени, ибо исследователь справедливо увидел в древнетюркской генеалогической легенде отражения некоторых реально существовавших в далеком прошлом этногенетических связей и событий, заслуживающих доверия современного историка. И несмотря на то что мы должны будем показать несостоятельность утверждений Аристова в отношении происхождения современных кумандинцев и челканцев, это вовсе не означает отрицания всякой роли племен, обитавших в древне-тюркское и предшествующее ему время в Южной Сибири (в частности, на Алтае, в Туве) и Монголии в раннем этногенезе древних тюрков. Настаивание на правильности упомянутых сопоставлений Аристова в том виде, как они были им высказаны, при современном уровне научных знаний было бы неосторожно, и тем более недопустимо основывать на них новые этногенетические построения. Показательным примером отрицательного результата применения таких приемов может служить попытка определения этнического состава населения так называемого «Енисейско-Ир-тышского междуречья» для XIII в., предпринятая в связи с изучением этногенеза киргизского народа в «Истории Киргизии».⁶⁷ В данном случае автор раздела об этногенезе не без влияния Н. Аристова выделяет на современной географической карте две области: Кыркыр и Куман, откуда будто бы шло выселение «основного ядра киргизского народа на Тяныпань». Кыркыр он помещает «в верховья Оби, где Обь образуется при слиянии Бии с Катунью», а область Куман — по соседству с ней «в бассейне р. Куманды» (?), под которой автор подразумевает, видимо, р. Лебедь, так как реки с названием Куманды вообще не существует. Уже локализация области Кыркыр в небольшом лесостепном районе при слиянии Бии и Катунь делает совершенно бесполезным обсуждение вопроса о выселении отсюда «основного ядра» киргизов на Тяныпань. Еще ярче выступает фантастичность этногенетических рассуждений автора на примере характеристики области «Куман», которую он этимологизирует как «желтую страну».

Отводя долину таежной р. Лебеди под область этногенеза скотоводческих племен, которые, выселяясь отсюда, составили «ядро киргизского народа на Тяныпане», автор совершенно не представляет себе, что эта маленькая долина, где глубокоснежная зима длится до 8 месяцев, совершенно непригодна для пастбищного скотоводства. «Желтый цвет» этой «страны» появляется только осенью при увядании растительности. И хотя автор уверяет чита-

⁶⁶ Liu Mau-tsai, ук. соч., т. I, стр. 40; История Тувы, т. I, стр. 59—60; С. Г. Кляшторный.

Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 102—114.

⁶⁷ История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1963, стр. 235—242.

еля, ^{что} будто бы обитающие здесь кумандинцы (? — Л. П.) на-йвают себя *куу-кижи*,⁶⁸ т. е. именем, которое будто бы этимоло-языруется как «желтый народ», все это не приближает фантастику^к действительности. Можно только удивляться тому, что большая научная литература о северных алтайцах, об их расселении и самоназвании, о географии Алтая смогла остаться неизвест-ной автору и его ничем не подкрепленная гипотеза получила доступ в такое серьезное издание, как «История Киргизии».

Кумандинцы выделены В. Радловым в особую самостоятельную группу северных алтайцев. Еще у В. Вербицкого они просто включены в состав кочевых «черневых татар» Бииского округа. Их административные волости Верхне-Кумандинская и Нижне-Кумандинская перечислены вместе с волостями тубаларов (Кузен-ской, Южской и др.). Радлов отнес к кумандинским 6 сеоков: Го, Кубанды, Тастар, Дьуты (Чооты), Чабаш (Чабат) и Тон (или Тон-Кубанды),⁶⁹ Из них первые два сеока, по его данным, входили в Верхне-Кумандинскую волость, а четыре остальных со-, ставляли волость Нижне-Кумандинскую. Такое деление кумандинцев на Нижнюю и Верхнюю волости относится, вероятно, к концу XVIII или началу XIX в., так как в официальных русских документах XVII в. (во всяком случае в ясачных книгах, с 1629 по 1715 г.) Кумандинская волость упоминается еще без деления на Верхнюю и Нижнюю. Наименование Верхняя и Нижняя волости было дано царской администрацией и со временем получило отражение и в языке кумандинцев.⁷⁰ Кумандин-ские названия Оре-Куманды и Алтына-Куманды, прочно вошедшие в повседневный обиход, являются в сущности кумандинским переводом русских названий волостей. Сами кумандинцы утверждают, что они таких названий в старину не имели и не подразделялись на верхних и нижних. Подтверждение этому мы находим в одном предании, записанном нами у верхних кумандинцев в 1936 г.⁷¹ В нем сказано, что в «ойратское время» (т. е. в период господства западомонгольских, или ойратских, ханов в XVII в.) кумандинцы жили по р. Чарышу, близ впадения его в Обь. Раз-Деления их на верхних и нижних в то время не было. С устья Чарчлапа кумандинцы переселились в верховье Оби и поселились по р. Катунь (вверх от устья до впадения в нее р. Маймы), а также по р. Бие. Расселение кумандинцев в этих местах подтверждается одним из русских исторических документов 1653 г.,

—[^]Автору осталось неизвестным, что кумандинцы не обитают на Р- Лебеди, а там живут челканцы и называют себя *куу-кижи*, что значит «лебединцы», кумандинцы же себя *куу-кижи* не называют.

⁶⁹ W. R a d l o f f. Aus Sibirien, Bd. I, стр. 212.

⁷⁰ Волости эти получили название Верхней и Нижней, от местообитания [^]кумандинцев в верхнем и нижнем течении р. Вии.

В улусе Шанграке Озеро-Куреевского сельсовета Турочакского аймака Горно-Алтайской автономной области.

о чем будет сказано дальше. Переселение было вызвано нежеланием платить ясак русскому государю. Таким образом, как считают сами некоторые верхние кумандинцы, они являются ддя горно-таежных районов верховьев Бии пришлым элементом.

Разделение кумандинцев на верхних и нижних долгое время не вытесняло у них деления на экзогамные сеоки-роды. Во времена В. Радлова, когда он сто лет тому назад посетил кумандинцев, у верхних и нижних кумандинцев в рамках каждой административной волости существовало четкое деление на сеоки, и каждая из-обеих волостей состояла в основном из разных сеоков, проживавших, как правило, в пределах своей волости. Во время наших поездок к совершенным алтайцам (особенно в 1936 г.) нам смогли назвать только четыре следующих сеока: Оре-Куманды, Тастар, Чооты и Алтына-Куманды. Ни сеока Со, ни сеока Чабат, ни сеока Тон-Кубанды нам уже не назвали. И только после длительных расспросов мы выяснили, что сеок Чабат есть и у нижних, и у верхних кумандинцев, но у тех и других он именно так не называется, а лица, принадлежащие к нему, называют себя либо Оре-Куманды, либо Алтына-Куманды. Сеок Тон нам также назвали, но только после того как мы о нем специально спросили. Похоже было, что о нем успели забыть и вспомнили о нем не без труда. Однако в одном из дел, «Об устройстве кочевых инородцев Кумандинской волости», мы нашли прошение «верхних кумандинцев», датированное 15 сентября 1906 г., в котором говорится, что верхние кумандинцы состоят из четырех сеоков: Керзал, Солу, Алтон, (т. е. Алтына — нижние, — *Л. П.*) и Ере (т. е. Оре-верхние, — *Л. П.*).⁷² Следовательно, падение роли сеоков в жизни кумандинцев и утрата их названий происходила довольно быстро, ибо уже в начале нашего столетия чисто административные деления на волости Нижне-Кумандинскую и Верхне-Кумандинскую, произносимые на кумандинском языке как Алтына-Куманды и Оре-Куманды, местами фактически заменяли названия по сеоку. На вопрос о принадлежности кумандинца к тому или иному сеоку обычно следовал ответ: Оре-Куманды или Алтына-Куманды. В этом нам пришлось убедиться лично, и только путем последующих расспросов иногда удавалось выяснить принадлежность данного лица к определенному сеоку. Часто называющий себя Оре-Куманды или Алтына-Куманды, оказывалось, не знал, что он называет себя по старому административному волостному делению, а полагал, что это и есть название его сеока. При этом любопытно, что если верхний кумандинец, например, переселялся в район обитания нижних кумандинцев, он все равно считал себя Оре-Куманды, т. е. верхним кумандинцем. Оба этих названия, Оре-Куманды и Алтына-Куманды, в начале XIX в. стали отождествляться с названиями сеоков до такой степени, что осознава-

— Барнаульский архив, дело № 142, связка 18.

лись даже как экзогамные единицы. Алтына-Куманды не вступали в брак с лицами, принадлежащими к сеоку Тонг, а Оре-Куманды — с сеоками Тастар и Чооты. Правда, в этом экзогамном запрете можно видеть косвенное указание на былую принадлежность того или иного современного представителя Оре-Куманды или Алтына-Куманды к одному из упомянутых сеоков.

Большинство названий сеоков, перечисленных В. Радловым для кумандинцев, встречаются в русских исторических документах первой половины XVII в. как названия ясачных волостей.

При анализе этнических компонентов в составе кумандинцев мы исходим из записей В. В. Радлова, впервые определившего кумандинские сеоки. Судя по ним, сеоки Со и Кубан не встречаются ни у одной из родо-племенных групп, как северных, так и южных, и могли бы считаться коренными для верхних кумандинцев. В действительности это не так. Если обоих этих сеоков нет у алтайцев, то этноним *со* (в транскрипции *сого, соко, соо, сокы*) встречается в родо-племенных названиях у хакасов и даже якутов.⁷³ У хакасов-качинцев зафиксировано интересное предание, из которого следует, что Соко, или Соки, жили раньше на Иртыше, следовательно, в долине Енисея они являются пришельцами.⁷⁴ Упомянутый сходный географический элемент в преданиях кумандинцев и качинцев представляется вполне реальным, отражающим воспоминания о прежнем местообитании кумандинцев, в частности родо-племенной группы Соо (Сого, Соки) и части качинцев на -Иртыше и Чарыше, территория которых временами (особенно в XVII в.) входила в сферу господства ойратских (за-падномонгольских) ханов. Об этногенетической связи качинского сеока Соки с кумандинцами, в частности с сеоком Со, наводит на мысль и то обстоятельство, что у качинцев этот сеок входил в состав Кубанова административного рода, наименование которого полностью совпадает с наименованием кумандинцев (Кубан). Скорее всего, что и кумандинцы, и качинцы сеока Соки имели общих предков, именовавшихся Куман (Кубан). Такие предки истори-

⁷³ О сопоставлении *соо* с *саха* — самоназванием якутов и с этнонимом *сагай, сакай*, см.: О. Pritsak. *Philologiae Turcicae Fundamenta*. стр. 600. Возражения К. Менгеса против такого сопоставления совершенно не убедительны. Еще менее убедительна попытка Менгеса определить этноним *сагай* как показатель кетско-енисейского происхождения сагайцев, свидетельствующего будто бы о том, что их тотемным животным была белка. И это у древних скотоводов-кочевников, какими были настоящие сагайцы (Юс-Сагай и Том-Сагай). См.: К. М e n g e s. Zum Stammesnamen «er Sagai. *Central Asiatic Journal*, vol. VI, N 2, 1961. Ср.: Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, гл. **м** **v**.

⁷⁴ Г. В. Ксенофонтов. Ураанхай-сахалар. Иркутск, 1937, стр. 31. Часть качинцев при хане Кучуме проживала на р. Тобол и пришла * окрестности Красноярска после падения Сибирского ханства. ^м.: Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности, стр. 86—87 и 179.

чески хорошо известны. Они входили в объединение тюркоязычных кочевых племен, именовавшихся кыпчаками. Средневековые кыпчаки (половцы русских летописей или команы византийских источников), как отмечалось выше, в период с конца IX по 30-е годы XIII в. распространяли свое политическое влияние на обширные степи от Алтая до Крыма и Дуная. Иртыш с прилегающими к нему степями (во всяком случае ниже оз. Зайсана) находился в сфере этого объединения. В него входили несомненно и предки нынешних кумандинцев, телеутов, о чем свидетельствует их язык, который, как и язык тобольских и барабинских татар, относится к кыпчакской группе.⁷⁵ Этим же историческим прошлым объясняется и наличие сеока Кыпчак у южных алтайцев, считающегося кровнородственным сеоку телеутскому Мундус. Те-леуты *те* в XVII в. кочевали не только в Приобье, но и в При-иртышских степях, хотя в значительной своей части были уведены в Джунгарию в начале XVIII в., где составляли, как и насильственно переселенные сюда енисейские кыргызы, особый оток. Поэтому вполне можно полагать, что кумандинское предание об их былых кочевьях в низовьях Чарыша отражает реальный факт, из которого следует, что исторические предки «Верхних кумандинцев» четыре века тому назад входили в кыпчакские и телеутские группы и племена.

На основании сказанного выше, нам кажется вполне обоснованным мнение проф. О. Притсака, который полагает, что термин «куман» в наименовании кумандинцев адекватен названию половец и кыпчак.⁷⁶

В Нижне-Кумандинской волости числились сеоки: Тастар, Чооты (также Чоты, Йоты), Тон и Чабат. Из них два сеока — Тастар и Чоты, по нашим полевым записям, считались у современных кумандинцев кровнородственными, и браки между ними были запрещены. Однако и эти сеоки едва ли можно считать чисто кумандинскими ввиду того, что они встречаются и в других местах, прежде всего у телеутов. Сеок Чооты, или Йоты, как мы знаем, еще был и у койбалов, тофаларов-карагасов, восточных и южных тувинцев (за Танну-Ола). У тувинцев это название — **Чооду**. **Появление сеока Чооты, или Чоты**, у кумандинцев предание связывает с приходом на Бию с севера из Аккыштымской волости Кузнецкого уезда или округа братьев, явившихся родоначальниками этого рода у кумандинцев и тубаларов Кузенской волости (Дьюты, 31 чел.). Поскольку Аккыштымская волость — телеутская (Кузнецкого округа), то переселенцы на Бию были, конечно, телеуты.

⁷⁵ А. Самойлова Некоторые дополнения к классификации турецких языков, стр. 10—И.

⁷⁶ О. Р и т с а к. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Volker. Ural-Altische Jahrbuch, Bd. XXIV, 1952, H. 1—2, S. 49—104.

Сеок Тастар также не может считаться чисто кумандинским, я5о в XVII в. существовала Тастарская волость, относившаяся к горным порубежным волостям, которые находились гораздо севернее, в Томском уезде (в верховьях р. Кии). Выходцы из нее, оказавшись на Бие среди кумандинцев, принесли сюда наименование Тастар. В предании о происхождении сеока говорится, что тастары в старину были рыболовами (*палыкчылар*) и делали лодки из бересты (*тос кебе*). Они вошли постепенно в состав тувинцев (сойотов) и верхних кумандинцев. С последними они считали себя в кровном родстве, и браки между Тастар и Оре-Куманды не допускались.

Наконец, остаются еще сеоки нижних кумандинцев: Тонг и Чабат. Казалось бы, сеок Тонг можно считать кумандинским, ибо такого родового названия нет у других групп алтайцев. Но прежде чем остановиться на таком утверждении, необходимо уточнить транскрипцию названия. В публикации В. Радлова дается написание *Тон*.⁷⁷ Конечно, нужно иметь в виду тот известный факт, что в упомянутом издании нередко встречаются ошибки и неточности в транскрипции родовых названий, возникших как будто бы в процессе печатания книги. Такое же написание дается в последнем по времени выпуске словаре алтайского языка.⁷⁸ В таком же виде мы записали это название среди шорцев. Тем не менее можно усомниться в правильности передачи кумандинского названия данного сеока. Мы записали его у кумандинцев в звучании *Тонг*. Такую же транскрипцию дают А. В. Анохин и А. И. Новиков. Наконец, что особенно важно, в записи такого крупного знатока алтайских диалектов, как миссионер В. Вербицкий, рассматриваемое название также дано в форме *Тонг*.⁷⁸

На основании изложенного мы обязаны внести некоторые разъяснения в связи с тем, что нами уже писалось об этом сеоке, исходя из его названия в написании *Тонг*. Поскольку мы лично убедились в том, что шорцы (северные) называют вообще кумандинцев *тон-кижи*, как и в том, что и среди шорцев этот сеок называют Тон, мы попытались в одной из наших работ объяснить название Тон как этноним, отражающий хозяйственную специализацию его носителей, как слово, означающее «олень» и «оленовод».⁸⁰ При таком сопоставлении можно было предполагать, что Далекие предки данного кумандинского сеока могли быть оленоводами, что увязывается и с некоторыми охотничьими легендами

⁷⁷ W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, стр. 212.

⁷⁸ Ойратско-русский словарь. Составили Н. А. Баскаков и Т. М. Тоша-кова. М., 1947, стр. 217.

⁷⁹ Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань. 1884, стр. 362.

⁸⁰ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 158, со ссылкой на примечания проф. Н. А. Козьмина к переводу работы В. Радлова «Этно-графический обзор тюркских племен Сибири и Монголии» (Иркутск, 1929, стр. 25).

и волшебными сказками кумандинцев, например о доении оленей (это приписывается горным духам кумандинцев). Сигналы же об оленеводстве (с доением оленей) у какой-то части далеких-исторических предков кумандинцев могут быть объяснены участием в этногенезе кумандинцев южносамодийских племен, для которых разведение верховых оленей, с использованием их не только в целях транспорта, но и для доения, было характерным. Так поступали с оленями сравнительно недавно тофалары (кара-гасы, тувинцы-тоджинцы) и другие современные народности, эт-ногенетическая связь которых с южносамодийскими племенами не вызывает сомнения. Однако, если исходить из самоназвания представителей этого сеока у кумандинцев, то мы должны принять как наиболее достоверное название *Тонг*. Следовательно, сравнивать с другими этнонимами нужно термин *Тонг*, принимая во внимание конечный дифтонг *нг*. В таком случае мы обязаны привлечь для сравнения наименование южноалтайского, точнее сеока собственно алтайцев (алтай-кижи) — Тонгжоан и название группы тувинцев Тоигак. В основе всех трех- этнонимов выступает общий термин *тонг*. Родственная группа, видимо, потомки *тункаи-тов* Сокровенного сказания и летописей Рашид-ад-дина, рассеялась по территории Саяно-Алтайского нагорья и довольно давно. Давно потому, что в результате обособленного друг от друга местообитания в термине, выражающем общее самоназвание, образовались различные суффиксы (*тонгжоан*, *тонгак*), относительно происхождения которых мы пока ничего не можем сказать. По всей вероятности, группы с названием Тонг у южных алтайцев, тувинцев и кумандинцев имеют общее происхождение. К сожалению, у нас нет в настоящее время подробных этнографических данных об этих группах, которые бы можно было сопоставить между собой с целью подкрепления высказанного выше предположения о наличии общих этнических элементов у кумандинцев с тувинцами и южными алтайцами.

Любопытно, что нижние кумандинцы, не помнившие своего сеока и называвшие себя просто Алтына-Куманды, считали тем не менее сеок Тонг кровными родственниками и не вступали с его представителями в брак, так же как кумандинцы, именовавшиеся Оро-Куманды, считали себя в кровном родстве с сеоком Тастар, и между ними браки также были запрещены. Очень возможно, что те нижние кумандинцы, которые утратили название своего сеока, но признавали сеок Тонг кровными родственниками, были потомками именно данного сеока. Что касается верхних кумандинцев, которые считали себя в кровном родстве с сеоком Тастар, то можно предполагать, что они были потомками либо сеока Тастар, либо сеока Йоты, или Чоты, ибо оба названных сеока считались кровнородственными и браки между ними не допускались. Родство названных сеоков иногда подтверждается еще тем, что у них были общие родовые божества. Например, у сеоков

тно-Куманда и Тастар родовым покровителем был один и тот же Солтыган «быстроглазый» (*кайыр кбстуг*).

О сеоке Чабат можно сказать еще меньше. Он известен в рассматриваемое время только среди кумандинцев, хотя Чабатская волость, как увидим ниже, упоминается в русских документах XVII в. Никаких сопоставлений названия этого сеока с другими мы пока сделать не можем за отсутствием материала.

Анализ названий привел нас к выводу, что те шесть сеоков, которые входили в Нижне- и Верхне-Кумандинские волости, именовавшиеся в совокупности (со времени В. Радлова) Кумандинские, во-первых, не могут считаться чисто кумандинскими, так как большинство из них имеется и у других народностей, а во-вторых, различны по своему происхождению. Находясь в течение ряда столетий в составе Кумандинских волостей „Д^знецкого уезда, они несомненно консолидировались не только территориально, но и в отношении языка, культуры и быта. У них сложилась общность культуры и быта на основе комплексного оседлого хозяйства, описанного выше, в котором охота на зверя и сбор кедрового ореха играли ведущую роль, как наиболее доходные и товарные отрасли. Поэтому культура и быт кумандинцев приобрели древний охотничий облик, но они вовсе не были специфичны только для кумандинцев, а характерны и для шорцев, особенно северных, челканцев и других мелких родо-племенных групп Кузнецкого округа, в частности оседлых телеутов и аккыш-тымов. Поэтому нам следует теперь сосредоточить внимание на этнографическом материале, который поможет пролить свет на происхождение кумандинцев и их отдельных сеоков.

Рассматривая культуру и быт кумандинцев по отдельным элементам, нельзя не заметить их сходства с соответствующими элементами культуры и быта, например, угрских народов, живущих по Оби, как и некоторых других народностей севера средней Сибири. В области материальной культуры это проявляется отчетливо в одежде. Распашная верхняя одежда кумандинцев (как и челканцев и шорцев) совершенно одинакова по покрою и по материалу (самодельный холст из волокна кендыря или крапивы) с соответствующей верхней одеждой сургутских хантов (среднее и нижнее течение Оби), а также нарымских селькупов. Сходство с хантами и манси устанавливается и в отношении некоторых Деталей жилища и отдельных хозяйственных построек. Это относится к глинобитному очагу «чувалу» с высокой трубой из жер-Дей, обмазанных глиной. В качестве хозяйственной постройки, Устанавливаемой как в тайге в районах промысла, так и вблизи Жилья у кумандинцев, сооружались одинаковые с хантскими по форме и конструкции ерубы-амбарчики на высоких жердях для хранения мяса и других продуктов. У кумандинцев (как и у шорцев) общий с хантами и манси тип охотничьей ручной нарты. I акую нарту тянут за собой охотники, когда идут на лыжах.

Такие же аналогии народной культуры кумандинцев с хлщ и манси дает сопоставление орнамента. Исследовавший этот вопрос С. В. Иванов пришел к заключению, что прямолинейный геометрический орнамент, характерный для домотканых и вязаных изделий кумандинцев и шорцев, распространен и у южной группы хантов, живущих по рр. Иртышу, *Салыму*, Конде, затем у южных манси и у нарымских селькупов. Поэтому в классификации типов орнамента у народов Сибири С. В. Иванов объединил в общий тип орнамент южных хантов и манси с орнаментом кумандинцев и шорцев.⁸¹

В отношении общности древней культуры и быта кумандиь -цев с культурой и бытом хантов и манси много интересного дает этнографический материал из области шаманского культа. Это вполне естественно, так как в шаманстве, ввиду консервативности религиозных представлений, особенно долго сохраняются древние черты. Примером столь длительной сохранности могут служить некоторые религиозные представления, культы и обряды южных алтайцев, аналогичные древнетюркским, зафиксированным китайскими летописными источниками. Возвращаясь к нашему сюжету, отметим прежде всего сходство деревянных идолов. Характерные для хантов остроголовые идолы зафиксированы и у кумандинцев.⁸² У кумандинцев в отличие от южных алтайцев во время некоторых шаманских общественных молений с жертвоприношением лошади употреблялась берестяная маска, надеваемая одним из участников моления, изображающего так называемого «Кочогана», который снабжался еще и деревянным фаллосом. Этот персонаж принимал участие в молении, совершаемом шаманом, и был связан с эротическим обрядом.⁸³ Однако известно, что именно среди хантов и манси берестяная маска в культе играла видную роль и у этих народностей было принято изготавливать деревянный фаллос во время обрядового праздника в честь убитого медведя.⁸⁴ Характерные для хантов и манси представления и изображения духов предков в виде крылатых людей находят полную аналогию в изображениях отдельных духов шамана, наносимых краской на шаманских бубнах кумандинцев, как и у некоторых групп шорцев. Такие рисунки не встречаются на бубнах У Других народностей Саяно-Алтайского нагорья, в том числе и у южных алтайцев.

Вместе с этим в культуре и быте кумандинцев выявляются отдельные черты, которые сигнализируют об общности какой-то части далеких исторических предков кумандинцев с самодийско-

⁸¹Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1960, стр. 373—375.

⁸²W. R a d l o f f. Aus Sibirien, Bd. I, S. 332.

⁸³D. Z e l e n i n. Em erotischer Ritus in der Opferungen der altaischenTiirken. Intern. Archiv f. Ethnographie, Bd. 29, Leiden, 1928, № 4/6.

⁸⁴K. Patkanov. Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, Bd. I-St.-Pet, 1897, стр. 130.

язычными народностями, в частности с селькупамми, на что уже обращалось внимание выше. Мы отмечали это и в более ранней своей работе.⁸⁵ Таким образом, можно сделать следующий вывод, а часть далеких исторических предков кумандинцев, которая представляла собой по образу жизни пеших охотников, сочетавших охоту на зверя с рыболовством в таежных речках, в этническом отношении была, видимо, также неоднородна. Этногенетические связи по этой линии идут как к угрским, так и к самодийскоязычным (селькупы) народам.

Но в охотничьей по облику культуре кумандинцев имеются черты, свойственные иному типу культур, развивавшихся на основе кочевого скотоводства. К изучению таких особенностей культуры и быта кумандинцев мы подошли в результате анализа их этнонимов и ряда исторических данных и преданий, который побудил нас выдвинуть предположение о происхождении части кумандинцев, именно верхних, от кыпчаков и телеутов, этих скотоводов-кочевников. Мы вправе ожидать, конечно, что и этнографический материал даст такие же показания.

Названные выше секи, из которых состояли «верхние кумандинцы», были связаны в прошлом с культурой кочевников-скотоводов, о чем убедительно говорит этнографический материал, собранный нами в 30-х годах. Укажем, например, на значение лошади в жизни верхних кумандинцев. У них, казалось бы, горно-таежных пеших охотников, в языке сохранилась хорошо разработанная тюркская терминология мастей лошадей, совпадающая с южноалтайской, тувинской, киргизской; сохранились названия лошадей по возрасту и полу. Лошадь занимает видное место в их фольклоре и шаманских верованиях. Вообще для кумандинцев были характерны охотничьи культы, отражающие почитание различных охотничьих божеств — покровителей охоты, от которых, как верили, зависел успех промысла и благополучие охотников. Охотничьи духи кумандинцев имели изображения (из дерева, бересты и др.), иногда антропоморфные. Таковы были, например, божества под названием Тайгам (Тайгым), Каным, Шалыг, Сары-ган и др., совершенно аналогичные по внешнему образу, функциям и порой даже названиям духам охоты у шорцев, челканцев, тубаларов и северных, так называемых «кузнецких», телеутов.⁸⁶ Сохранились у кумандинцев и следы культа медведя, убиваемого на охоте, имеющего общие черты с культом этого зверя у других северных алтайцев.⁸⁷ Подобные религиозные верования, конечно, отражают древний охотничий быт исторических предков кумандинцев. Но вместе с отмеченными религиозными представлениями

⁸⁵ Очерки по истории алтайцев, стр. 158—159.

⁸⁶ Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. Д., 1935, стр. 25—32.

⁸⁷ Л. П. Потапов. Пережитки культа медведя у алтайских туropol, этнограф-исследователь, 1928, №2—3 (изд. ЛГУ).

у кумандинцев уживались и другие, порожденные кочевым скотоводческим бытом, свидетельствующие несомненно о наличии в составе их исторических предков скотоводов-кочевников. Куман-динцы, как и южные алтайцы и телеуты, поклонялись горам а верховным божествам, которым приносили в жертву лошадь, выставляя на особом сооружении ее шкуру. Для этой цели она использовали только свою, выращенную у себя лошадь, но не покупную. За отсутствием своей допускалось взять лошадь у родственника по сеоку. Таким образом, жертвоприношение лошади носило в прошлом несомненно родовой характер. Это подтверждается еще и тем, что предназначенную в жертву лошадь *а/ык* (ср. алт. *jajbiK*, тув. *ыдык*) считали неприкосновенной для какой-либо сельскохозяйственной работы и упряжи. К ней нельзя было прикасаться женщине, ибо при экзогамности браков женщина в данном ееке всегда была чужеродной. Не мог прикасаться к этой лошади и мужчина из чужого сеока. Правда, в самом жертвоприношении лошади имелись такие элементы, которые, как было показано выше, сближают отдельные моменты этого обряда с аналогичными обрядами у хантов и манси. Но даже в том случае, если в этническом составе кумандинцев имеются некоторые древнеугрские этнические элементы, историческая связь куман-цинцев с культурой кочевников-скотоводов не вызывает сомнения. В этом отношении еще более убедительным отголоском скотоводческой в прошлом культуры кумандинцев служит название шаманского бубна, которым называет свой *бубей* кумандинский шаман во время камлания. Прежде чем остановиться на значении данного термина, следует напомнить, что у шаманов *всех* саяно-алтайских народностей бубен осмыслялся как ездовое животное, на котором шаман «ездит» в различные миры во время камлания. Когда шаману изготовляли первый бубен, то совершали обряд «оживления» бубна, как обряд оживления ездового верхового животного. Этот обряд был известен и кумандинцам.⁸⁸ Шаманский бубен у кумандинцев назывался распространенным на Алтае термином — *ту'ур*. Однако во время камлания, когда бубен представлялся ездовым животным шамана, он у кумандинцев (как и у телеутов) назывался уже термином *ак-адан*, т. е. «белый» (чистый, или священный) *адан*. Слово же *адан* означает взрослого холощеного, именно ездового, верблюда. Следовательно шаманский бубен у кумандинцев как верховое животное осмыслялся в виде ездового (холощеного) верблюда. Шаман же у кумандинцев во время камлания назывался не термином *ком*, как обычно, а *аданыг*, что значит «ездящий на адане», т. е. ездящий на верблюде. Такое представление о бубне могло возникнуть, разумеется, только

⁸⁵См. наши работы: Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. Тр. Инст. этногр. АН СССР, нов. сер., т. I, М.—Л., 1947; Die Schamanentrommel bei den altaisehen Volkerschaften. GJaubenswelt unti Folklor der sibirischen Volker. Budapest, 1963.

скотоводческой среде, причем в среде кочевников, разводивших ерблюдов. Этот любопытный пережиток вполне согласуется с упомянутым выше преданием части кумандинцев о приходе их современные места обитания из степей Чарыша, а может быть, в степей Иртыша, где верблюдов разводили еще недавно и они играли определенную роль в хозяйстве кочевников.

Наряду с отмеченным фактом мы располагаем и другими материалами из истории кумандинского шаманства, указывающими на связь его с шаманством скотоводческих народов Саяно-Алтайского нагорья. Некоторые верхнекумандинские шаманы, например, имели бубен, именуемый «тезим», название, характерное для южных алтайцев.⁸⁹ В призываниях кумандинских шаманов к своим духам, в частности в обращении к «паре гусей», изображенных на бубне, упоминается оз. Сутхоль, на котором купаются и отдыхают эти помощники кумандинского шамана.⁹⁰ В данном случае речь идет не о художественном образе «молочного озера», а о реально существующем под этим названием в Туве оз. Сут-Холь (Дзун-Хемчикский район Тувинской АССР), которое часто упоминается в призываниях тувинских и южноалтайских шаманов.

В шаманских верованиях кумандинцев устанавливается еще одна аналогия с алтайскими телеутами — представителями древней кочевой скотоводческой культуры, — относящаяся к культуре предков. Телеутские пенаты-куклы, сшитые из холста и набитые войлоком или овечьей шерстью, известные под названием *эмеген-дер* (старушки), сходны по форме, материалу и по приписываемой им функции с куманджинскими пенатами *дрдконддр*, что значит «старцы». Некоторые кумандинцы называли их еще термином *тдрдѐ* (т. е. находящиеся «в переднем углу») и «кормили» их, как и телеуты.⁹¹ Названные изображения духов-предков были свойственны, как увидим дальше, также кочевникам-кыпчакам XIII в. и под тем же названием теленгитам.

Элементы древней скотоводческой культуры кочевников У верхних кумандинцев прослеживаются и в других этнографических особенностях, например в характере и названиях пищи. Такие мясные блюда кумандинцев, как *кан* и *шургем*, а именно кровь, налитая в кишки (вареная кровяная колбаса), и вареные свитые в жгуты тонкие кишки, перевитые еще подбрюшным салом, или *кыйма* — прямая кишка лошади, начиненная кусками

⁸⁹ См. нашу работу «Die Schamanentrommel bei den altaischen Völkern», стр. 237—238.

⁹⁰ Призывание к «пестрым гусям» записано нами со слов шамана Сагана в селении Сурбашкино (в то время Димитриевского сельсовета) ^{В 1917 г. еще не} опубликовалось.

Л. Э. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сб. Музея антропол. и этногр., т. VI, Л., 1927; А. Ефимова. Телеутская свадьба. .

мяса и жира, являются характерной мясной пищей кочевников в том числе и алтайцев, тувинцев. К пище, распространенной у южноалтайских скотоводов, относятся похлебка из зерен ячменя — *кочо*, бульон *мун* и др., распространенные также у кумандинцев. О древнем пласте культуры скотоводов-кочевников свидетельствует и героический эпос кумандияцев, отражающий кочевой быт. Он сосуществует у них вместе с коротенькими сказками, охотничьими рассказами и легендами, характеризующими быт исконных горно-таежных пеших звероловов. Героический эпос принесли сюда родо-племенные группы тюркоязычных кочевников, в частности телеутов, которые вошли в этнический состав северных алтайцев, и не только кумандинцев, но и шорцев, чел-канцев.

Но, пожалуй, наиболее ярким реликтом культуры **какой-то** части предков современных кумалдинцев, свидетельствующим об их среднеазиатских этнических связях, нужно признать наименование ритуального напитка, который кумандинцы делали из ячменя под названием *пуза*, или *поза*. Этот опьяняющий напиток, типа браги, готовили при жертвоприношении лошади или при молении после осенней уборки урожая, т. е. при шаманских молениях, отличительной чертой которых являлся эротический обряд, связанный с особым персонажем Кочоганом, которого изображал не шаман, а один из участников моления, надев для этого берестяную маску. Название ритуального напитка кумандинцев *пуза* нельзя не сопоставить с реально существующим в быту киргизов и кочевых узбеков «прогоняющим печаль» напитком *буза*, который делали из проса после сбора урожая и распивали, придерживаясь определенного церемониала, как при распивании кумыса или араки.⁹²

Сохранение у кумандинцев термина *пуза* наряду с названием для жертвенной браги *ортка* или *орткы* (тоже из ячменя), распространенным у челканцев, трубаларов, северных шорцев и телеутов, затем наличие специального древнего моления, связанного с уборкой урожая, разумеется, никак не вяжутся с бытом пеших таежных охотников. Здесь мы имеем дело с этнографическим свидетельством какой-то древней этнической примеси в составе кумандинцев, имеющей историко-генетические корни в среднеазиатской культуре, в которой земледелие играло видную роль.

Если возьмем некоторые орудия труда, то такие из них, как скребки для выделки овчин, волосяные арканы и некоторые другие, снова вводят нас в круг предметов скотоводческого быта, распространенных у тувинцев, южных алтайцев, казахов, кирги-

⁹² М. Ф. Г а в р и л о в. Остатки ясы и усуня у узбеков. Ташкент, 1929; В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. В сб.: Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, СПб., 1909; Л. П. П о т а п о в. Древний обычай, отражающий первобытнообщинный быт кочевников. Тюркологический сборник, т. I, Л., 1951.

30Б и т. д. Хотя кумандинцы получили телегу от русских крестьян, но называют они ее своим термином *абра*, распростра-в-еинным в Средней Азии, означающим двухколесную арбу и, конечно, чуждым пешим охотникам горной тайги. Умение кумандинцев делать войлок также нельзя причислить к охотничьей древней культуре. Мы могли бы в рассматриваемой связи назвать еще ряд различных элементов культуры и быта верхних кумандинцев, в частности и такой характерный признак, как терминологию родства (кровного и по браку), аналогичную соседним тюркоязычным скотоводческим народностям, но и, приведенного материала достаточно, чтобы констатировать данные, свидетельствующие в пользу участия в этнической истории кумандинцев некоторых этнических компонентов, связанных с древней скотоводческой культурой и бытом кочевников, в частности телеутов.

Таким образом, современные кумандинцы, несмотря на их малочисленность, несомненно смешанного этнического происхождения, что становится очевидным в результате историко-этнографического изучения их по отдельным сеокам. В последующих главах мы будем иметь возможность попытаться определить некоторые из древних этнических элементов кумандинцев на основе отдельных исторических письменных источников. Здесь же, опираясь на этнографический материал, мы вправе сделать заключение, что далекие исторические предки кумандинцев были неоднородны как в этническом смысле, так и в отношении культуры и быта. Среди упомянутых предков, из которых на протяжении длительного исторического периода постепенно сформировались современные кумандинцы, были и пешие охотники горной тайги, с присущим им комплексом первобытного хозяйства, и группы /древних скотоводов кочевников, по тем или иным причинам оказавшихся в тайге и со временем изменивших свой хозяйственный и культурный облик.

Нам остается рассмотреть родовой состав и происхождение челканцев. Мы это сделаем с привлечением наших полевых этнографических материалов. Вероятно, результаты полевого изучения могут иметь значение и для этногенетического аспекта древне-тюркской генеалогической легенды, о которой говорилось выше при рассмотрении вопроса о происхождении кумандинцев в связи с гипотезой Н. А. Аристова.

Приступая к изложению, заметим вначале, что в этнографической литературе челканцы были выделены в особую группу также В. В. Радловым, посетившим их в 1861 г. В. Вербицкий в своем перечне «черневых татар» челканцев не выделял, но упомянул Шелкальскую волость в числе волостей «кочевых инородцев Кузнецкого округа».

В. Радлов первый сообщил, что челканцы почти не отличаются по языку от кумандинцев и называют себя обобщенно *куу-кижи*, т-е. «люда р. Лебеди», по месту жительства в бассейне Лебеди.

Они делятся, по записи Радлова, на два сеока: Якшы и Чалган⁹³ В материалах переписи 1897 г. волость челканцев названа Чел-кандинской.

Нам тоже удалось (в середине 30-х годов) побывать у челканцев, уточнить их расселение, состав сеоков и провести этнографическое изучение. Выяснилось, что челканцы действительно разделяются на два сеока, но именуются по-челкански эти сеоки Чалканыг и Шакшылыг (или Шакшы). Сеоки были экзогамными. Внутри каждого из них браки не допускались. Но, кроме того, оба челканских сеока соблюдали экзогамные запреты по отношению к целым сеокам соседних народностей, например к тубаларскому сеоку Кузен и к чулышманским телесам.

Пытаясь выяснить происхождение челканцев по каждому их сеоку в отдельности, мы обнаружили ряд интересных исторических преданий, проливающих свет на интересующий нас вопрос. В одном из них, датируемом самими челканцами «ойратским временем» (*ойрот-хан тужсында*), т. е. временем господства ойратских (джунгарских) ханов, еще до включения челканцев в состав русского государства (первые десятилетия XVII в.), говорится следующее. Ойрот-хан собирал *алман* (дань) по р. Иртышу, затем вышел в верховья Катуня. Он спустился оттуда к устью река и затем стал подыматься уже вверх по Бие. Узнав о его приближении, челканцы в знак покорности вывесили на шесте шкурку соболя, укрепив шест на берегу Лебеди, при впадении в Бито. Ойрот-хан, заметив шкурку, взял ее и стал громко звать челканцев, которые находились в укрытии. Когда челканцы появились, Ойрот-хан обещал их не трогать, но предупредил, что с этого времени они должны платить ему *алман* пушниной и железом. Из предания следует, что челканцы жили по р. Лебеди (вплоть до ее устья) еще до прихода сюда кумандинцев и были обложены алманом джунгарами до появления здесь русских. Все это согласуется и с русскими историческими документами, в одном из которых сказано: «А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми кузнецкими людьми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом и всяким деланым».⁹⁴

В старинном предании о сеоке Шакшылыг говорится о проживании его предков около Телецкого озера. Население сеока составляло тогда всего *кырк тунук*, т. е. «40 дымов» (40 юрт).⁹⁵ Живущие здесь шакшылыги стали воровать лошадей у енисейских кыргызов (в предании «кара-кыргызов»), обитавших в бассейне р. Абакана. Кыргызы неоднократно наказывали шакшалыгов и, наконец, полностью их разгромили и почти всех уничтожили.

⁹³ W. R a d l o f f. Aus Sibirien, Bd. I, стр. 212.

⁹⁴ Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879, стр. 193.

⁹⁵ Возможно, судя по цифре «дымов», это было небольшое административно-военное подразделение, наподобие дгочины у западных мяогол.

Однако ^{во} время такого истребительного набега один из парней сеока Шакшылыг находился в верховьях р. Лебеди, где сватал себе невесту. Таким образом он спасся от гибели, и от него-то будто бы и пошли потомки сеока Шакшылыг, которые поселились по р. Кылык (левый приток Байгола). Тогда же у себя на месте спасся и Другой парень, спрятавшись под доской. От него тоже пошло потомство шакшылыгов, расселившихся по р. Садре (левый приток Лебеди). Предание хорошо датируется XVII в., так как известно, что енисейские кыргызы покинули бассейн Енисея уже в 1703 г., когда они были насильственно переселены в Джунгарию.⁹⁶ Между прочим, современные челканцы рода Шакшылыг объясняли нам свою малочисленность именно тем, что им в свое время часто приходилось страдать от набегов кыргызов. Набеги енисейских кыргызов на северных алтайцев зафиксированы многими русскими письменными источниками XVII в. Кыргызы, как свидетельствуют источники, не ограничивались грабежом и разорением населения, но и уводили его в плен, где заставляли на себя работать. Такой участи в свое время подверглись, видимо, и челканцы, как свидетельствуют собранные нами полевые этнографические материалы. Из разговоров со стариками мы узнали, например, что сравнительно недавно, уже после Великой Октябрьской революции, когда у челканцев еще были шаманы, существовал обряд проводов душ умерших. После похорон старого человека (особенно уважаемого и авторитетного) по прошествии пяти или шести лет, говорил нам старик Такан Пустагачев, душа умершего начинала беспокоить шамана, являться к нему по ночам с требованием отправить ее «в землю кыргызов», в местность Уйту-Таш, откуда, по преданию, челканцы будто бы пришли на р. Лебедь. В таких случаях шаман совершал обряд проводов душ умерших людей (*кут*) в кыргызскую землю, в местность Уйту-Таш. Он устраивал специальное камлание, считавшееся у челканских шаманов весьма трудным и «ответственным», так как душу нужно было сопровождать в утомительно далекий и опасный путь. По объяснению Такана Пустагачева, при проводах таких душ в землю кыргызов не только нужно было оберегать их в пути, но еще следить за тем, чтобы к этому «путешествию» не присоединились души живущих людей, разгуливающих, например, во время сна человека и т. д. Поэтому некоторые шаманы, совершая обряд с бубном, держали при себе во время камлания еще топор, как орудие защиты. В изложенных шаманских представлениях следует видеть отражение реальных фактов из истории челканцев, а именно факта проживания челканцев в период господства енисейских кыргызов в Минусинской котловине. Мы знаем, насколько консервативен погребальный обряд и как

⁹⁶ Д. Н. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности, стр. 161—168.

долго он может сохранять свои черты, порожденные в свое время совершенно конкретными условиями. В описанном шаманском обряде нужно видеть далекое воспоминание о родовых кладбищах челканцев в местности Уйту-Таш, на которых они хоронили своих умерших, живя в кыргызской земле, и куда стремились к сородичам души умерших. Мы пока еще не можем предложить локализацию местности Уйту-Таш на современной карте, хотя со временем надеемся это сделать. По всей вероятности, она находилась в бассейне Абакана, так как ближайший и единственно прямой путь в Минусинскую котловину, где жили и господствовали енисейские кыргызы, из районов Телецкого озера, т. е. из районов обитания телесов (предков шакшылыгов), лежал через верховья Абакана.

Изложенные выше предания и этнографические факты навели нас на мысль о различном происхождении сеоков современных челканцев. Дальнейшее изучение этого вопроса не только позволило нам утвердиться в своем предположении, но выяснить конкретно этническое происхождение каждого из челканских сеоков. Особенно ясно это стало в отношении сеока Шакшылыг. Он несомненно телесского происхождения, по существу — это обособившаяся в свое время группа телесов XVII в. Кстати сказать, вероятно, поэтому у них не было и своего «родового» паштыка, а они были приписаны к паштыку сеока Чалканыг, возглавлявшему Челканскую волость.

Свидетельством телесского происхождения шакшылыгов может служить серия этнографических фактов. Начнем с того, что сеок Шакшылыг считал себя в кровном родстве с сеоком Телес, вообще с телесами, в такой степени, что между представителями сеока Шакшылыг и представителями сеока Телес запрещались браки. Лица, принадлежавшие к сеоку Шакшылыг, могли вступать в браки с представителями сеока Чалканыг, хотя оба сеока входили в одну волость, жили смешанно и общей жизнью, но считалось что в кровном родстве они не состояли. В отношении сеока Телес браки были невозможны (*алышпас*). Сеок Шакшылыг называл чулышманских телесов, обитавших от них на очень большом расстоянии (за Телецким озером) братьями — *карындаш* (букв. «единоутробными»), сородичами. Осознание кровнородственной связи между столь удаленными в настоящее время друг от друга группами челканцев-шакшылыгов и телесов является весьма серьезным аргументом в пользу того вытекающего из различного конкретного материала вывода, что челканцы сеока Шакшылыг — телесы по происхождению. Они оказались в результате каких-то причин (возможно, тех самых военных набегов кыргызов, о которых говорится в их преданиях) в бассейне Лебеди, точнее, ее притока Байгола. Название Шакшылыг эта группа получила, как нам передавали, от р. Шакшы (левый приток Байгола), где жили вначале представители данного сеока. Название тех или иных

.территориальных или родовых групп от имени реки на Алтае — редкость. Напомним чуйцев (*чу-кижи*) у теленгитов на р. Чуе, ^аймаларов по р. Майме (правый приток Катунь), состоявших из различных сеоков, наконец самих челканцев, которые, по свидетельству В. Радлова, именовали себя лебединцами по месту жительства на р. Лебеди. О том, что шакшылыгы были в бассейне Байгола не аборигенами, а пришельцами, свидетельствует косвенно еще такой факт. Как рассказывали нам сами челканцы, у сеока Шакшылыг в бассейне Лебеди было мало «своей тайги» для промысла. Поэтому они бродили в поисках зверя где попало, например, в окрестностях Телецкого озера (тайги Минер, Торорд). По этому поводу сеок Чалканыг подсмеивался над шакшылыгами, сочинив про них поговорку:

Йер йок теекен — Не имея земли (бродят), как росوماхи;

Тургун йок ак киик — Не имея постоянного места (бродят), как олени.

Шакшылыгы появились в теперешних местах, конечно, позднее, когда уже промысловые тайги здесь были заняты и освоены их предшественниками. Правда, и у шакшылыгов была «своя тайга» для промысла, но в верховьях Абакана (по р. Каиру). Однако ходить на промысел туда было из бассейна Лебеди очень далеко, да и на эту территорию для промысла часто заходили тувинцы, с которыми иногда приходилось вступать в конфликты. Очевидно, промысловые территории шакшылыгов в верховьях Абакана были родовыми их угодьями в те времена, когда они жили в составе телесов по южную сторону Телецкого озера. Уместно указать еще и на то, что немногочисленные «родовые тайги» или горы (*тдсь таг*) шакшылыгов находились все-таки в окрестностях Телецкого озера, среди которых можно, например, указать гору Торот. Что касается тех священных гор шакшылыгов, от которых считалась зависящей и судьба их шаманов, то это были: Уч-Сююри (в верховьях Байгола), почитавшаяся также сеоком Чалканыг, и гора Солу, близ Турочака, которую считали своей охотничьей территорией верхние кумандинцы и тубалары сеока Кузен. Следовательно, в районе современного обитания шакшылыгы не имели ни своих родовых священных гор, ни промысловых территорий.

В связи со сказанным, возможно, получает объяснение и следующая поговорка, принадлежащая челканцам (чалканыг), кото-Рая адресована шакшалыгам: «Вы попали к нам в плен».⁹⁷ Этими словами в ней подчеркивается, видимо, то, что шакшалыг здесь чуждый элемент.

Поскольку челканцы сеока Шакшылыг являются потомками, прителецких телесов XVII в., то мы должны встретить в их куль-^тУре и быте такие черты, которые характерны и для телесов. Последние, как известно, принадлежали к скотоводческой группе

⁹⁷ Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 939. .!; < «•,;>

племен и народностей Саяно-Алтайского нагорья, культура и быт которых сложились на основе занятия пастбищным скотоводством в соединении с охотой и примитивным земледелием. Уловить следы этой культуры у челканцев Шакшылыг было бы необходимо для подкрепления нашей гипотезы о телеском происхождении шакшылыгов. Обратимся к некоторым фактам. В недавнее время челканцы, как и другие северные алтайцы-таежники, носили составную обувь, у которой головка шилась из кожи, а голенище из грубого самодельного холста. Для северных охотничьих племен Алтая такая составная обувь была характерным этнографическим признаком. Но вот у челканцев, в частности у шакшылыгов, мы обнаружили воспоминания о том, что в старину у них обувь была другая, совершенно не похожая на составную. Ее шили целиком из выделанной кожи и на толстой войлочной подошве, с двойным швом на голенище, с небольшим каблучком, с нашивным (снаружи) задником и с острым загибающимся носком. На заднике, выше пятки, пришивалась кожаная пуговица, за которую пристегивали ремень лыжи. Таким образом, эта обувь имела приспособление и для ходьбы на лыжах. Старики-шакшылыги, рассказавшие о своей старинной обуви, нарисовали для нас такой сапог и назвали его каждую деталь: задник (*чочак*), каблук (*тактыг*), носок (*еки-баш*), шов (*ыстык*), голенище (*коч*) и т. д. Конечно, описанную обувь никак нельзя признать типичной для пеших охотников. Напротив, она характерна для скотоводства и приспособлена именно к верховой езде. Такую обувь мы и встречаем у южных алтайцев, тувинцев, монголов, что вполне естественно, так как перечисленные народности — типичные наездники. Кстати сказать, в отличие от других пеших охотничьих народов Саяно-Алтайского нагорья, тех же шорцев, части кумандинцев, тубаларов и т. п. челканцы не имели ручной нарты для перевозки грузов во время зимнего промысла и охотничью ношу (*тюк*) свою несли за плечами. Может быть, здесь кроется указание на относительно недавнее превращение бывших кочевников-скотоводов в пеших охотников.

Приведем примеры другого порядка, в частности из свадебных обычаев. У челканцев-шакшылыгов при свадьбе было принято сооружать для жениха и невесты временное жилище — шалаш, которое называлось *сеольти*, т. е. так же, как у телесов Улаган-ского района и нигде больше в другом месте Алтая. Этот факт весьма примечателен. Кстати сказать, при свадьбе челканцы платили за невесту калым, состоящий из различных продуктов тайги, но исчисляемый в единицах *подо*, что означает единицу счета домашнего скота, бытовавшую у монголов. Стало быть, и это тоже какой-то далекий отголосок скотоводческого быта из среды племен Саяно-Алтайского нагорья.

Более всего, пожалуй, следов скотоводческого быта у шакшылыгов осталось в шаманстве. В этом отношении следует сказать о следующем факте. Шаманский бубен у челканцев (*ту'ур*),

время шаманского камлания называется *ак-адан*. Термин *ак-адан* представляет большой интерес, как это частично было показано на материале кумандинцев. Дело в том, как об этом было упомянуто выше, что у многих сибирских народностей, в частности в Саяно-Алтайском нагорье, бубен во время камлания символизирует верховое ездовое животное, необходимое шаману для его путешествий в заоблачный или подземный мир. Иногда бубен символизирует лошадь, как например у тувинцев⁹⁸ или якутов. У ДРУГИХ групп тувинцев бубен — «конь-марал», т. е. «верховой марал», у тофаларов (карагаоов) — ездовой изюбрь, у хакасов либо лошадь, либо марал, и т. д. Но у челканцев, которые, как и все северные алтайцы, хотя и обтягивали шаманский бубен только кожей самца косули или марала и «оживляя» новый бубен, символизировали оживление самца косули или марала, шкурой которого был обтянут бубен,⁹⁹ все-таки во время камлания словно забывали об этом и называли бубен (как и кумандинцы) *ак-адан*. Термин *ак-адан* говорит, стало быть, о том, что челканские шаманы осмыслили свой бубен как ездового верблюда (обязательно холощеного), ибо слово *адан* во многих тюркских языках (в том числе тувинском, киргизском, казахском) означает именно верхового верблюда. Почитание верблюда, особенно белого, приношение его в жертву и т. д. было известно в прошлом кочевникам-скотоводам, разводившим и верблюдов.¹⁰⁰ Следовательно, нет ничего удивительного в том, что шаманский бубен может символизировать во время шаманского действия ездового верблюда. Удивительно другое: каким образом у шаманов горнотаежного охотничьего племени возникло такое представление о бубне? Ответ может быть, вероятно, только один. В подобном представлении о шаманском бубне отражено яркое свидетельство кочевого скотоводческого образа жизни каких-то предков челканцев, которые несомненно были знакомы с верблюдоводством. Таковыми могли быть прежде всего тедесы — эти древние кочевники-скотоводы, знавшие верблюдоводство как в древности, так и в недавнее время, которые в свою очередь связаны этногенетическим и историко-культурным родством с теленгитами и телеутами. А у телесов (и у телеутов) шаманы называли бубен (также только во время камлания) *ак-адан*.¹⁰¹ В записях шаманских тек-

⁹⁸ Л. П. Потапов. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика. Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (сокр. Тр. ТКЭАН), т. II, М.—Л., 1966, стр. 51.

⁹⁹ См. нашу работу «Обряд оживления шаманского бубна у тюрко-язычных племен Алтая».

¹⁰⁰ Относительно казахов об этом см.: Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 153—154.

¹⁰¹ У телеутов шаман, обращаясь к бубну, говорил *алты бркбшту ак-адан*, т. е. «с шестью горбами священный верблюд». Слово *оркдиш* значит горб верблюда, так как на бубне было на обечайке (под кожей) шесть шишек — *дркош* (т. е. горбов).

стов А. В. Анохина опубликовано обращение к бубну шамана Капшагая из сеока Телес, в котором бубен назван *ак-адан*.¹⁰* К сожалению, здесь в русском переводе слово *ак-адан* — «белый отец». Еще яснее неправильность перевода выступает в следующем тексте, который произносил шаман, обращаясь к своим духам-помощникам, приглашая их встать в бубен:

*Ак мацакка орол-А к кузупе толгол -Ак кулерге ацдан ■ Ак адана току на-Ач киришке
ацдан-Ач коуура екчель -*

■Обвейся на белый мащак;¹⁰³

■Накрутись на белые колокольцы;

•Накатись на белую бронзу;

•Остановись у Белого отца;

-Накатись на голодную тетиву;

-Пристань на голодное конгура.

Фраза *Ак адана токуна* — переведена «Остановись у Белого отца», а следовало бы: «Остановись у священного верблюда» (т. е. у бубна). Сомнения в том, что здесь *ак-адан* — бубен, не может быть еще и потому, что как предшествующие, так и последующие фразы упомянутого обращения говорят именно об отдельных частях шаманского бубна: о колокольцах, о тетиве (так называется железная поперечина, вставленная в рукоятку бубна), о конгурах (железных подвесках, подвешенных к поперечине бубна) и т. п.

Если речь зашла о шаманском бубне челканцев, то нельзя не упомянуть еще об одном факте. «Природный» челканский бубен сходен с тубаларским и кумандинским по форме деревянной рукоятки (двухголовая антропоморфная рукоятка). Но в тех случаях, когда шаман получал его не от родовой горы, а от неба (*тенгри*), то этот тип бубна был таким же по внешнему виду, как и у южных алтайцев, да и назывался он не *очын* (как полученный от горы), а *тезим*, т. е. тем же термином, что бубен у южных алтайцев, телесов и теленгитов. Наличие у челканцев, кроме обычного, бубна *тезим* также весьма показательно в свете приведенных фактов.

Затем обратим внимание на почитание челканцами-шакшалы-гами локровителя охотников Кан-Сарая, изображение которого в виде деревянного идола, «хромого» (одна нога укорочена) делали в каждой семье. Почитание духа покровителя охотников под этим же самым названием было характерно и для телесов и теленгитов, на что мы в свое время уже обращали внимание.¹⁰⁴ Правда, наряду с Кан-Сараем челканские охотники, как и туба-лары и кумандинцы, почитали еще более популярного в северном Алтае покровителя охотников — Каньша. Деревянное изображе-

¹⁰² А. В. А н о х и н. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924, стр. 133.

¹⁰³ *Мащак* — шаманский плащ.

¹⁰⁴ Л. П. Потапов. Охотничьи образы и поверья у алтайских тюрков. В сб.: Культура и письменность Востока, кн. V, Баку, 1929.

«ие его было двухголовым, с антиподадыгым размещением голов л в таком виде входило даже в шаманский бубен, в качестве его рукоятки.¹⁰⁵ Однако у челканцев было два духа покровителя: Обн Званным и Темир куяктыг Каным, причем местообитанием обоих считалось Телецкое озеро, т. е. район обитания телесов. Заслуживает внимания, что один из персонажей челканских канымов — Темир куяктыг Каным — одет, как это следует из самого названия, «в железную кольчугу». Образ духа-покровителя в кольчуге едва ли можно считать созданием фантазии пеших горных охотников. В этой связи может быть интересна и такая деталь. Как говорили челканцы, до появления ружья у них были широко распространены лук и стрелы. Стрелы носили в берестяном колчане, название которого сохранилось в памяти стариков до сих пор. Колчан называли *каптыра*, т. е. термином, связывающим челканцев со средневековыми кыпчаками, о которых говорится в сообщении В. Рубрука. Последние называли *каптаргык* мешочки для различной мелочи, прикрепленные к поясу. А у южных алтайцев так называлась кожаная сумка (*каптарга*), которую надевали на себя охотники, где хранили и ружейные припасы.

Рассмотренный этнографический материал показывает, что небольшая группа северных алтайцев, которую после В. Радлова стало принято выделять под названием челканцев, тоже не может считаться однородной. Несмотря на то, что в нее входили всего два сеока, она была смешанной по происхождению, как и все остальные группы северных (да и южных) алтайцев. Если для сеока Шакшы, или Шакшылыг (у Радлова он значится под названием Якшы), устанавливается его телесское происхождение, то в отношении сеока Чалканыг дать точное определение трудно. Те данные, которыми мы располагаем, сводятся к следующему. Во-первых, наличие предания, как и у тубаларов, о происхождении сеока Чалканыг и тубаларского сеока Кузен от двух родных братьев, поселившихся в разных местах. Во-вторых, признание кровного родства между сеоками Чалканыг и Кузен, которое выражалось в запрете браков между обоими сеоками, в то время как браки между сеоками Чалканыг и Шакшалыг практиковались. Челканцы и кузенцы называли друг друга «единоутробными» (*карындаш*).

По русским письменным источникам названия обоих сеоков, Чалканыг и Кузен, появляются как названия ясачных волостей в 20-х годах XVII в. Были ли в то время они наименованиями ясачных волостей по имени сеока или, как это нередко случалось, судя по изложенному выше преданию, по имени лиц, возглавлявших сеок (или большую патриархальную семью), неизвестно.

¹⁰⁵ L. P o t a r o v. Die Schamanentrommel bei den altaischen Volker-schaften.

Однако несомненно,¹ что брачные запреты между челканцамц и кузенцами должны рассматриваться как надежное свидетельство их кровного родства.

Изложенный материал по существу исчерпывает все, что можно сказать по вопросу о происхождении сеока Чалканыг (или Чалканду, по Радлову). Этнографические данные о челканцах-чалканыгах характеризуют их как аборигенов своих мест, сохранявших на протяжении ряда столетий тесные культурные связи, главным образом с тубаларами, с соседними (кондомскими) шорцами и также различными сеоками или территориальными группами, обитавшими в верховьях Чумыша и еще севернее, в частности по правобережью Томи в районе западных и северных отрогов Кузнецкого Алатау.

Изучение этнического состава современных северных алтайцев обязывает по крайней мере к одному существенному выводу. Несмотря на свою малочисленность, как становится очевидным из предшествующего изложения, все без исключения охарактеризованные выше группы северных алтайцев смешанного происхождения, причем весьма сложного в этническом отношении, сложного настолько, что почти каждая из них включает в себя собственное сочетание различных этнических компонентов. Несмотря на то, что все упомянутые группы северных алтайцев вполне консолидировались в отношении языка, культуры, быта и территории, они еще не утратили следов, свидетельствующих об их сложном этногенезе. Любопытно, что консолидация их из различных по языку и происхождению древних этнических элементов, к уточнению которых мы еще вернемся в заключительной главе, протекала по модели, характерной для древнего первобытно-родового общества. В самом деле, ведь кумандинцы, челканцы и тубалары делились на кровнородственные сеоки-роды, экзогамные и патрилинейные, обладающие своей родовой территорией, имеющие родовые культы и т. п., хотя в древних генерациях их предки были различными.¹⁰⁶ Из этого следует, что на примере северных алтайцев можно охарактеризовать совершенно новый для науки неизвестный еще нам и, конечно, не изученный до сего времени тип этнической консолидации, возрождающий модель первобытного общества. Едва ли нужно доказывать необходимость исследования этого вопроса и, разумеется, не только на материале алтайцев. Мы уверены, что с нами согласится каждый этнограф-сибиревед, что обнаруженный нами особый тип этнической консолидации имеет практическое научно-исследовательское значение для многих народностей Сибири.

Несколько слов в заключение главы о методической стороне нашего исследования. Изложенный выше материал и некоторые наши заключения по нему приводят нас к убеждению не только

¹⁰⁶ То же самое можно сказать и в отношении шорцев.

о целесообразности, но просто о необходимости изучения этнического состава, происхождения и этнической истории алтайцев поотдельным сеокам-родам в той степени, в какой это представляется возможным в наше время, когда так быстро исчезают древние элементы культуры и быта и забываются родо-племенные подразделения алтайцев. Это методическое пожелание нужно распространить и на современное антропологическое исследование. К этому в свое время справедливо призывал Е. Луценко, побывавший у теленгитов.¹⁰⁷ К такой же мысли пришел и наш известный советский антрополог, ныне покойный А. И. Ярхо, который не только придерживался такого взгляда теоретически, но уже в значительной мере отразил это и практически в своей книге, посвященной антропологии населения Саяно-Алтайского нагорья.¹⁰⁸ ■ . ,

¹⁰⁷Е. Луценко. Поездка к алтайским **теяеигитам**. **Живая старина**, т- VI, 1896, в. III—IV.

¹⁰⁸А. И. Ярхо. **Алтае-саянские тюрки**.

БЛИЖАЙШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДКИ АЛТАЙЦЕВ

Для выяснения вопроса о происхождении этнического состава современных алтайцев, охарактеризованного выше преимущественно на основании материалов переписи 1897 г. и ряда этнографических исследований, необходимо привлечь материалы для определения ближайших исторических предков как южных, так и северных алтайцев. Выполнение такой задачи практически возможно, ибо фактические данные содержатся в русских письменных источниках XVII и XVIII вв., которые позволяют представить в общих чертах картину этнического состава Южной Сибири и его изменения в указанный период. Мы попытаемся проследить по письменным источникам не только названия основных родо-племенных или этнических групп, но по возможности их расселение и передвижения, генетическую преемственность с этническим составом современных южных или северных алтайцев и т. д.

Этнический состав населения Южной Сибири в рассматриваемый период был стабильным только в самых общих чертах. Под влиянием различных конкретных, преимущественно политических причин он нередко подвергался изменениям. Процессы дробления и смешения различных групп населения, изменения в их политическом положении, административном устройстве и этнической номенклатуре порой существенно влияли на общий облик этнического состава. Отсюда и вытекает необходимость рассматривать исследуемый нами вопрос на фоне той сложной политической обстановки, которая сложилась здесь в конце XVI и первых десятилетиях XVII в. в связи с такими выдающимися историческими событиями, как падение Сибирского ханства, включение территории Сибири в состав Русского государства, возникновение Джунгарского ханства. Само собой разумеется, что мы не собираемся здесь исследовать или подробно характеризовать перечисленные события. Некоторые из них, как например процесс освоения Южной Сибири Русским государством, освещались нами неоднократно при изучении истории шорцев, алтайцев, хакасов.¹

¹ См. наши книги: Очерки по истории Шории, Л., 1936; Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948 (второе издание — М.—Л., 1953); Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVI—XIX вв.). Абакан, 1952; Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.

Истории Джунгарского ханства посвящена специальная работа.² Исключением в смысле изученности и публикации является, пожалуй, вопрос о Сибирском ханстве. Но краткие сведения о нем все же имеются в исторической научной литературе. Их можно считать достаточными для задачи, поставленной в настоящей главе.

Как известно, Сибирское ханство появилось в результате постепенного распада Золотой орды или Улуса Джучия. В процессе феодального дробления в конце XIII и начале XIV в. Золотая орда распалась на две части, из которых восточная, включающая полосу степей от Волги до Западной Сибири, получила название Белой орды. Феодальные распри и усобицы привели постепенно к распаду и Белую орду, в результате которого в первой половине XV в. на ее территории происходит обособление отдельных крупных феодальных улусов: Ногайского, во главе с ханом Эди-геем, Шейбанидского, возглавляемого потомками Шейбани-хана (из династии чингизидов) и Сибирского, управлявшегося вначале представителями местной улусной татарской знати «Тайбугина рода», а с 60-х годов XVI в. — ханом Кучумом (шейбанидом, пришельцем от кочевых узбеков). Население Алтая, особенно западного, было обычно в подчинении различных феодальных владельцев тех или иных улусов, возникавших в процессе феодального дробления Белой орды. Административно-политические центры, из которых осуществлялось господство над населением Алтая и прилегающими к нему степями междуречья Оби и Иртыша, находились преимущественно на Иртыше. Правда, так называемое Тюменское ханство, существовавшее до начала XVI в., имело центр на берегу р. Туры, где ныне расположен г. Тюмень. Племена Алтая находились в контакте с тюркоязычными, главным образом кыпчакскими, кочевыми племенами Шейбанидского и Сибирского улусов. Некоторые из племен этих улусов вошли постепенно в состав казахов и так называемых «кочевых узбеков», киргизов, алтайцев и даже в состав предков современных хакасов.

Сибирский улус, или Сибирское ханство, располагалось в основном в междуречье Тобола и Иртыша. С востока его защищал хорошо укрепленный пункт Куллар, построенный против устья Ишима, на р. Иртыше. На юго-востоке границы проходили в Ба-рабинской степи. На западе укрепленным пунктом был Тархан-ский городок на р. Тобол. Алтайские племена, особенно западного и северо-западного Алтая, поддерживали связь с кочевниками Сибирского улуса через Прииртышские и Приобские степи.

После известного военного поражения в 1591 г. хан Кучум бежал в верховья рр. Ишима, Оши и Камышлова, где его владе-

——И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М, 6 Л. П. Потапов 8!

ния граничили с кочевьями ойратов-калмыков. Там он был еще раз разбит, уже окончательно, и бежал в верховья Иртыша к ойратам, где пытался захватить лошадей, но был прогнан в Ногайскую степь.

Основное население Сибирского ханства составляли тюрко-язычные племена, которые в русских письменных источниках именуется обобщенно татарами. Многие из них были родственны в какой-то части с казахами и кочевыми узбеками и, видимо, с ногайцами.

В политической зависимости от хана Кучума находились и платили дань различные племена и роды, не только населявшие ханство, но и обитавшие на некоторых смежных территориях. На юго-востоке это были тюркоязычные «барабинские татары», поименованные так в русских исторических источниках обобщенно по названию Барабинской степи. Судя по сообщению Д. Меесершмидта, переданного со слов одного барабинского татарина, с которым путешественник беседовал в 1721 г., некоторые барабинцы вели свое происхождение от проживавших здесь ранее остяков (истяки), воспринявших затем тюркский язык и название «барабинские татары».³

Затем нужно назвать джагатов (чагаты) или в обычной русской передаче того времени чатов (чаще же «чатские татары»), зависимость которых от Сибирского ханства носила, видимо, формальный характер. У них была своя феодальная верхушка, взимавшая с рядовых местных кочевников различные поборы и облагавшая их повинностями. Джагаты, или чагаты, вероятно, представляли собой часть тюркоязычных племен, родственных телеутам (теленгутам). По свидетельству Г. Миллера, чатские татары после изгнания Кучума жили некоторое время в верховьях Оби (т. е. в предгорьях Алтая, где будто бы им и дано было имя *чатъ*, которое, если исходить из народной этимологии, означало в переводе на русский язык слово «мыс»). Это название они получили будто бы потому, что их главный улус находился когда-то на мысе.⁴ Д. Мессершмидт, интересовавшийся этим вопросом задолго до Миллера, сообщает, что когда он был в 1721 г. в селении Уур-Карагай на правом берегу Оби, то выяснил: «Здесь татары принадлежат к чатским племенам . . . происхождение их относится ко времени хана Кучума... Откуда у них получилось название *чатские татары* — это они не могли объяснить».⁵ В подавляющем большинстве русских исторических документов чагаты именуется действительно как *чаты*, но часто и *чатские татары*. Если отбросить чисто русское наименование *чатские та-*

³ D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen 1721—1722. Berlin, 1962, стр. 68.

⁴ Г. Миллер. История Сибири, т. I. Л., 1937, стр. 314. ⁵ D. G. Messerschmidt, ук. соч., стр. 77.

тары и не пытаться искать этимологию этнонима, то название *чат* вполне можно понять как стяженную форму от *чагат* — *чаат* II *чат*. Как известно, для тюркских языков такое выпадение согласного *г* в интервокальном положении явление широко распространенное. В то же время нужно иметь в виду, что полная форма этнонима *чагат*, как мы видели, сохранилась в горах Алтая у ту-баларов (еще раньше у телесов) в названии сеока Чагат (*Чыгат*). Встречается он, кстати сказать, и в отдельных русских исторических документах XVII в. в форме *Джагат*.⁶ Отсюда следует вывод, что алтайские *чагаты*, которые, согласно преданию, жили сначала среди телесов Телецкого озера, а затем переселились в места обитания тубаларов, являются потомками *джагатов*, или *чагатов* (*чыга,тов*), имя которых зафиксировано русскими историческими документами конца XVI в. в Приобье.

Чтобы закончить рассмотрение этнонима *чагат* для XVI— XVII вв., мы имеем возможность привлечь ценный документальный исторический материал. Речь идет о знаменитой исторической хронике Санан Сэцэна, в которой рассказывается о разделении племен в Ордосе между 9 сыновьями монгольского князя Гюн-Биликту Мерген Джиунга, ведшего свое происхождение от Чин-гис-хана (в 17-м поколении) и умершего в 1550 г. Седьмому сыну его, по имени Бадме Самбхаве, при разделе достались племена, в числе которых упомянуты чагаты и мингаты, входившие в левое крыло ордосских монголов.⁷ Таким образом, документально известно, что в середине XVI в. чагаты находились в Ордосе, по южную сторону Гоби. Они попали туда, как и теленгиты, мингаты и др., вместе с северными монголами и ойратами из Хан-гайско-Алтайского нагорья, видимо, еще до 1635 г., т. е. до подчинения ордосских монголов маньчжурской династии Китая. Следовательно, тюркоязычные племена с названием *чагат* в XVI в. были распространены на большой территории, преимущественно в Саяно-Алтайском нагорье и севернее, в бассейне верхнего течения Оби, достигая на юге Ордоса. При этом в монгольских исторических сочинениях они выступают как *чагат*, а в русских исторических документах, как мы полагаем, под сокращенным вариантом этого этнонима, именно — в форме *чаат-чат*. У чатов были укрепленные городки, главный из которых, называвшийся Чатский городок, находился на левом берегу Оби на большой дороге между городами Томском и Тарой.⁸ Некоторые из чатов кочевали в низовьях р. Чик (левый приток Оби в окрестностях современного Новосибирска).⁹ Не исключено, что в основе этнонима *чагат*, который произносится так же, как *чыгат*, лежит,

⁶ Г. Миллер, ук. соч., стр. 507.

⁷ Antoine Mostaert. *Ordosica*. Bull. of the Catholic University of Peking, 1934, № 9, стр. 28—29.

⁸ Г. Миллер. История Сибири, т. II. Л., 1941, стр. 91.

⁹ Там же, стр. 476.

еще более древнее название *чип* (плюс суффикс множественного числа монгольского языка). В таком случае мы могли бы считать что чагаты-чигаты XVI в. были в свою очередь потомками древних чинов, известных по древнетюркским надписям, живших в VIII в. в Туве по Енисею, позднее вытесненных оттуда уйгурами и другими племенами. О том, что этноним *чагат-чигат* связан с этнонимом *чик*, можно предполагать еще и потому, что одна из речек, впадающих слева в Обь, по которой жили *чатские татары*, получила название Чик, сохранившееся до наших дней.

Для наших целей представляет определенный интерес и то, что одна из волостей Сибирского ханства, расположенная по Иртышу выше устья р. Ишима, носила название Токуз. Хотя в этой волости, когда она после падения Сибирского ханства вошла в Тобольский уезд, было всего три человека, но едва ли можно сомневаться в том, что эти люди принадлежали к группе (возможно роду) Токуз, потомки которого до настоящего времени проживают среди северных алтайцев-тубаларов. Нам, конечно, трудно сказать, являлись ли эти три человека, зарегистрированные как особая волость, частью сеока Токус, обитавшего и тогда на Алтае (по крайней мере (в первых десятилетиях XVII в.) или, напротив, что вероятнее, сеок Токус — это остатки токусов, живших здесь при Кучуме, но переселившихся на Алтай после падения Сибирского ханства, вызвавшего перемещение массы кочевников.

Кроме чатов-чагатов (*джагатов*), следует отметить две значительные группы тюркоязычных кочевников, обитавших по Оби в районе Томска и южнее: зуштинских татар и телеутов. Первые под главенством своего князя Тояна в начале XVII в. жили при устье Томи и в окрестностях. Кочевья вторых начинались в 5 днях езды южнее Томска. Из исторических документов известно, что зуштинский князь Тоян после падения Сибирского ханства и окончательного разгрома Кучума поехал в Москву к русскому царю Борису Годунову с просьбой о принятии его со всеми его людьми в состав Русского государства. Он подал свою челобитную 25 марта 1604 г., в которой предлагал «в вотчине его в Томи поставить город» и указал, что с построением здесь города в состав Русского государства мог бы быть включен при его содействии ряд этнических групп, кочевавших неподалеку, в числе которых он, кроме чатских татар, назвал *телеутов (зеленгугов)*, *кыргызов (енисейских)* и др. Предложение князя Тояна было принято, и в конце сентября 1604 г. был построен Томск.

Зуштинских татар, по сообщению Тояна, насчитывалось до 300 человек, видимо, имелись в виду взрослые воины. Вероятно, в период Сибирского ханства князь Тоян был одним из ставленников хана Кучума для надзора и сбора ясака с кочевников, живших в этом районе. Он и теперь намеревался при помощи русского царя сохранить свое положение и влияние, выговорив для

себя и своих эуштинцев освобождение от ясака. Эуштинские татары в основном несли конную службу при воеводских властях Томска.

Телеуты, или теленгуты (самоназвание — *теленгит*), представляли собой в XVII в. наиболее многочисленных тюркоязычных кочевников, разбросанных на огромном пространстве преимущественно Западной и Южной Сибири от Томска и Барабинской степи на севере до Алтайских гор на юге. Более того, некоторые группы теленгутов-теленгитов обитали не только в Русском Горном Алтае (тау-телеуты), но и южнее, а именно в северо-восточной части Монгольского Алтая, затем на территории современной Тувы, а также в верховьях р. Иркута и в районе оз. Хубсугола (Косого ла).

Основная масса телеутов обитала к югу от Томска в приобских степях или лесостепях. Этим телеутов русские исторические документы XVII в. часто именуют *белыми калмыками*, в отличие от *черных калмыков*, или *джунгаров* (или *ойратов*), говоривших по-монгольски. Главным районом кочевий упомянутой обской группы телеутов были степи и лесостепи по Оби, как и по долинам впадающих в нее рек (Иня, Чумыш, Чарыш, Алей и др.). Телеутские кочевья начинались от р. Ини и поднимались выше (на юг), почти до начала этой великой реки, образующейся от слияния Бии и Катуня.

На запад их кочевья доходили до Иртыша, а на востоке простирались в междуречье Оби и Томи, включая не только степи и лесостепи вплоть до Кузнецка, но и горный район Салаирского кряжа.

Телеуты, о которых идет речь, распались на ряд мелких феодальных улусов, возглавлявшихся князьями с наследственной властью. Наиболее крупным из них в начале XVII в. был князь Абак, о котором упомянул в своей челобитной в Москву эуштинский князь Тоян. Он владел тысячью людей, что надо понимать как тысяча воинов. Кочевая ставка Абака (позднее его старшего сына и преемника) находилась по речке Мерет, впадающей в Обь справа, несколько выше р. Чумыша и ниже р. Тальменьки.

Власть Абака распространялась частично и на население северного Алтая, и некоторые районы Кузнецкого Алатау, например, по р. Кондоме. Он считал это население своими данниками-киштымами, которых и облагал различными натуральными поборами (железными изделиями, пушниной, ячменем и т. д.).

Наряду с Абаком русские исторические документы называют и других, более мелких телеутских князей. Таков, например, князь Когутей,¹⁰ который, как видно из русских ясачных книг XVII я., владел улусом, названным его именем, и платил ясак по

— В эпосе алтайцев-телеутов Когутей фигурирует как герой одноименного героического сказания.

крайней мере с 1629 г. Когутеев улус числился в Итеберской волости. В названии последней нельзя не узнать сеок Чедибер, кото-рай в наше время принято считать шорским только на том основании, что сеок этот обитал в течение более чем столетия среди шорцев, где составлял особую (Етиберскую) волость в районе р. Кондомы. Кстати сказать, еще на карте С. Ремезова етиберцы (*чедибер*) показаны на правой стороне Томи, против устья Уската (приток р. Томь), в районе так называемых ускатских *белых калмыков*. Чедибер несомненно было одним из родо-племенных подразделений телеутов. Вероятно, уже в XIX в. из чедиберов, живших в бассейне р. Кондомы, в частности по притоку ее Мун-дыбашу, выделилась группа, которая по каким-то еще не установленным причинам стала именоваться *Калар* и под этим названием вошла также в перечень шорских сеоков.¹¹ К Итиберской же волости относился, вероятно, небольшой улус князя Озылбая, который был обязан вносить ясак всего только за 8 или 14 чел. (1629—1630 гг.), в то время как в улусе Когудея числилось в XVII в. в среднем по 40 чел. годовых плательщиков ясака.¹² В 30-х годах XVII в. после смерти Абака, когда телеутов стал возглавлять его сын Кока, почти до конца 50-х годов часто упоминается имя телеутского князя Маджика (в восточной группе телеутов), с которым Кока то объединялся для совместных действий против городов Томска или Кузнецка или против джунга-ров, то, напротив, ссорился и вступал в вооруженные стычки. О самостоятельности князя Маджика овидетельствует и тот факт, что он иногда вступал в коалицию с князьями «верхних саянцев», живших за Телецким озером. В известных нам документах ничего не говорится о том, какие «волости», точнее телеутские роды-сеоки, возглавлял Маджик, как нет таких данных и относительно князей Абака, Коки и дальнейших его потомков (князя Табунка, Байгорок) и о численности плательщиков ясака. Наконец, мы имеем историческое предание телеутов еще о двух их князьях — Мамыте и Балыке. Имя князя Балыка Кажанова (к сожалению, без указания сеока) встречается в русских исторических документах 70-х годов как союзника русских военных отрядов (под начальством «томского сына боярского» Романа Старкова) в борьбе против телеутского князя Табунки Кокина (внука Абака).¹³ Из предания, сохранившегося об этих двух князьях, следует, что оба они кочевали в районе Кузнецка и находились под покровительством властей г. Томска, куда вносили ясак. В ре-

¹¹ В «Описании Кузнецкого уезда», составленном Г. Ф. Миллером в 1734 г., при упоминании Етиберской волости (вверх по течению р. Ман-дабаш) сказано: «Жители называются также *калары*. хотя в настоящее время это название не особенно употребительно» (ЦГАДА, ф. 199, д. 1, л. 23).

¹² В. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 105.

¹³ Дополнения к Актам Историческим, т. VI. СПб., 1858, стр. 317.

удье ссоры Мамыт убил Балыка, после чего люди Балыка отделились от группы Мамыта и стали кочевать по Томи ближе к Томску, где позднее приняли мусульманство.¹⁴ Согласно же историческим документам, князь Балык был убит отрядом телеут-ского князя Табунки за то, что он участвовал в походах русских служилых людей из Томска.¹⁵ В Горном Алтае в начале 80-х годов XVII в. был ставленником джунгарского хана Галдана с титулом тайши телеутский князь Матур. В его подчинении и находились горно-алтайские телеуты, среди которых определенная часть так и называлась — *тау-телеуты*, т. е. горные телеуты. У этих телеутов, судя по русским историческим документам и сибирским летописям, определенно были сеоки: Мундус, Найман, Кершль, Тодош. Какие группы телеутов находились в Туве, пока неизвестно, но в районе оз. Хубсугула, как и в верхнем течении р. Иркута, телеуты названы в русских документах 60-х годов XVII в. *долонгуты* (т. е. теленгуты). Они кочевали здесь вместе с *соетами, урянхами и тувинцами*. Иногда они числятся в исторических документах как *тувинцы долонгутского рода*.^m О численности прикосогольских и иркутских теленгутов сведений нет, за исключением тех, из которых следует, что в 60-х годах они в количестве нескольких десятков человек платили ясак в Иркутский острог.¹⁷

В районе верхнего течения Чулыма, особенно в бассейне Белого и Черного Игосов и в долине южного Енисея, в пределах Минусинской котловины господствовали также независимые енисейские кыргызы. Они делились на несколько небольших феодальных улусов (Джесарский или Езерский, Алтырский и Алтысарский), во главе которых стоял джесарский князь Немек, обладавший наследственной властью. Как сообщали русские послы в 1616 г., «тот у них Немек князь и начальней, и та земля вся ово, а наперед того была отца ево, да под ним Нементом 2 князка лутчих Номча да Кора».¹⁸ Относительно численности Б. О. Долгих пишет, что «томский эштинский князец Тоян в 1604 г. определил численность киргизов в 1000 ч.», очевидно, имея в виду лишь мужчин. В 1653 г., испугавшись прихода Алтын-хана, киргизы «все в скопе» и «осеклись в засеку» на речке Еник. Считалось, что их было тогда 1500 «воинских людей». В 1668 г. численность всех киргизов «добрых людей» без кыштымов была определена

¹⁴ В. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 121—122. Ср.: W. Radio f f. Aus Sibirien, Bd. I. Leipzig, 1884, стр. 177—178.

¹⁵ П. Е. Тадыев. Поворотный пункт в истории Горного Алтая. В сб.: Великая дружба, Горно-Алтайск, 1956, стр. 9.

¹⁶ История Тувы, т. I. М., 1964, стр. 209.

¹⁷ Там же, стр. 209; Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 295, 298.

¹⁸ Подробнее об этом и вообще об истории енисейских кыргызов см.^в моей книге «Происхождение и формирование хакасской народности», стр. 4—69.

в 1000 чел. Приводя еще ряд цифр для более позднего времени Долгих определяет общую численность кыргызов в 4—5 тыс. чел.¹⁹

Князья каждого кыргызского улуса имели своих кыштымоп представлявших собой небольшие и разноязычные родо-племенные группы, обитавшие преимущественно в горячо-таежной части Минусинской котловины и в Кузнецком Алатау, занимавшиеся охотой на зверя, рыболовством, примитивным (большей частью мотыжным) земледелием, выплавкой железа и изготовлением железных изделий. Некоторые из кыштымов были скотоводами-кочевниками (например, качинцы). Алтысарские князья считали своими кыштымами тюркоязычных кизилов, ачинцев, басагаров и т. д., обитавших по Чулыму, а также качинцев, затем кетоязычных арийцев, ястынцев и др., живших близ современного Красноярска. Алтырские князья имели кыштымами тюркоязычных шорцев, сагайцев, саянов, тувинцев и других.

По хребту Западный Саян и по его южную сторону на территории современной Тувы жили ближайшие исторические предки современных тувинцев — тюркоязычные племена и роды: мады, кочевавшие по рр. Хемчику и Улуг-Хему, мингаты (по Хемчику), саяны в верховьях бассейна Хемчика, но появлявшиеся часто и на Алтае, в частности в районе Телецкого озера, точи, или тод-жинцы (потомки которых до сего времени населяют северо-восточную Туву), теленгуты, о которых уже говорилось выше, орчаки, кужугеты, карсалы и др. Некоторые из этих племен, например мады, орчаки и кужугеты, появлялись в летнее время в кочевьях телеутов, между Обью и Томью, и участвовали с ними в военных набегах на местное ясачное и русское население. Что касается орчаков (иногда они в русских документах «коурчаки»), то в конце XVII и начале XVIII в. часть их кочевала еще западнее, именно в ряде волостей Тарского уезда, где отдельные их группы числились в составе плательщиков ясака этого уезда. Однако со временем, когда сюда стали довольно часто подкочевывать джунгарские калмыки, «тарских» орчаков забрали к себе насильно ойратские тайши, от которых они затем совершали побеги.²⁰ Обнаруживший в архивах такие сведения об орчаках Б. О. Долгих почему-то считает орчаков «монголоязычными калмыками», хотя сам же приводит ссылку на один русский документ 1625 г., в котором орчаки, находившиеся в Барабинской степи, прямо названы «белыми калмыками», т. е. так же, как и телеуты.²¹ С последними у орчаков были длительные контакты, чему способствовала, конечно, общность их языка. Тувинские племена, по крайней мере в 80-х годах XVI в., в политическом отношении были самостоятельны. Ими управлял князь Сайн-Машик, и они имели собствен-

¹⁹ Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 117.

²⁰ Там же, стр. 55.²¹ Там же, стр. 115.

ные военные силы. В 1587 г., например, когда тувинцы участвовали в военном походе на западных монголов-ойратов, они выставили 15 тыс. воинов.

Наконец, южнее современной Тувы находилось монгольское государство, возглавляемое династией Алтын-ханов. Основателем его был Шолой-Убаши — правнук Гэрэсэндзэ, родоначальника халхасских князей, имевшего свой улус на западных склонах Хангайского хребта. Ставка первого Алтын-хана в начале XVII в. была около оз. Упса-Нор, иногда по р. Тес, впадающей в озеро с востока. Это государство уже существовало в 80-х годах, а к концу XVI в. оно настолько усилилось, что тувинские племена и енисейские кыргызы потеряли свою самостоятельность и стали его данниками — кигптымами. К XVII в. владения Алтын-ханов простирались от Саянских гор на севере до южных предгорий Монгольского Алтая на юге, а с востока на запад через Туву от оз. Хубсугол почти до Черного Иртыша.

Картина размещения населения Южной Сибири к началу XVII в. будет не полной, если не упомянуть еще об освоении Сибири русским государством. Отметим только даты построения русских городов. В 1586 г. была основана Тюмень, а в следующем году — Тобольск. На Оби в 1593 г. возник Березов и в 1594 г. — Сургут. В 1598 г. появились Верхотурье и Нарым, в 1601 — Ман-газея. С построением Сургута начали доставлять сюда ясак некоторые Чулымские волости, которые перешли затем в ведение Кец-кого (или Кетского) острога, поставленного в 1597 г. Затем в 1604 г. был заложен г. Томск, положивший начало русскому освоению Южной Сибири.

Падение Сибирского ханства вызвало некоторое перемещение местного кочевого населения. Часть тюркоязычных групп «сибирских татар» откочевала на восток, о чем имеются документальные известия русских исторических актов XVII в.²² Некоторые из них достигли Чулыма и Енисея. Это находит подтверждение в ряде преданий *чулымских татар*, записанных в первой четверти XVIII, затем в конце XIX и начале XX в. Здесь о приходе на Чулым тюркоязычного населения с запада говорится совершенно определенно. Можно сослаться на некоторые предания о приходе с рр. Тобола и Ишима, распространенные у кызыльцев, обитающих по Чулыму. В записях Д. А. Клеменца из Ачинского округа (1888 г.) говорится: «Сами кызыльцы еще помнят, что они когда-то жили по Интиму и Тоболу и у них был свой царь Коч-жун».²³ Н. Катанов записал в с. Аскизе предание, в котором сказано: «Качинский народ пришел с р. Тобола; там он был народом Царя Кучума. Ермак, воюя с Кучумом и преследуя его, подчинил

²² Акты исторические, т. II. СПб., 1841, стр. 2.

²³ Д. А. К л е м е н ц. Предварительные сведения об экскурсии в Ачинский и Канский округа. Изв. Восточно-Сибирского отделения Русск. геогр. общ., т. XX, № 1, стр. 45.

(качинцев) русскому царю. Пришедши с Тобола, половина народа стала жить по р. Каче, находящейся близ Красноярска, другая половина стала жить в земле, где стоит теперь г. Ачинск».²⁴ Заметим в этой связи, что сами качинцы называли р. Качу, на которой они поселились, не Качей, а Изыр-Су, т. е. езерской, или десарской, рекой. Следовательно, качинцы появились здесь позднее, чем киргизы-джесары.

Особенно большой интерес представляют сообщения Д. Мес-сершмидта, относящиеся к 1721 г. «Один сведущий татарин мне сообщил, — пишет путешественник, — что большинство татар, живущих по рекам Чулыму и Кие, происходят от народов хана Кучума и что раньше они составляли с казахской ордой один народ. . . После того как хана Кучума прогнали от Тобольска, часть их направилась сюда, другая к Томску».²⁵ В другой записи Мес-сершмидт сообщает: «Встретил толкового татарина в Урюпе, который мне подтвердил, что чулымские татары происходят от Кучум-хана. Сначала они осели близ устьев Чулыма и Кии, но, когда киргизы были прогнаны, они распространились до этих мест».²⁶ В приведенных полевых записях Мессершмидта, относящихся к началу 20-х годов XVIII в., отразились более свежие в то время воспоминания некоторых групп чулымских татар о своем историческом прошлом, чем у качинцев или кызыльцев в конце XIX в. Им следует верить еще и потому, что они согласуются с русскими историческими документальными известиями о продвижении на восток сибирских татар после поражения хана Кучума, а также с некоторыми другими материалами. Например, среди кызыльцев была группа, именуемая Аргын. Наличие ее вполне подтверждает сообщение Мессершмидту «татарина с р. Кии» о том, что чулымские татары раньше составляли с казахской ордой один народ. Дело в том, что *аргыны* представляли собой большую тюркоязычную группу (или племя) входившую в Улус Джучия. С распадом Улуса Джучия часть аргынов была вовлечена в процесс формирования казахской народности. Вошли аргыны также в состав тех кочевых тюркоязычных племен, которые участвовали в этногенезе современных узбеков. Были аргыны и в среде *сибирских татар*. С падением Сибирского ханства они продвинулись на восток до верховьев Чулыма, где в XVII в. составляли особую Аргунскую волость (упоминается с 1623 г.), вносящую ясак в Томск, а со временем (первая четверть XIX в.) вошли в состав Кизыльской степной думы как Мало-Аргунский род. Таким образом, существование среди *чулымских татар* группы с этнонимом *аргын* является свидетельством проникнове-

²⁴ Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX. Перевод. СПб., 1907, стр. 533—534.

²⁵ D. M e s s e r s c h m i d t, ук. соч., стр. 134.

²⁶ Там же, стр. 136.

ния сюда тюркоязычных племен с запада, с территории бывшего Сибирского ханства, и, конечно, отражает общность некоторых этнических элементов (тюркоязычных), вошедших в состав казахов, узбеков и современных хакасов.

Крушение Сибирского ханства имело еще одно весьма серьезное последствие, связанное с изменением этнического состава Западной и Южной Сибири. Речь идет о появлении здесь западных монголов, или ойратов, которые обычно называются в русских исторических документах конца XVI и первой половины XVII в. *черными колмаками*, а затем — *джунгарами (зенгорцами)*. Естественно, что появление в Сибири ойратов имело свои особые причины, а падение Сибирского ханства лишь облегчило их продвижение на территорию Сибири, так как бывшие границы ханства оказались незащищенными.

Поскольку проникновение в Сибирь ойратов-калмыков оказало серьезное влияние не только на этнический состав, но и на политическую судьбу местного населения Южной Сибири, мы остановимся на этом вопросе несколько подробнее, привлекая новые опубликованные источники и исследования.²⁷ Нам придется сначала сказать кратко о некоторых основных этапах истории западных монголов, или ойратов.

После падения Монгольской (Юаньской) династии в 1368 г. среди монголов начал быстро развиваться процесс феодального дробления, который охватил не только восточных, но и западных монголов, достигнув у последних наибольшей силы к концу XVI в. Зависимые в свое время от «великого хана», как главы Монгольской империи и верховного собственника земель, монгольские феодалы различных рангов, получавшие ранее от него в пожалование кочевья и прикрепленное население, стремились теперь к политической и экономической самостоятельности, к превращению пожалованных им земель и населения в полную наследственную собственность. На этой основе шло непрерывное дробление и измельчение феодальных уделов. Отдельные попытки, например Эсен-хана (1440—1455 гг.) из дома Чорос или его правнука Бату-Мункэ, известного также под именем Даян-хана (1470—1543 гг.), преодолеть феодальную раздробленность монголов, создать единое общемонгольское централизованное государство не имели прочного успеха и не могли приостановить этого процесса. После смерти Даян-хана, много сделавшего для объединения монголов и создания централизованного государства, Монголия вновь была разделена на уделы, доставшиеся его 11 сыновьям, из которых старшие стали родоначальниками ряда князей Южной Монголии, а младший его сын Гэрэсэндэ, как отмечалось выше, по-

²⁷—Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636. Сборник документов. М., 1959; И. Я. З л а т к и н. История Джунгарского ханства. Здесь же основной перечень различных исторических источников.

лучив улус отца с кочевьями у Хангая, явился родоначальником халхасских князей.

В годы правления Даян-хана центр политической жизни переместился из района рр. Толы, Орхона и Керулена на юг, в район Чахара, где была ставка последнего общепризнанного всемонгольского хана. В это время восточные монголы распространили свои кочевья на степи Ордоса и Куку-Нора.

Западные монголы в течение XV—XVI вв. сосредоточились на сравнительно небольшой территории (преимущественно Монгольского Алтая и прилегающих к нему районов), в том числе территории, получившей впоследствии наименование Джунгарии, ограниченной на востоке западными склонами Хангайских гор, а на западе оз. Зайсан (на северо-западе) и г. Карашаром (на юго-западе). На юге их кочевья лежали несколько севернее Турфана и Хами. На северо-западе они упирались в границы Сибирского ханства, в кочевья казахов и киргизов. На севере они не достигали ни Алтая, ни Тувы. Словом, Южная Сибирь совершенно не входила в территорию кочевания ойратов.

Ойраты в описываемое время испытывали большую нужду в пастбищах. Этого требовал рост кочевого скотоводства и непрекращающееся дробление феодальных владений. Каждая новая феодальная единица, даже мелкая, стремилась обеспечить себя прежде всего достаточными кочевьями, причем самыми различными путями, вплоть до насильственного захвата. На этой почве ойратские феодалы непрерывно враждовали как между собой, так и с соседями, что весьма ослабляло их силы. Если в 50—60-х годах XVI в. они нередко вступали по указанным причинам в вооруженные конфликты с восточными монголами, то с 70-х годов такие столкновения идут с халхасскими князьями, особенно Алтын-ханами. В 30-х годах XVI в. ойраты начали борьбу за кочевья с казаками, которая велась с перерывами в течение двух столетий и неоднократно приводила ойратов к серьезным поражениям. В описанных выше условиях ойраты в конце XVI в. делают попытку проникнуть в Сибирь в обход с северо-западной стороны Алтайских гор. Внешним толчком к движению в Сибирь послужило поражение Сибирского ханства. Из исторических источников явствует, что во второй половине XVI в. ойраты кочевали на юго-запад от Горного Алтая, в Джунгарии по Черному Иртышу и в районах, прилегающих к Монгольскому Алтаю с запада. По Черному Иртышу находились, в частности, кочевья дербетов. По долине р. Или были кочевья чоросов, а в Тарбагатае — торгоу-тов. В 80-х годах XVI в. кочевья ойратов достигали только южных районов оз. Зайсан, т. е. верховий Иртыша,²⁸ а вершины р. Ишима входили еще во владения Кучум-хана. В 1587 г., когда

²⁸ До впадения в оз. Зайсан Иртыш называется Черным Иртышом, по выходе из озера — просто Иртышом.

Алтын-хан в союзе с тувинским правителем Сайн-Маджиком ходил в поход на ойратов (через Туву), последние кочевали в районах левобережья Иртыша, в частности кочевья хошоутов в это время достигали рр. Эмеля и Или.

Ойраты появляются в Сибири только в начале 90-х годов XVI в., когда Западная Сибирь уже находилась в составе Русского государства, хотя русского населения в ней было еще очень мало. Да и вообще Сибирь в это время была заселена крайне слабо. Вначале ойраты оказались в верховьях Иртыша (после бегства Кучума), а позднее, в первом десятилетии XVII в. и в верховьях р. Оми близ г. Тары. Ойраты не оставляли, конечно, и свои старые кочевья. В 1596 г. они, например, сражались с отрядами бежавшего хана Кучума неподалеку от оз. Иссык-Куль, хотя в 1598 г. ойратов (в количестве 500 чел.) можно было встретить и в районе р. Оби.

Падение Сибирского ханства совпало с периодом, когда ойраты, испытывая нужду в пастбищах, стремились к овладению новыми территориями и продвигались постепенно из Джунгарии в единственно возможном для них северо-западном направлении.²⁹ Известно, что значительная группа ойратов через несколько десятков лет добралась до низовий Волги. В процессе этого движения факт падения Сибирского ханства не мог не привлечь внимания ойратов, так как это давало им возможность хотя бы временно и частично ослабить политическое напряжение, характерное для исторической обстановки того времени в среде западных монголов. В Сибирь стали прибывать все новые группы ойратов. В документе 1604 г., со ссылкой на князя суштинских татар Тояпа, говорится, что даже неподалеку от Томска кочевали «орды князя Биней». Тоян сообщил, что у Биней 10 тыс. людей и до ближнего кочевья его от Томска всего 10 дней, а до дальнего — 4 недели. Князь Биней был ойратским феодалом. Его имя упоминается и в другом документе, датированном 1609 г., где оно фигурирует наряду с именами князя Узеней и других. Узеней тогда возглавлял группу ойратских феодалов, из числа находившихся под общим главенством дербетского тайши Далая.

Наиболее интенсивное продвижение ойратов в Сибирь относится уже к концу первого десятилетия XVII в. Оно было связано с угрозой войны против них со стороны халхасского Алтын-хана. В январе 1607 г. ойраты от имени большой группировки феодалов, возглавляемой Далай-тайнш и торгоутскими Дзорикту, насчитывавшей будто бы 120 тыс. войска, обратились к царским властям г. Тары за разрешением кочевать «вверх по Иртышу *Ti* соленым озерам». Просьба эта была удовлетворена. Однако брат Дзорикту Хо-Урлюк, будущий глава торгоутов, оставался в это время еще на старых кочевьях, близ оз. Зайсан. Несколько меся-

—²⁹ И. Златкин, ук. соч., стр. 118.

позднее, в мае 1607 г., в Томск приходили послы от князя Узенея и просили уже «оберечь их от Алтын-царя и Козацкой орды» так как начались военные столкновения ойратов с Алтын-ханом и казаками. В сентябре 1607 г. в Тару прибыло (вторично) посольство Далая-Тайши за разрешением кочевать не только «вверх\—по Иртышу к соленым озерам», но и «по Камышлову». Послы ходатайствовали перед царскими властями о защите ойратов от Алтын-хана и казахов. Тарские воеводы отправили послов для переговоров в Москву, а томские воеводы ограничились сообщением в Москву о поступившей к ним просьбе. Ответ пришел в Томск в 1608 г. — рекомендовалось отправить из Томска представителей к Узенею с предложением вступить в русское подданство и после этого удовлетворить его просьбу. Томские воеводы пытались это сделать, но не смогли, так как телеутские князья, которых они наметили в состав послов к ойратам, сообщили, что 'они пойти к «колмакам» не могут потому, что «теперь черные колмаки откочевали далеко и воюются с Алтын-царем и Козачьей ордой и меж собой черные колмаки воюются и лутчево их князя Узенея не стало».

Под угрозой военной опасности в 1608 г. от верховьев Иртыша к г. Таре прикочевал и сам тайша Хо-Урлюк, который также обратился к царским властям с просьбой разрешить ему кочевать в Западной Сибири по р. Оми и поставить на ней («в 5 днищах» от г. Тары) городок для защиты его от Алтын-хана.

Все эти данные, взятые из русских письменных источников,¹ не только позволяют проследить время и причины появления в Сибири ойратов, но и доказывают, что ойратские феодалы различных рангов безоговорочно признавали в то время территорию Сибири собственностью Русского государства и свое появление на ней стремились обеспечить согласием местных представителей Русского государства. Но вскоре, неизменно получая разрешения на временные кочевки в Западной Сибири, крупные ойратские феодалы не могли не понять, что местные военные силы Русского государства, как и количество русского населения в Сибири, невелики и, конечно, далеко недостаточны, чтобы обеспечить неприкосновенность огромной территории и обитающего на ней редкого и разбросанного ясачного населения. Вот почему ойратские феодалы резко изменили свое поведение на территории Сибири, где они вскоре стали держаться на положении полновластных хозяев. Они объявили себя собственниками известных соляных озер в верхнем и среднем течении Иртыша и чинили препятствия в добыче соли русскому населению, стали облагать данью ясачное население Западной и Южной Сибири, т. е. телеутов, барабинцев, *кузнецких татар* и т. д. Более того, как только ойратские феодалы успешно кончили войну 1608—1609 гг. с Алтын-ханом, некоторые из них заговорили с представителями царской власти в Сибири уже другим языком. Группировка феодалов, возглавлявшаяся вдо-

вой князя Узеня по имени Абай, заявила, например, владельческие права как на земли, занятые ими под кочевья в свое время с разрешения царских властей, так и на местное ясачное население. Надо сказать, что в это время отдельные ойратские феодалы уже нашли общий язык с местными феодалами, в частности с телеутскими, возглавляемыми князем Абаком, и даже кочевали в телеутских кочевьях.

Победа над Алтын-ханом, новые и вполне безопасные от врагов кочевья по территории Сибири дали возможность ойратским феодалам произвести перегруппировку своих сил и предпринять попытки к продвижению их в Ногайскую степь, так как в это время Большая Ногайская орда, кочевавшая между Волгой и Эм-бой, была очень ослаблена и не могла защитить свои кочевья. Ойратские же феодалы, напротив, усилились в такой степени, что в зависимости от них теперь временно оказались Большая Казахская орда и киргизы.³⁰ Но и в этой обстановке наиболее крупные ойратские феодалы, как Далай-тайши или будущий основатель Джунгарского ханства Хара-Худа, все же опасались открыто и непосредственно обострять отношения с Русским государством, предпочитая действовать исподтишка и в ограниченной сфере. Ойраты готовились к новой войне с Алтын-ханом, они весьма были заинтересованы в возможности в случае необходимости искать спасения на территории Сибири, принадлежащей Русскому государству и в значительной мере им освоенной.

Очередная война с Алтын-ханом началась по инициативе Хара-Хулы, но протекала для ойратов неблагоприятно. Это было известно властям в Тюмени и Тобольске в 1620—1621 гг. В связи с поражениями ойраты снова стали приближаться к русским городам и просить разрешения кочевать по р. Тоболу, по Камыш-лову, вверх по Ишиму. Некоторые из них появились в районе между оз. Чаны, Омью и Иртышом.³¹ Многие тайши в 1621 г. заняли кочевья близ оз. Ямышева, которое служило русскому населению Сибири базой для добычи соли.

Вскоре в Томске получено было известие, что многие ойратские тайши прикочевали на Обь и даже построили в устье р. Чу-мышы, среди кочевий телеутов, укрепленный городок.³²

Под натиском войск Алтын-хана, объединившегося к тому же с казахскими феодалами, большое количество ойратов прибыло в различные места Сибири, где нашло спасение буквально от физического истребления. Этим ойратские феодалы были обязаны,

³⁰ Речь идет, конечно, о среднеазиатских киргизах, а не об енисейских кыргызах, как полагает И. Златкин (История Джунгарского ханства, стр. 135). Енисейские кыргызы в это время были подчинены Алтын-хану и не соприкасались с ойратами.

³¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений, стр. 78, 105—107. .. -.-

³² Там же, стр. ИЗ.

конечно, Русскому государству, разрешившему им укрыться па сибирской территории, причем без особых требований или условий. Почувствовав себя в безопасности, ойратские феодалы быстро освоились в новой для них обстановке и вновь попытались подчинить себе окружающее местное население. Они снова обложили данью железом и пушниной некоторые группы *кузнецких татар* и северных алтайцев, живших в отдалении от Кузнецкого острога, построенного в 1618 г., о чем говорится в одном из русских документов 1622 г. Северные алтайцы, особенно шорцы, издавна славилась умением добывать и плавить железо и делать из него «пан-сыри, бехтерцы, шеломы, копы, рогатины и сабли и всякое железное, опричь пищалей». На это указывал еще князь Тонн в своей челобитной московскому царю о принятии его в подданство, отмечая, что население, обитающее в верхнем течении р. Томи, «делает доспехи и железца стрельные» (т. е. железные наконечники стрел).³³ Ойратские феодалы пытались полностью захватить этих умельцев-металлургов и обеспечить себя оружием, военным снаряжением и сбруйной принадлежностью для кавалерии (удила, стремяна, пряжки для подпруг и т. п.), как это делали обычно кыргызские и телеутские феодалы. Заметим кстати, что развитие и уровень добычи железа, изготовление из него различных изделий у родо-племенных групп Алтае-Саянского нагорья на протяжении многих веков поддерживались неограниченным и неослабевающим спросом со стороны многочисленных кочевников восточной части Центральной Азии, Средней Азии и Сибири. Многочисленные военные соединения кочевников крайне нуждались в перечисленной выше продукции. Однако именно поэтому упомянутые мелкие родо-племенные группы были постоянно в даннической зависимости от более сильных кочевников. У них мелкое, но чрезвычайно широко распространенное производство железных изделий служило не источником благосостояния, как могло бы быть в нормальных мирных условиях, а, напротив, причиной зависимого и угнетенного положения от различных феодалов-завоевателей.

В правительственных кругах Русского государства отлично понимали, что ойратам-калмыкам «опричь Кузнецкие земли, ника-кова оружья купити не добыть негде». Поэтому в наказе кузнецким воеводам от 1622 г. московский государь требовал брать с ясачных кузнецких людей «соболями, и всякой мягкой рухлядью, и шеломами, и рогатинами, и саблями, кому чем можно ясак государю давать, а колмацким бы людям отнюдь ясаку давать не велеть и с колмацкими людьми торговать им, опричь соболей, железом, шеломами, и пансырями, и рогатинами, и саблями не велети».³⁴ Тем не менее небольшие русские военные

³³ См. подробнее в наших книгах: Очерки по истории Шории. Л., 1936: Очерки по истории алтайцев.

³⁴ Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879, стр. 193.

силы, находящиеся в Кузнецке, далеко не всегда могли защитить местное ясачное население от набегов ойратских феодалов, сопровождавшихся грабежом имущества, прежде всего железных изделий.

Ойратские феодалы вошли в контакт с местной феодальной верхушкой, особенно с телеутской. Они пасли свой скот в телеутских кочевьях, облагали даже иногда алманом отдельные группы телеутских киштымов, вступали с представителями телеутской феодальной знати в военные союзы, вовлекали их в заговоры против Русского государства, роднились через браки и т. д. Некоторые ойратские феодалы вынашивали планы захвата обширных пастбищных территорий как в западной, так и в южной части Сибири и использовали для этого не только местных телеутских феодальных владельцев, но и разбежавшихся князей из ханского дома Кучума, преимущественно его сыновей, сколачивая временные военные союзы под своей эгидой для выступления против Русского государства и его населения в Сибири. Из исторических русских источников известна серия вооруженных выступлений в конце 20-х годов XVII в. в Западной и Южной Сибири, организованных ойратскими феодалами с участием кучумовских царевичей, с вовлечением местных феодалов (чатских, телеутских, тувинских, киргизских и др.).³⁵ Не случайно, видимо, телеутский князь Абак появлялся (1625 г.) в ставке тайши Хара-Хулы.³¹ Будучи подданным Русского государства, князь Абак, не без влияния ойратских владетелей, не пропустил в 1633 г. томских казаков на р. Бию, а в 1634 г. даже напал на ясачных *белых калмыков* (т. е. телеутов), живших по р. Ускату.

Войны с Алтын-ханом продолжались у ойратов и в последующие годы, оказывая влияние на перемещение ойратских улусов.

Наиболее крупное изменение в расселении самих ойратов относится к самому концу 20-х годов XVII в., которое, однако, было связано с внешними военными и внутренними причинами. Тор-гоуты откочевали в низовья Волги, а хошоуты в Тибет. В Джунгарии остались преимущественно чоросы.³⁷

Успешная война с Алтын-ханом в это время дала возможность ойратам вернуть себе старые кочевья к западу от Монгольского Алтая, куда стали возвращаться некоторые ойратские улусы. Среди ойратов под главенством Хара-Хулы ведется борьба за консолидацию сил, они концентрируются территориально.

^{3а} Среди участников выступлений называется имя телеутского князя Когутея, который в это время вместе с барабинцами, тувинцами-орчаками и др. находился среди телеутов князя Абака. В эпосе алтайцев Когутей фигурирует как герой одноименного героического сказания.

³⁶ Г. Миллер, ук. соч., т. II, стр. 320.

³⁷ И. Л. Златкин, ук. соч., стр. 148. ...

После смерти Хара-Хулы (1634 г.) возникает Джунгарское ханство, верховным правителем которого с 1635 г. становится Ба-тур, сын Хара-Хулы, с титулом Контайши.

Джунгарское ханство, его политика оказывали большое влияние на жизнь коренного населения Южной Сибири, в том числе и на его этнический состав. Джунгарские правители были враждебно настроены по отношению к представителям Русского государства в Сибири и, вынашивая планы захвата обширных территорий *Сибири*, пригодных для пастбищ, не в меньшей степени покушались на ясачное население, особенно Южной Сибири, которое представляло большой интерес для джунгарских ханов в качестве данников, от которых можно получать в большом количестве железные изделия и ценную пушнину. Поэтому джунгарские ханы боролись за овладение упомянутыми данниками различными способами, одним из которых была систематическая подготовка ясачного населения к борьбе против Русского государства вообще и против мирного русского населения, жившего в Сибири, в частности. Мы не будем здесь затрагивать вопрос о том, в какой степени это удавалось джунгарским ханам, а посмотрим только, как новая политическая ситуация, возникшая в связи с образованием Джунгарского *ханства*, отразилась на судьбе прежде всего телеутов и некоторых групп северных алтайцев.

Как мы видели выше, при жизни Абака телеуты хотя и находились в тесном контакте с джунгарскими феодалами, но сохраняли свою самостоятельность. После смерти Абака улус возглавил его старший сын — Кока (вероятно, в 1635 г.). Какая-то, видимо значительная, часть телеутов составляла тогда другой улус, возглавлявшийся князем Маджиком, с которым Кока Абаков то вступал в контакт (особенно для совместных действий по ограблению ясачного населения Кузнецкого уезда, считая его своими данниками), то ссорился и враждовал. Томские воеводы, разумеется, стремились получить признание подданства Русскому государству от нового правителя телеутов, но это им практически долго не удавалось. Только в 1650 г. Кока Абаков у себя в улусе принес присягу на верность Русскому государству в присутствии томских послов. Но в 1652 г. он уже собирал дань и грабил «ясачных татар» Кузнецкого уезда. Вероятно, опасаясь неприятных для себя последствий за такую акцию со стороны томских воевод, Кока в 1653 г. перешел под власть джунгарского контайши, к чему его несомненно давно склоняли джунгарские феодалы. Джунгарский хан выделил для его защиты три тысячи вооруженных джунгаров, предполагая, что томские власти пошлют погоню за ушедшим в степи на западную сторону Оби князем Абаком. Примеру Коки Абакова последовал и князь Маджик, систематически проявлявший агрессивные намерения в отношении Кузнецка и приписанного к нему ясачного населения. После перехода в подданство Джунгарии Маджик иногда объединялся для

нападения на Кузнецкий уезд с князем «верхних Саянов» — Ман-зеом, жившим по соседству с телесами (в Туве), также подвластным Джунгарии. Подчинившись Джунгарии, Кока Абаков не ужился со своими покровителями, возникшие ссоры переросли в вооруженные столкновения, которые плохо кончились для телеутов. В 1655 г. томские казаки, направлявшиеся к телеутам торговать, стали свидетелями массового бегства последних с западной стороны Оби. Телеуты спешно переправлялись днем и ночью на правобережье речки Ирменя (близ р. Чика у современного Новосибирска). Казакам они тогда отвечали, что им не до торговли, хне они едва спаслись, побросав в степях на той стороне Оби свой скот и имущество.

Нет никакого сомнения в том, что кочевья телеутов во второй половине XVII в. распространялись на запад вплоть до Иртыша, несмотря на постоянное вторжение на Иртыш джунгарских кочевых групп, стремившихся закрепиться здесь и объявить эту территорию своей собственностью. В одном из документов, датированном 1660 г., прямо сказано о том, что «теленгутцы Ишкеновы дети... кочуют вверх и вниз по р. Иртышу, между Алмасом и Чигирем».³⁸ На этом основании теряет значение замечание Б. О. Долгих относительно телеутов или белых калмыков, о которых он пишет: «На западе кочёвки „белых калмыков" в XVII в., видимо, не достигали берегов Иртыша».³⁹

Однако по мере того как джунгарские феодалы захватывали и закрепляли за собой территории по Иртышу, по выходе его из Алтайских гор, кочевья телеутов здесь стали возможны только для тех групп, которые находились под властью джунгарских ханов. Впрочем, как увидим дальше, телеутские князья нередко стремились избавиться от этой зависимости, вступая для этого временами на путь вооруженного сопротивления, ища иногда защиты и убежища вблизи укрепленных русских городов Томска и Кузнецка.

Со времени упомянутого, хотя и формального перехода телеутов в подданство Джунгарии телеуты жили постоянно под угрозой разгрома, и от былой их самостоятельности ничего не осталось. Напротив, росла их зависимость от джунгарских ханов, в руках которых телеутские князья становились орудием проводимой Джунгарией политики, исполнителями различных поручений, чиновниками Контайши.

Обратимся теперь к историческим материалам, содержащим сведения о ближайших исторических предках современных алтайцев.

Как и следовало ожидать, на протяжении XVII в. больше и чаще всего в письменных русских источниках упоминаются те-

³⁸ Г. Миллер. История Сибири, т. III. (Рукопись, подготовленная к печати Институтом этнографии АН СССР под редакцией А. И. Андреева и Л. П. Потапова), документ № 258.

Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 115. ,

леуты. О них обычно говорится обобщенно, без названий племен и родов, и нередко они именуется еще *белыми колмаками* в отличие от ойратов или джунгаров, которые выступают в тех же документах как *черные колмаки*. Но иногда в исторических актах XVII в. можно встретить и названия некоторых родо-племенных групп телеутов. Из них наиболее ранние упоминания относятся к ак-кшнтымам и тогулам. В документе 1627 г. говорится о вновь обьясаченных волостях и земляцах и названы волости *Аскештим-ская* и *Тогульская*.⁴⁰ Эти волости (вместе с Керсагальской) в 1675 г. были «от колмаков самые дальние порубежные».⁴¹ В ясачных книгах XVII в. Аскиштымская и Тогульская волости названы степными, что подтверждает тубаларское предание о приходе к ним сеока Тогул из степи. К началу XVIII в. аскиштымы жили между верховьями Ини и Уската и по самой р. Томи, а то-гулы — в верховьях Чумыша.⁴² Белые же калмыки, записанные в ясачные книги начала 70-х годов, жили по Ускату, и часть их считалась в то время «выезжими» от князца Коки Абакова. Вопрос о «белых выезжих калмыках» встал после смерти джунгар-ского Батур-хана, но еще до вступления на ханский престол его преемника Галдана. Джунгарский контайши нашел возможным требовать возвращения к нему упомянутых калмыков. Это показывает только, как далеко зашли в своих захватнических действиях и притязания ойраты, которые за несколько десятков лет кочевания на землях Сибири возомнили себя здесь едва ли не главной политической силой, во всяком случае не меньшей по сравнению с Русским государством, права которого на Сибирь казались им еще в конце XVI в. бесспорными. Ойратские феодалы настолько вели себя бесцеремонно и грубо по отношению к местному ясачному населению, что это стало встречать со стороны последнего отпор. В описываемое время после смерти Батур-хана среди ойратских или джунгарских феодалов возникли крупные неурядицы, весьма ослабившие ханскую власть. В этих условиях некоторые сибирские кштымы пытались освободиться от зависимости. Летом 1658 г. против джунгаров выступил телеутский князь Кока Абаков. Правда, он снова потерпел поражение. Тем не менее часть телеутов, подчиненных Коке Абакову, подкочевала к Томску, где и осталась жить. В 1665 г. тайша Сенге (сын Ба-тура) жаловался русскому послу Василию Бубенному, прибывшему из Томска, что «отъехали-де от голоду ево, Сенгины, ясага-ные колмыки Кокина улусу телеуты и ныне-де живут в Томском, а царского величества воеводы тех кштымов моих не выдают».⁴³

⁴⁰ Г. Миллер, ук. соч., т. II, стр. 586.

⁴¹ Дополнения к актам историческим, т. VII, стр. 322. Керсагальская волость по Фишеру находилась в верхнем течении р. Томи.

⁴² Так они обозначены в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова, составленной в 1701 г.

⁴³ И, Я. 3 л а т к и н, ук. соч., стр. 215.

Сам Кока Абаков снова оказался в зависимости от Джунгарии. Отколовшиеся же от него телеуты остались кочевать по Ускату (приток Томи), и в ясачных книгах Кузнецкого уезда начала 70-х годов XVII в. они так и числятся «выезжими белыми калмыками», причем с такими подразделениями: «прежнего выезду», затем «последнего выезду, которые вышли от князца Коки Абакова. Числилось их 75 платежных душ».⁴⁴ Кока Абаков в это время кочевал уже в верховьях р. Алея, левому притоку Оби, в местности, юго-западнее нынешнего Усть-Каменогорска. Из реляции русского посла В. Литосова, бывшего в 1666 г. в ставке упоминавшегося выше тайши Сенге, расположенной «промеж высокими горами на речке Кусутан на урочище Джаир Шере Моудун», следует, что телеутские князья Кока и Маджик находились под властью Сенге. В 1668 г., весной, в беседе с послом Б. Былиным вопрос о «выезжих белых калмыках» снова обсуждался. Сенге сказал послу, что он знает о том, что «русский государь по моих телеутов войны не посылал и силой их не взял, збежали они от меня сами, и их бы в Томском и в Кузнецком не велел бы великий государь держать и за им своим государевым людям приставать, а де сам их под Томским и под Кузнецком острогом возьму».⁴⁵ Тогда же послу Былину говорил об этом и Галдан, в то время еще просто лама «кутухта», который сформулировал свое мнение таким образом: «К великим-де государем за наши телеуты выезжие стоять нечево». Но Сенге-тайша не был согласен с братом. Он летом 1668 г. направил в Томск посла своего с требованием отпустить «выезжих белых калмыков», в противном случае, угрожал посол, «Сенге де тайша под Томской и Кузнецкой острог будет войной». Через три года об этих выезжих белых калмыках писал сын уже покойного Сенге-тайши — Цэван-Рабдан. Наконец, в 1679 г. «выезжих белых калмыков» требовал сам Галдан, теперь уже хан Джунгарии, угрожая разгромом г. Кузнецка.⁴⁶ Несмотря на энергичные представления джунгарских тайши и ханов, «выезжие белые калмыки» остались жить в составе Русского государства. Представители царской власти в Сибири отказались выполнить беспочвенные требования джунгарских феодалов, и угрозы последних повисли в воздухе.

Нельзя не отметить в данной связи, что с начала 70-х годов с приходом к ханской власти в Джунгарии Галдана его домогательства на обложение алманом ясачного населения, преимущественно Южной Сибири, становятся настойчивыми и нередко со-

⁴⁴ Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 107.

⁴⁵ И. Златкин, ук. соч., стр. 220. В сообщении воеводы Вельяминова Русскому царю также говорится: «Выезжие белые колмаки выехали в Томской и Кузнецкой служить великим государем из воли и живут они в 1 Омском и Кузнецком охотою, а не из неволи» (Дополнения к Актам историческим, т. VI, стр. 314—315). Речь шла о 60 семьях, сбежавших¹⁵ в Омск.

⁴⁰ Дополнения к Актам историческим, т. VI, стр. 42^

проводятся военной угрозой. По мере своего усиления и отдельных военных успехов над своими противниками Галдан осуществлял свои намерения относительно ясачных насильственным путем. Так, после победы над Очирту Цэцэн-ханом (1678 г.) Галдан снова подчинил телеутов-теленгутов и енисейских кыргызов. Правда, он при этом не возражал и против уплаты данным населением ясака Русскому государству и даже развивал идею необходимости двоеданства, но идея эта с русской стороны была, конечно, отвергнута.

Во второй половине XVII в., по крайней мере в 1675 г., те-леуты под главенством Табунки (сына Коки Абакова и внука князя Абака) кочевали по р. Алею.⁴⁷ Расселение телеутов на конец XVII в. дано в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова, отличающейся, вообще говоря, точностью и основанной на хорошем документальном материале. Здесь жительство телеутов показано на большой территории, а именно: по правую сторону Томи, в вершинах речек Черной и Чесноковки, между устьями рр. Ини и Верди (под современным Новосибирском), по правому берегу р. Верди, по среднему ее течению. Далее показаны «белые кал-маки: за Обью — против р. Чумыша — Табуновы» (т. е. относящиеся к улусу вышеупомянутого князя Табунки Кокова), на левобережье Оби, между устьями рр. Чарыша, Алея и Ануя и при устье Катуня с левой стороны.

Относительно тау-телеутов, или горных телеутов, имеется запись в ясачных книгах Кузнецкого уезда, что тау-телеуты в 1692 г. числились в составе ясачных волостей.

Если перейти к рассмотрению по источникам XVII в. других телеутских родо-племенных названий, зарегистрированных в начале XX в. как секи южных алтайцев (в том числе и телеутов), то здесь в первую очередь хотелось бы отметить мундусов. Мун-дусская волость (вместе с Тотомской) упоминается в 1642 г. как волость «захребетная» и не платящая ясака.⁴⁸ По данным ясачных книг, мундусы начинают платить ясак с 1671 г. двумя маленькими группами, в 14 и 8 человек.⁴⁹ Есть свидетельство, что мундусы платили ясак в Кузнецк в 1681 г.⁵⁰ Судя по таким источникам, как например «Список с Чертежа Сибирской земли 1672 г.» (составлен воеводой П. Годуновым), мундусы, или, как они названы здесь, *мундужцы*, жили вблизи Телецкого озера вместе с тау-телеутами, найманами и дробились на группы. Во всяком случае наряду с просто *мундужцами* здесь упомянуты еще *яу-мундужцы* (надо *гау-мундужцы*, т. е. горные). Все перечисленные группы, как говорится в источнике, ясак русскому государю

⁴⁷ Там же, т. VII, стр. 332.

⁴⁸ Г. Миллер, ук. соч., т. II, стр. 486—489.

⁴⁹ Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 106, 108.

⁵⁰ Там же, стр. 102.

платили.⁵¹ В приведенном сообщении «Списка с Чертежа Сибирской земли 1672 г.», как и в некоторых сибирских летописях, вместе с телеутами-мундусами и горными телеутами, обитающими в окрестностях Телецкого озера, перечислены и найманы. Стало быть еще в XVII в. найманы жили по соседству не только с телеутами, но и телесами, давними обитателями данного района, от имени которых возникло русское название Телецкого озера. Вероятно, уже в то время произошло настолько сильное смешение телесов с найманами, что группа Найман по существу ассимилировалась в среде телесов, сохранив только свое название. Может быть, в результате такой ассимиляции и возникло представление о кровном родстве телесов с найманами, а отсюда появился и запрет браков между ними.

Долгая соседская жизнь найманов с телеутами, вероятно, может пролить свет и на вопрос о наличии сеока Найман у телеутов, хотя большинство населения сеока Найман было сосредоточено в группе алтайцев, именовавшей себя *алтай-кижи*.

Нельзя пройти мимо названия Туртасской ясачной татарской волости Тобольского уезда. Она находилась немного ниже Тобольска по правобережью Иртыша. В ее названии мы узнаем телеут-ский (или аккшнтъшский) сеок Тёрт-Ас, зарегистрированный В. Радловым. Туртасская волость упомянута в документе 1660 г. Она подразделялась на Кул-Туртас и Би-Туртас, и в названиях ее подразделений соблазнительно видеть, исходя из алтайского языка, социальное деление тёртасов, в смысле «рабы тёрт-ас» и «бии тёрт-ас». Но это, конечно, просто предположение. Обитание тёртасов на Иртыше отразилось в гидронимике. Довольно значительный приток (справа) Иртыша называется до сего времени Большой Туртас, который принимает в себя еще р. Малый Туртас. В заключительной главе мы остановимся на рассмотрении этнонима *тергас* как древнего племенного названия, а здесь заметим только, что у современных киргизов, возможно, этот этноним, как полагает С. М. Абрамзон, сохранился в наименовании азык, представители которого называют себя *тёрт тамгалу*, т. е. азыки, имеющие четыре тамги, или «четырёхтамговые азыки».⁵²

Затем, мы встречаем название *теленгут* (или *долонгут*) в документах 80-х годов XVII в. Из них узнаем, что долонгуты-теленгуты жили и в районе оз. Хубсугул (Косогол), а ясак платили в Иркутский острог. Ясак вносили не только пушниной (соболи, лисицы, белки и т. д.), но и отрезами ткани китайского изготовления и серебром.⁵³ Далее упоминаются *иркиты*, которые ясак пла-

⁵¹ См. «Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете», 1849, стр. 6; Ср.: Путешествие Н. Спафария в 1675 г. Записки Русск. геогр. общ. по Отделению этнографии, т. X, в. 1, СПб., 1882, стр. 69.

Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. Тр. Кривгмск. археолого-этногр. экспедиции, т. III, стр. 36.

⁵³ В. О. Долгих, ук. соч., стр. 98-299. ?"" : W x ; n ""

тили в Тункинский острог. Иркиты названы родом *соетов* (т. е. тувинцев). Часть иркитов разводила оленей. Оленеводство у них было верховое.

Сеоки современных южных алтайцев Тодош и Кергиль также упоминаются в документах XVII в. как проживающие на Алтае но названы волостями. Тотошская волость, например, как волость «захребетная» и не платящая ясак упомянута (вместе с Мун-дуской) в 1643 г. В документе 1671 г. про нее сказано, что население ее ушло частично в Саяны, т. е. к саянам-тувинцам. Возможно, эти роды находились в подчинении тувинских князей, зависимых в свою очередь от Алтын-ханов. Согласно записям в ясачных книгах, в 1681 г. с Тотушской волости был получен ясак.⁵⁴ Кергильская волость числится уплатившей ясак в 1671 г. Довольно часто упоминаются (особенно в документах 30-х годов XVII в.) телесы, проживающие у Телецкого озера. Главные кочевья и политический центр телесов находились по южную сторону озера. В то время они управлялись князем Мандраком и затем его сыном Айдаркой. Впервые с них был взят ясак в 1625 г. казаками Сидорко Федоровым да Ивашко Путимцем, которые считали, что «по смете телеских людей 200 человек». Более регулярно они платили ясак с 30-х годов, не уточняя при этом, с какого количества душ вносится то или иное количество пушнины.

В 1633 г. русские казаки из Томска пытались проникнуть на юг, к месту слияния Бии и Катуня, откуда начинается р. Обь. Здесь они предполагали поставить острог. К этому времени Джун-гарское ханство стремилось не только монопольно завладеть населением Горного Алтая, но распространяло на Горный Алтай и территориальные притязания. Построение острога при слиянии Бии и Катуня, как полагали тогда местные русские власти, могло бы с одной стороны содействовать закреплению русского влияния на ясачные волости тубаларов, на тау-телеутов, с другой — защитить их и весь Горный Алтай от порабощения и захвата Джунгарией. Намерениям томских казаков помешал в тот год телеутский князь Абак, кочевавший по правобережью Оби на территории между современными городами Новосибирском и Барнаулом (и даже южнее). Абак дал бой небольшому отряду казаков близ устья р. Чумыша (правый приток Оби выше Барнаула) и вынудил их вернуться. Но в том же году в верховья Бии, вплоть до Телецкого озера, проник с казаками Петр Собанский и взял ясак с телесов, живших у Телецкого озера под управлением князя Мандрака. Собанский вернулся сюда в 1642 г. за ясаком, который ему удалось получить только после сражения с телесами, во время которого князь Мандрак был взят в плен и уведен в Томск заложником. Собанский осмотрел места в верховьях Бии и наметил место при устье р. Лебеди для построения острога, но предложе-

⁵⁴ Там же, стр. 107—108.

ние его не было осуществлено. Позднее томские казаки появились здесь уже в 1646 г. К тому времени князь Мандрак умер в заложниках, и сын его Айдар отказался платить ясак. На этот раз снова произошло военное столкновение, в результате которого телесы были разбиты. Несколько позднее они откочевали в Туву, где дали их соседи *верхние саяны*, управлявшиеся князем Манси (или Манзей). Саянский князь заступался за телесов и помогал им при вооруженных столкновениях с русскими, хотя он сам, как и телесы, в то время находился в даннической зависимости от джунгарского хана. Собирали дань с телесов в этот период и те-леуты. Когда русские сборщики ясака прибыли в 1652 г. на Те-лецкое озеро, они не обнаружили там населения. Оказывается, в это время телеуты увели к себе сопротивлявшегося подданству Русскому государству князя Айдара. Несколько позднее телесы вернулись на свои места от телеутов, и уже с конца 50-х годов XVII в. они значатся в исторических документах как «ясачные люди». Иногда телесы посылали ясак в Кузнецк с челканцами, с которыми они находились в тесном контакте.

В середине XVII в. Джунгарское ханство сумело распространить свою власть и на Горный Алтай и собирало *алман* не только с северных, но и южных алтайцев. Сборщики алмана джунгарского хана, состоявшие часто из телеутских князьков, проникали во все уголки Алтая, выколачивая ценную пушнину и железные изделия.

Из нашего обзора видно, что в XVII в., как свидетельствуют русские исторические документы, на Алтае и его предгорьях с севера жили ближайšie исторические предки наиболее крупных сеоков (под теми же названиями) современных южных алтайцев, составляющих по крайней мере половину их населения, если пользоваться данными переписи 1897 г.⁵⁵ Нам не встретились в указанных выше документах XVII в. только такие названия, как Кыпчак, Кобек, Тонгжоан, представлявшие собой в конце XIX и начале XX в. крупные сеоки южных алтайцев. Однако это не значит, что в XVII в. на Алтае не было предков этих сеоков. Русские исторические источники, естественно, не отражали полностью родо-племенного состава южных алтайцев, тем более, что не все из их предков в то время входили в состав Русского государства и платили ясак.

В результате обзора выявилось также, что Горный Алтай со второй половины XVII в. находился в зависимости от джунгарских феодалов, проникавших на Алтай преимущественно со стороны Тувы. Так, например, в течение ряда лет в 60-х годах XVII в. в Туве пребывали отряды джунгарских тайши Сенге, расположенные в районе Хемчика, где они находились до конца

⁵⁵ К ним относятся, кроме телеутов вообще, Мундус, Годош, Иркит, йаиман, Кергиль, Толес.

его жизни (умер в 1670 г.). После его смерти в верховья Енисея в начале 70-х годов перебрался с берегов Или джунгарский кон-тайши Галдан, носящий еще ламаистский титул *бошокту* (благословенный). Он систематически собирал алман в период своего правления не только с населения Тувы, где находились его отряды, но и с Горного Алтая и Минусинской котловины, где жили енисейские кыргызы. Чтобы дать представление, насколько высоки и разорительны были для хозяйства кочевников поборы скотом в пользу джунгарского хана, сошлемся на донесение кузнецкого воеводы, сообщавшего о пребывании в 1689 г. на Хемчике «за Чо-лушманом и за Алтыней озером (Телецким озером, — *Л. П.*) в трех днищах» Бошокту-хана Галдана, потерпевшего в то время поражение от северных монголов. В отписке воеводы сказано: «Бошокту-хан де стоит в собраньи, из киргиз к Бошухте-хану гонят скотины тысяч с двадцать на прокорм людей его». ⁵⁶ В другом документе 1689 г. говорится о том, как к киргизам приехало трое тайшей в сопровождении небольшого отряда и брали с «киргиз всяким скотом половинный скот, да они де же тайши переписали у них киргиз женского пола вдов и девок для того, что де их калмыцкого тайшу Бошохту-хана развевала казачья орда». ⁵⁷

Документально известно, что Горный Алтай постоянно страдал от поборов джунгарского хана Галдана. В начале 80-х годов XVII в. Алтаем как «контайшиним владением» управлял уполномоченный Галдана «Алтайской земли князец Матур-тайша», ⁵⁸ который был телеутским князем, получившим титул тайши от Джунгарского хана. Зависимость населения Алтая от джунгарского хана Галдана отмечена и в сибирских русских летописях. Вот отрывок из одной такой летописи: «А от Томского же города ... до устья Бии и Катуня стругами полтора месяца. А около тех мест по обеим сторонам реки Оби живут ясачные люди татары и „белые калмаки" (телеуты, — *Л. П.*), ясак же платят черных калмак Богоште-хану и иным тайшам, братьям и сродникам его ханским». ⁵⁹

На основании цитированных документов можно заключить, что полное подчинение Джунгарии телеутов-теленгутов и енисейских кыргызов произошло в 80-х годах XVII в., о чем, кстати сказать, говорится в сообщении И. Унковского. ⁶⁰

⁵⁶ Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), Сибирский приказ, стлб. 1052, л. 82—83. Ср. стлб. 1038, л. 354.

⁵⁷ Там же, стлб. 1052, л. 101—102.

⁵⁸ Исторические акты XVII столетия, в. II, Томск, 1897, стр. 16; ср. Архив Акад. наук СССР, ф. 21, оп. 5, № 152, лл. 291—301.

⁵⁹ Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 393.

⁶⁰ Посольство к зюнгарскому хун-Тайчжи Цэван-Раптану капитана отартиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—24 годы. СПб., 1887, стр. 183. В дальнейшем будем цитировать: «Посольство Унковского».

Посмотрим теперь, как отразились в источниках XVII в. родо-племенные деления современных северных алтайцев. Прежде всего ложно утверждать, что все основные волости тубаларов, известные по переписи 1897 г., упоминаются и в источниках XVII в. Волость Комляшская, или Комношская (в документах она выступает под обоими названиями), числится в ясачных уже в 1629 г.⁶¹ То же самое можно сказать и о Кузенской волости. В 1631 г. эта волость откочевывала в Саяны, но затем снова вернулась. Значится также с 1629 г. среди ясачных и Тиргешская волость, которая с 1703 г. стала именоваться в документах Кер-гешской. Отмечено, что эта волость была связана с телесами и Саянами. В 1642 г., например, она уходила «в телесы» и «в Саяны».⁶² Южская волость тубаларов отмечена как платящая ясак в 1629 и 1630 гг. Более того, в документах встречаются и некоторые подразделения современных тубаларских сеоков, отмеченные нами выше. Таковы Боланская волость (1630—1631 гг.), которую мы в праве сопоставить с тубаларским сеоком «Палан-Комдош», затем Шанжинская волость, в названии которой мы узнаем подразделение сеока Юс—Шанмай. Встречается и Тогу-ская волость, что заставляет нас вспомнить многочисленный сеок Тогус, входивший по переписи 1897 г. в Кергешскую волость тубаларов. Наконец, отметим еще Чигатскую волость, которую мы должны сопоставить с сеоком Чагат, или Чыгат, считающимся вышедшим из телесов. Чагаты, или чыгаты, в 1627 г. жили уже среди тубаларов. Эта волость в XVII в. также иногда уходила «в Саяны». Высказанные выше нами предположения о связи чыгатов, или чагатов, с «джагатами» в XVII в. (а в более раннее время — с чиками) остаются в силе. По некоторым документальным данным XVII в., род (или волость) Тогус входил в состав Тиргеш,⁶³ как это наблюдалось и в конце XIX в., когда сеок Тогус числился в составе Кергешской волости тубаларов как наиболее многочисленный.

Между прочим, судя по сообщению одного документа («до земли Чагат, Тогу и Волан ходу из Кузнецка лыжами 4 недели»),⁶⁴ тубаларские сеоки, или волости, в то время занимали те же самые места, как в конце XIX и начале XX в. Ранние и довольно подробные сведения в изученных нами источниках содержатся о кумандинцах в целом и в отношении тех групп, которые переписью 1897 г. зарегистрированы как сеоки кумандинцев. Первые упоминания о кумандинцах имеются в ясачных книгах Кузнецкого уезда, где они наряду со многими тубаларскими волостями числятся ясачными уже в 1629 г. В это время (вплоть до

⁶¹ Г. Миллер, ук. соч., т. II, стр. 370; В. О. Долгих, ук. соч., стр. 105.

⁶² В. О. Долгих, ук. соч., стр. 107.

⁶³ Там же, стр. ИЗ.

⁶⁴ Г. Миллер, ук. соч., т. II, стр. 586. ' ■ ■ :

1715 г.) еще ничего не говорится о разделении кумандинцев на верхних и нижних. Правда, в 1642 г. администрация Кузнецкого острога отмечает, что часть кумандинцев ушла «в Нижнюю Ку-манду», затем «в Саяны» и даже в «черные и белые колмаки».⁶⁵ Но здесь *Нижняя Куманда* названа не как волость, а как какой-то этно-географический район, наряду с *соенами, черными и белыми колмаками*. Вместе с этим нам известен документ 1653 г., в котором говорится о *малых и больших кумандинцах* и указано их местожительство: «По Бие и по Катуне реке волости Малыя и Большие Куманда».⁶⁶

Едва ли названные волости соответствовали нижним или верхним кумандинцам, так как обитали не по одной, а по двум рекам. Вместе с этим в документе еще имеются представляющие для нас интерес детали. Мы узнаем, что: кумандинцы, жившие по Катуне, в то время были киштымами телеутского князя Коки Абакова (сына Абака), который сам был зависим от джунгарского хана. Живущая по Катуне часть кумандинцев названа просто *Кумандой*. В правдивости сообщения цитированного документа, конечно, сомневаться нет оснований. Значительная часть кумандинцев еще жила оседло по правобережью нижней Катуне, в том месте, где река выходит из Алтайских гор в предгорную степь (перед слиянием с Бией). Наконец, жили кумандинцы и в бассейне р. Инга (правый приток Катуне в низовьях). Позднее, в XIX в., кумандинцы продолжали здесь жить вперемежку с телеутами и постепенно слились с местным русским населением. Память о своем происхождении многие их потомки сохранили до наших дней.

Между прочим, в ряде исторических документов XVII в. Кумандинские волости относятся к Кондомским. На этом основании С. А. Токарев определенно писал, что в XVII в. Кумандинские волости были на р. Кондоме.⁶⁷ С этим нельзя согласиться. В документах XVII в. весьма точно указывается обитание кумандинцев; по рр. Катуне и Бие. Кумандинские волости, судя по документам, составившимся в Кузнецком остроге, относились к числу Кондомских волостей только потому, что из Кузнецка к кумандинцам ездили обязательно сначала вверх по Кондоме, а затем уже из верховий ее попадали на Бию. Кстати сказать, кумандинцы, жившие по Бие во второй половине XVII в., были тоже оседлыми, сеяли ячмень и тоже находились в зависимости от телеутского князя Коки. В документе 1675 г. рассказывается, как сборщики алмана, посланные князем Кокой, проплыли вверх по Бие на одиннадцати лодках в Кумандинские волости, «а назад-де они плыли и те лодки у них насыпаны полны ячменем, а им-де, яшным людям, Кумандинские волости утеснение большое учи-

⁶⁵ Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 107.

⁶⁶ Г. Миллер. История Сибири, т. III, документ № 252.

⁶⁷ С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротшг. М.—Л., 1936, стр. 80—81.

гли, что было ячмени — поотнимали без остатку»,⁶⁸ хотя бийские кумандинцы и были ясачными Русского государства. В предшествующем году сборщики Табунки Кокина посетили шорские волости до р- Кондоме, где «имали на себя алманы ячменем и соболями, и всяким зверем, и железом, и кожами красными и из тех Кондом-ских волостей сплыли к себе в улус». ⁶⁹ Отсюда же видно, что сын Коки князь Табунка так же, как его отец, имел своих кыштымов, хотя сами телеуты в это время находились в подчинении джунгар-ского хана.

На упоминавшейся выше карте С. Ремезова кумандинцы показаны только по р. Бие, между устьями рр. Лебеди и Нени, но с подразделением на *Куманду верхнюю* и *Куманду нижнюю*. Вероятно, это были две территориальные группы кумандинцев, которые позднее администрация г. Кузнецка превратила в волости.

Теперь рассмотрим упоминания в наших источниках об отдельных кумандинских сеоках, зарегистрированных переписью 1897 г. Начнем с такого характерного для современных нижних кумандинцев сеока, как Чабат. Наиболее ранние сведения об этом сеоке как об ясачной «волости» Кузнецкого уезда относятся к 1629 г. В 1636 г. волость Чабат (с семьями) вместе с Южской волостью откочевывала «в черные колмаки». В 1653 г. кузнецкий казак «Поспелко с товарищи», отправившись вверх по Кондоме, сыскал «за Биею рекой чебатских мужиков», которые «государева-де ясаку не плачивали». ⁷⁰ Из этого следует, что в середине XVII в. чабаты жили в районе р. Бии (по левобережью).

Сеок Со, или Солу, у верхних кумандинцев, как справедливо полагает Б. О. Долгих, в русских документах XVII в. именуется Солунской волостью, которая становится известной кузнецкой администрации с 1630 г., но попадает в список ясачных волостей Кузнецкого уезда только с 1650 г., несмотря на то, что попытка объяснить эту волость была предпринята еще в 1643 г., когда казаки из Кузнецкого острога находились в Кузенской волости, в двух «днищах» от Солунской волости, считавшейся тогда захребетной. Любопытно, что в документе 1906 г., когда уже хорошо был известен родовой состав кумандинцев и названия их родов, значится сеок Солу, ⁷¹ в чем нужно видеть подтверждение догадке Б. О. Долгих о тождестве современного сеока Со и Солунской волости XVII в.

Сеок Тастар именовался в XVII в. Тастарской волостью. Тас-тарская волость появляется в ясачных книгах Томского уезда в 1661 г. Она отнесена была к числу Томских горных порубежных волостей. Жители ее иногда (1661, 1681 гг.) убегали от кыргызов на р. Томь в Тюлюберскую волость. Тастарская волость не упоми-

Дополнения к Актам историческим, т. VII, стр. 339—340. Там же, стр. 332.

Г. Миллер. История Сибири, т. III, документ № 242. Барнаульский архив, дело № 142, связка 18.

нается вместе с какой-либо бесспорно Кумандинской волостью Вероятно, наше мнение о позднем вхождении сеока Тастар в состав нижних кумандинцев вполне справедливо.

Нам остается в связи с кумандинцами сказать еще о Керсагальской волости. Сеок Керзал указан в составе верхних кумандинцев в упоминавшемся выше документе 1906 г. Б. О. Долгих считает керсагалов частью нижних кумандинцев еще в XVII в., хотя доказательств этому не приводит.⁷² Мы полагаем, что относить керсагалов к кумандинцам нет оснований. Исследователи и путешественники XIX и XX вв., посетившие кумандинцев, этого сеока у них не зафиксировали, хотя память о керсагалах у современных кумандинцев сохранилась. Это вполне объяснимо, так как повествования о некоторых событиях, племенах, даже отдельных исторических лицах, относящиеся к XVII в., хорошо сохранились в народной памяти современных алтайцев, в чем мы неоднократно убеждались. Помнят керсагалов и некоторые кумандинцы до сих пор. Ими пугают иногда маленьких расшалившихся детей: «Вот придет керсагал и заберет тебя».⁷³

Нет каких-либо заслуживающих внимания данных в исторических источниках, которые бы давали возможность доказать принадлежность керсагалов к кумандинцам в XVII в. При изучении этих документов создается убеждение, что керсагалы не входили в состав кумандинцев. Вот некоторые факты, говорящие против принадлежности керсагалов к кумандинцам. В числе ясачных волостей Кузнецкого уезда Керсагальская волость появляется только в 1650 г., в то время как все кумандинские волости, одноименные с сеоками, в ясачных книгах числятся как плательщики ясака уже с 1629 г. В документе 1675 г. керсагалы перечисляются не с кумандинскими волостями, а с телеутскими. Вот этот текст: «В прошлом-де во 183 году (1675 г., — Л. П.) зимою до весны до полые воды были во всех волостях, на Кондоме реке и в Таганской, и в Тогульской, и в Азкыштымской и в Керсагалской волостях белые калмыки вора Табунки Кокина улусные его лутчие люди и братья, и племянники человек с шездесят и болшы и с ясашных людей имали на себя алманы ячменем и соболями, и всяким зверем, и железом, и кожами красными, а из тех Кондом-ских волостей за лдом сплыли к себе в улус».⁷⁴ В документе же 1676 г. сказано вполне определенно, что Керсагальская волость находилась по р. Катуня (вер'оятно, в низовьях): «Пришел с Ка-туни реки из Керсагальской волости лутчий человек татарин Ба-башко, и в Кузнецком... сказал: в прошлом-де 183 г. в августе месяце, в которую пору жали ячмень, пришел к ним в Керсагаль-скую волость из-за Катуня реки с вершины Алия реки черный

⁷² Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 112.

⁷³ Личное сообщение П. И. Каралькина, кумандинца по национальности.

⁷⁴ Дополнения к Актам историческим, т. VII, стр. 332.

ПО

алмык Соокунь с товарищи со всем своим кочевьем». Далее идет дедующий текст: «Во 184 году осенью, в октябре месяце, по последнему водяному пути, в заморозы, ехали мимо их Керсагаль-ской волости вверх по Бие реке, белые калмыки Бачикова улуса люди в одиннадцати лодках в Кумандинские волости», и т. д.⁷⁵ Отсюда можно заключить, что в середине 70-х годов керсагалы даили по левобережью Бии, близ слияния ее с Катунью, т. е. практически в верховьях Оби.

В списках ясачных волостей в первых десятилетиях XVIII в., зафиксированных Г. Миллером, эта волость уже не числится, хотя Кумандинская имеется. Ремезов показал ее между устьями Бех-темира и Нени (близ Бийска). Мы считаем, что керсагалы, как орчаки и кужугеты (или кучугуты), принадлежали к тувинским племенам, которые только временами прикочевывали в Приобские степи, а затем уходили к себе за Саянские горы, в долину Хема и Хемчика. И в настоящее время в Туве проживает значительная группа керзалов (или карсалов), которые являются потомками керзалов русских документов XVII в. Тувинские племена кочевали временами не только в Приобских степях, но и в Горном Алтае. В начале 50-х годов XVII в. на Алтае, в долине Катуня, кочевали прибывшие из Тувы саяны, мингаты, точи. Они искали здесь убежища от монгольских феодалов и находились в контакте с телесами. Князь Самарган, управлявший саянами, обращался даже к царским властям с просьбой построить русский острог при слиянии Бии с Катунью для защиты их. Просьба его тогда не была удовлетворена, и они вынуждены были платить алман чоросскому Чекур-тайше (сыну Хара-Хулы).⁷⁶ Судя по более поздним документам, они продолжали находиться под властью Джунгарии и в 1675 г. и входили в ведомство телеутского тайши Матура, находившегося на службе у джунгарских владетелей.

Челканцы становятся известными по русским письменным источникам, как говорилось, в первой четверти XVII в. В 1625 г. русские казаки Федоров и Путимец, посланные «в Телескую землю и в Щелканы», сообщили: «В Щелканской волости по смете 20 человек, а ясаку с них взяли на тебя государя 20 соболей вновь».⁷⁷ В ясачных книгах Кузнецкого уезда с 1629 г. отмечается, как ясачная, Щелканская волость.⁷⁸ В 1642 г. часть челканцев и тиргешей уходила в Телесы, с которыми челканцы были тесно связаны, и в Саяны, видимо, к «верхним саянцам», живущим за Телецким озером. Челканцы, как и некоторые другие племена, жившие по Бие, часто в документах XVII в. относятся к Кондом-ским волостям, по причинам, о которых уже говорилось выше.

⁷⁵ Там же, стр. 339.

⁷⁶ Там же, т. III, стр. 319; Г. Миллер, ук. соч., т. II, стр. 534.

⁷⁷ Н. О г л о б л и н. Обозрение столбцов Сибирского приказа, т. I. М., 1895, стр. 115.

⁷⁸ В. О. Д о л г и х, ук. соч., стр. 106.

Разделения челкашцев по сеокам в изученных документах мы не нашли. Б. О. Долгих считает челканцев как территориально обособившуюся часть кумандинцев или как часть шорцев. Но для этого нет фактических данных. Челканцы хотя и живут на своих теперешних местах, по крайней мере с XVII в., однако их можно считать, если иметь в виду сеок Шакшалыг, пришлым элементом (от телесов), если же говорить о сеоке Чалканыг, то он имеет общее происхождение с тубаларским сеоком Кузен (Кузенская волость). Доказательства этому приводились выше в связи с анализом конкретного этнографического и исторического материала в данных переписи 1897 г.

Итак, обзор письменных источников показывает, что современные северные алтайцы являются потомками ясачного населения XVII в., обитавшего в этих местах, под этими же названиями. Русские названия ясачных волостей и земель XVII в. были несомненно собственными родо-племенными названиями северных алтайцев (но в русском произношении). Они сохранились до нашего времени. В связи с рассмотрением вопроса об исторических предках алтайцев по письменным документам XVII в. нельзя не отметить тесной связи в это время между северными алтайцами, телесами и жителями северо-западной Тувы — Саянами, которые называются в русских источниках *верхними Саянами*. Речь идет, вероятно, о тувинских саянах, обитателях бассейна Алаша, оз. Кара-Холь и, вероятно, района Монгун-Тайги в Западной Туве. Нетрудно заметить, как часто в цитированных выше документах говорится об уходе той или иной группы северных алтайцев, или телесов, «в Саяны». Близость языка, общность культуры и быта, как и наличие горных проходов, весьма содействовали таким связям и способствовали даже смешению населения.

Мы можем в общих чертах проследить судьбу ближайших исторических предков алтайцев и в XVIII в. Но для этого следует вернуться к некоторым политическим событиям в истории Южной Сибири.

Джунгарское ханство как государство начало расти и крепнуть при Батур-хане, который, будучи занят укреплением ханской власти в Джунгарии, поддерживал с Русским государством мирные отношения. Он не проявлял вначале монопольных тенденций в обложении алманом местного ясачного населения Южной Сибири, хотя настойчиво отстаивал идею двойного обложения натуральными поборами, как со стороны России, так и со стороны Джунгарии.

После смерти Батура политику консолидации западномонгольских сил и укрепления Джунгарии продолжал его сын Галдан, который сталкивался с большими трудностями. Галдан пытался расширить владения Джунгарии. Он хотел присоединить к ней Халху, но потерпел неудачу, и Халха оказалась под властью Маньчжурской династии Китая. Осуществляя план относительно

X-лхя, он перенес ханскую ставку из долины р. Или сначала Туву^в долину р. Хемчика (1673 вг.), позднее в низовья Кобдо Г1688 г.)- Вся Тува, енисейские кыргызы и весь Горный Алтай, за исключением некоторых районов северной части, где жило ясачное население, входившее в состав Кузнецкого уезда, оказались тогда под властью Джунгарии. Большинство ясачного населения вынуждено было платить алман джунгарскому хану. Вооруженное сопротивление этому временами оказывали, как говори-тось выше, только телеутские улусы под главенством Коки Абакова и его братьев, которые иногда сражались с джунгарами, не только противясь тому, чтобы быть киштымами джунгарского хана, но и стремясь иметь своих собственных киштымов, в частности кумандинцев, шорцев, челканцев и некоторые телеутские ясачные волости (Тогульская, Аскиштымская и прочие волости). Потерпев поражение от Маньчжурской, или Цинской, империи и проиграв войну, Галдан покончил жизнь самоубийством в 1697 г. При его преемниках Цэван-Рабдане (1697 —1727 гг.) и сыне последнего Галдан-Церене (1727 —1745 гг.) Джунгария достигла большого могущества. Она подчинила себе Старшую и Среднюю орду казахов, ряд городов восточного Туркестана: Кашгар, Аксу, Турфан, Яркенд и др. Ее территориальные притязания необыкновенно разрослись. Были они обращены и к России. Цэван-Рабдан, например, заявил русскому послу И. Чередову в 1713 г., что города Томск, Красноярск, Кузнецк построены на джунгарских землях и должны быть снесены, в противном случае он возьмет их силой. Из этого видно, что джунгарский хан не только шел наперекор исторической правде, но был далек и от объективной оценки реальной обстановки. Несвободен был от этих недостатков и его преемник Галдан-Церен. Однако особенно настойчивы и требовательны были оба последних джунгарских хана в отношении ясачного населения Южной Сибири. Если при жизни Галдана (1688 г.) его брат Сенге довольно решительно заявлял, что ясачное население Южной Сибири (в частности, Красноярского уезда) «деда и отца моего ясашные люди» (т. е. Хара-Хулы и Батура-контайши), ничуть не смущаясь тем, что это по меньшей мере искажало исторические факты, то Галдан-Церен уже предъявил Русскому государству требования монопольного владения ясачным населением Томского, Красноярского и Кузнецкого уездов. Нет необходимости доказывать, что все эти беспочвенные требования Джунгарии не получили удовлетворения. Решить же эти вопросы при помощи оружия джунгарские ханы, разумеется, не осмеливались.

Не добившись дипломатическим путем и применением угроз Желательного результата, Цэван-Рабдан предпринял насильственную акцию в отношении наиболее многочисленного населения Южной Сибири, телеутов и енисейских кыргызов. Кыргызская акция хорошо освещена в различных источниках. Цэван-Рабдан

послал в Минусинскую котловину в 1702 г. сильный отряд в 2.5 тысячи воинов, который увел принудительно енисейских кыргызов в Джунгарию.⁷⁹ Кыргызов было переселено «полутысячи с три дымов», т. е. полторы тысячи кибиток (свыше 6 тыс. душ обоего пола). С кыргызами переселились частично и их некоторые киштымы. В Джунгарии кыргызы составили особый оток численностью в 4 тыс. кибиток, управляемый четырьмя зайсанами, но под контролем джунгарского хана. Телеуты тоже были насильственно переселены в Джунгарию, хотя этот вопрос совершенно не освещен в исторической литературе. Переселение проводилось по распоряжению Цэван-Рабдана, о чем он и сказал в 1716 г. в разговоре с русским послом И. Чередовым.⁸⁰ Джунгарский контайша подчеркнул тогда, что он освободил спорные территории от кочевавших там кыргызов и телеутов для устранения конфликтов, возникавших будто бы из-за их подданства Джунгарии. В разговоре с послом И. Унковским джунгарский хан также упомянул однажды о том, что телеуты раньше жили «около Оби реки, и оных-де с две тысячи побили и побрали, а достальные-де сюда ушли».⁸¹

Факт административного переселения в Джунгарию в начале правления Цэван-Рабдана и полной зависимости телеутов хорошо устанавливается не только со слов джунгарского хана, но и по некоторым другим историческим материалам. В челобитной теле-утского князя Байгорока Табунова (внука Коки Абакова и сына Табунки Кокина) от 18 января 1722 г., поданной на имя русского царя через Тобольскую губернскую канцелярию, представляющей собой жалобу на бывшего коменданта г. Кузнецка Б. Синя-вина, говорится: «В прошлых-де годах прародители его (Байго рока, — Л. П.) все жили в калмыцкой урге (ставка джунгарского хана, — Л. П.) под владением тамошних владельцев многие годы. А дед его, когда была при Томску служба, с Киргизы служил его императорскому величеству с русскими служилыми людьми. а с подчиненными своими служилыми же Калмаки с тысячью человеки. И поручил он под высокую его императорского величества руку оную Киргискую землю и взял аманатов и привез к отдаче в Томск. А он, Байгорок, служил в калмыцкой урге и жил в Обских краях князцом, имел у себя подданных ему служилых Калмыков 3000 дымов».⁸² В челобитной рассказывается о некоторых поручениях джунгарского хана, которые приходилось выполнять телеутскому зайсану Байгороку как служебному лицу. Например, он выезжал с отрядом телеутов в тысячу человек по

⁷⁹ Л. Н. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности, стр. 161—168.

⁸⁰ И. З л а т к и н, ук. соч., стр. 347—348.³¹ Посольство Унковского, стр. 136.

⁸² Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II. СПб., 1885, стр. 295— 297. Урга — ставка джунгарского хана.

оиказу контайши к Ямышеву озеру «для охранения его импера-орского величества казны и русских людей от Казачьей орды, и том радение свое казал, и никаковы порухи над оной казной и к людям от них Казачьей орды в той Ямышевской степи не бывало».⁸³ Упоминаемый в челобитной дед Байгорока — это князь Абак, который в первой четверти XVII в. действительно участвовал в походах из Томска на енисейских кыргызов. Дедом он назван, конечно, неправильно. Он был прадедом Байгорока, но при переводе с телеутского языка общий термин, означающий и деда и прадеда и прапрадеда (у телеутов была классификационная система родства), был переведен по-русски как «дед».

Нет никаких оснований сомневаться в насильственном переселении телеутов в Джунгарию. Другое дело — мотивы такого переселения. Едва ли говорил правду Цэван-Рабдан, объясняя переселение енисейских кыргызов и телеутов к себе с целью «улучшения отношений» с Русским государством. Вероятно, более прав был тот пленный томский татарин, с которым повстречался в лесу житель г. Тары Михаил Заливин (находившийся в составе посольства И. Унковского в ставке Цэван-Рабдана), сообщивший Заливину «и для того киргизов и теленгутов контайша к себе забрал, чтобы от него не ушли».⁸⁴

Остается только неизвестным, когда произошло насильственное переселение телеутов в Джунгарию. Хотя несомненно случилось оно в первые годы правления Цэван-Рабдана, но когда точно, мы не знаем. Казалось бы, ответ можно усмотреть в документе 1699 г., в котором русские служилые люди, приехавшие из Томска, Красноярска и Кузнецка, докладывали, что «кыргызы и телеуты — это Араптана-де контайшины люди».⁸⁵ Но из такого сообщения еще не ясно, были ли в это время переселены телеуты, так как кыргызы, например, в 1699 г. жили еще на своих местах. К этому времени, видимо, большая часть телеутов, находившаяся под властью Коки Абакова и его сына Табуна, кочевала в верховьях Алея, т. е. на территории, захваченной джун-гарскими ханами. В Томский уезд телеуты приходили лишь для разбоя. В один из таких набегов в 1700 г. они разграбили *белых калмыков*, живших у Оби, «сожгли их улусы, угнали скот и пленных»,⁸⁶ И все же решить вопрос о годе насильственного переселения телеутов на основании таких фактов не представляется возможным.

По китайским источникам,⁸⁷ телеуты в количестве 4 тыс. кибиток-юрт составляли в Джунгарии отдельный оток, которым

⁸³ Там же.

⁸⁴ Посольство Унковского, стр. 93.

⁸⁵ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I. СПб., 1885, стр. 6 и 11. TM Архив Акад. наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 152, лл. 232—281 об.

Иакинф. Историческое обозрение ойратов. СПб., 1854, стр. 132.

управляли четыре телеутских зайсана, как мы знаем, с наследственной властью; одним из них в начале 20-х годов XVIII в. и был Байгорок Табунов (правнук Абака). Общая численность телеутов, проживавших в основном в Джунгарии, составляла около 20 тыс. человек, если принять, как обычно, коэффициент 5 чел. для юрты-семьи. Посол И. Унковский, побывавший в Джунгарии в 1722—1724 гг., не сообщает численности, а пишет: «Под его контайшиным владением обретаются разные народы, а именно, его настоящий народ, именуемый зюнгары, киргизы, урянхайцы, теленгиты и мингаты, . . .».⁸⁸ Кыргызы, переселенные с Енисея, также составляли оток в 4 тыс. кибиток и управлялись тоже четырьмя зайсанами, а тувинцы-урянхайцы числились как ханство, но какое количество юрт у них было, не сказано. Мингаты, упомянутые Унковским, были в свое время угнаны в Джунгарию из Тувы, из долины Хемчика. В Джунгарии они числились отдельным отоком в 3 тыс. кибиток и управлялись двумя зайсанами.⁸⁹ Косвенно можно судить о значительной по тем временам численности телеутов-теленгутов и по сообщению (1723 г.) Коменданта Усть-Каменогорской крепости о прибытии в крепость 9 теленгутов для торговли (скот и шкурки соболей), которые рассказали: «Отпущены-де они от Конташни кочевать в прошлом 720 г. по Убе и Иртышу рекам, и в оных де местах кочует их человек с тысячи три».⁹⁰ Три тысячи человек — только одна группа телеутов, которой разрешено было кочевать на правом берегу Иртыша у Западного Алтая, — это немалая цифра. Сопоставим с ней 3000 юрт обских телеутов, которыми ведал зайсан Байгорок Табунов. А если взять более поздние данные, отражающие уже в той крайней мере полувековое существование телеутов после переселения их в Джунгарию, то цифра численности еще повысится. Из письма одного телеутского зайсана на имя царицы Елизаветы Петровны (1756 г.) мы узнаем, что когда начался разгром Джунгарии войсками Цинской династии, телеутские зайсаны бросились бежать из Джунгарии в Южную Сибирь (на свою прежнюю родину) и направились к русским крепостям, граничившим с Алтаем. По дороге на них неоднократно нападали китайские войска, и все же «с пять тысяч кибиток на лошадях и верблюдах едва и живот свой бегом спасли, потом и к российским границам с немалым нспешением стали прибли-

⁸⁸ Посольство Унковского, стр. 193.

⁸⁹ После начавшегося падения Джунгарии, последовавшего за смертью Галдан-Церена (1745), мингаты вместе с телеутами начали выселяться из Джунгарии на родину. Часть их достигла Тувы и смешалась с другими родо-племенными группами. В районе Кобдо (в Зап. Монголии) имеется целый хошун мингатов, омонголившихся по языку и в значительной мере по культуре и быту. Они описаны Г. Потаниным (Очерки Северо-Западной Монголии, тт. II, IV).

⁹⁰ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 435.

жаться».⁹¹ Следовательно, в это время только возвратившиеся телеуты уже насчитывали примерно 5 тыс. кибиток. Таким образом, наиболее многочисленные племена Южной Сибири: телеуты, енисейские кыргызы и тувинцы (в том числе и мингаты) — в эпоху расцвета Джунгарского ханства были в его полном подчинении, причем кыргызы и телеуты даже были переселены в Джунгарию, как, впрочем, и некоторые тувинцы, в частности мингаты.

Мы приведем еще некоторые документальные свидетельства подчинения телеутов джунгарскому хану, зайсаны которых не только несли у него службу по управлению соплеменниками, но и собирали алман с алтайцев, обитавших в Горном Алтае (тау-телеутов в частности, затем кочевавших по р. Кану, в окрестностях оз. Каракол, и т. д.).

В документе 1710 г. рисуется картина сбора алмана от имени джунгарского хана телеутским тайшой Байгороком, о котором уже было сказано выше. О нем есть упоминание как о вассале джунгарского хана и в путевом журнале И. Унковского. В 1712 г. с кумандинцев собирал алман по поручению джунгарского хана телеутский князек Дюренг. Он собирал алман с кумандинцев и в 1713 г., но был прогнан Григорием Рыхлевским и даже бросил алман. Затем Дюренг появлялся у кумандинцев и челканцев еще в 1752 г., как «зенгорский сборщик алмана». В этом году башлык Нижне-Кумандинской волости Акучай Истегечев и башлык Верхне-Кумандинской волости жаловались в Бийске, что прежде Дюрень брал по 2—3 соболя с каждого человека, а теперь требует по 6 соболей, у кого же нет соболей, берет лошадьми, «и в том-де недоплат алману бьет их немилостиво». В документах 1713 и 1718 гг. говорится о жестокостях при сборе алмана у северных алтайцев телеутским князем Манду, посланным джунгарским ханом. В 1713 г. этот телеутский князь был прогнан от шорцев «боярским сыном» Федором Сорокиным, а в 1718 г. он снова появился и «во всех ясачных волостях с ясачных татар велел готовить на Контайшу алман, всякому человеку по 30 по-лиц куяшных да по 30 стрельных железцов, по два горшка железных, по наковальню, по 2 молота да по клещам, и в подгорной, Забийской волости людям угрожали: буде выше помянутого алмана всего не изготовят, и за то их ясачных хотел перевешать и хлебы их пожечь, и о том в Кузнецке от них ясачных иноземцев есть многие избиты».⁹² В 1745 г. в долине Маймы собирал алман на джунгарского контайшу телеутский зайсан Пуктуш (из сеока Мундус).⁹³ Все эти телеутские князья жили в Джун-

⁹¹ Омекий областной архив, ф. 1, оп. 1, д. 47, св. 22, л. 242. См.: ¹ Е. Тадыев, ук. соч., стр. 23.

Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 319. •-■
Томские губернские ведомости, 1859, № 1.

гари и приезжали на Алтай в порядке «службы» джунгарскому хану, грабя и притесняя местные, часто близкородственные телеутам, племена и роды. Джунгарский хан был полновластным владельцем телеутов-алтайцев. Он не только распоряжался их кочевьями, но и назначал им зайсанов. Он не считался и с тем, что алтайские зайсаны передавали свою власть по наследству, и изменял этот порядок по своему усмотрению, когда находил нужным. Известен, например, факт, когда Галдан-Церен в 1739 г. лишил зайсанства алтайского зайсана Бобоя и сделал зайсаном его двоюродного брата Гулчугая, а Бобоя (или Бабая) оставил помощником Гулчугая.⁹⁴

Пребывание телеутских или алтайских зайсанов в ставке джунгарского хана упоминается в ряде документов. Телеутский зайсан Бату-Менко разговаривал с русским посланником майором Л. Угрюмовым будучи в ставке Галдан-Церена в 1731—1732 гг., рассказывая ему о победах над китайскими войсками в 1730—1731 гг.⁹⁵ В походах джунгарского хана несли военную службу и алтайские зайсаны. От алтайцев, кочующих по р. Кану и близ оз. Каракол (ныне Онгудайский и Усть-Канский аймаки), стало известно в 1745 г., что их зайсаны Омбо, Мамый и Кутук уже второй год находятся в ставке джунгарского хана.⁹⁶

Относительно расселения некоторых групп южных алтайцев около половины XVIII в. имеются довольно подробные данные, особенно телеутов. Но прежде чем сообщить материалы о расселении телеутов, следует сказать, что для рассматриваемого времени имеются достоверные данные об обитании чатов. Этим мы обязаны Великой Северной экспедиции, когда ее участник Г. Миллер, студент С. Крашенинников и др. проехали в 1734 г. от Кузнецка до Томска по р. Томи и собрали точные сведения о расселении ряда тюркоязычных групп, в том числе и о чатах. Чат-ские «татары» жили по обоим берегам Томи от села Зелеево на юге, почти до Томска. Их селения назывались *юртами* (Константиновы юрты, Муратовы, Токмашевы, Казанские и др.). Таких селений в Томском уезде было 10. В двух из них имелись мечети (Муратовы и Казанские юрты).

Теперь вернемся к телеутам. Если большая часть телеутов все еще проживала в Джунгарии, то некоторые их группы жили и в Кузнецком уезде. Г. Миллер, посетивший Южную Сибирь, сообщает (1735 г.) о Телеутской волости, или «волости белых калмыков», которая находилась на территории между Кузнецком (от Рождественского монастыря) до устья р. Ускат. В это время здесь числился 151 плательщик ясака. Из реестра деревням от Кузнецка вниз по Томи до Томска, составленного в экспедиции

⁹⁴ П. Е. Т а д ы е в, ук. соч., стр. 10.

⁹⁵ И. Я. З л а т к и н, ук. соч., стр. 368—369.

⁹⁶ Омский архив, ф. 1, оп. 1, д. 4, лл. 142—143. См. ссылку: П. Е. Т а-д ы в в, ук. соч., стр. 18.

г Миллера студентом С. Крашенинниковым, описывающего только ечения, находившиеся по берегам Томи (впережку с рус-скими), следует, что некоторые селения телеутов назывались тогда *юртами*. Таковы, например, Тытыковы, Поросенковы, Каш-наковы (юрты) в которых обитали «телеуцкие татары».⁹⁷ Многие из них уже были крещены, и путешественники называют их «крещеными татарами» (например, выше и ниже русской деревни Кемеровой). По р. Бочату и в верховьях Чумыша была Кыштымская волость (63 плательщика ясака).⁹⁸ По р. Чумышу, вниз до русских деревень, обитало население Тогульской волости (31 плательщик ясака). Волость называлась, как сообщает Г. Миллер, по речке Тогул, впадающей в Чумыш с востока. Это, конечно, были телеуты, которые кочевали здесь и в XVII в., когда находились в улусе князя Абака. Из этой волости часть населения перекочевала в бассейн Бии к тубаларам, где получила наименование *Ялан* и стала сеоком среди тубаларов, о чем говорилось выше.

Академические путешественники отметили по пути своего маршрута чатских и тюлиберских татар. Селения последних также назывались *юртами*. Таковы были, например, Мамышевы или Ширины юрты в районе притоков Томи, речек Терсей, Ко-кошниковы юрты, Сустанаковы юрты. Тюлиберские татары обитали, следовательно, в западных предгорьях Кузнецкого Алатау, на восток от современного г. Ленинска-Кузнецкого, южнее г. Кемерово. Г. Миллер определяет местообитание волости по р. Томи от р. Ускат и вниз до впадения р. Мунгат. Судя по этнографическим данным, сообщенным по собственным наблюдениям С. Крашенинниковым, тюлиберские татары относились к телеутам. Одним из ярких признаков, сохранявшихся почти до наших дней у телеутов Горного Алтая и у *бочатских телеутов* (по рр. Большой и Малый Бочаты), позволяющих отнести тюлиберских татар к телеутам, следует признать наличие у их жилищ жертвенников из березок. Вот как это описано С. Крашенинниковым, побывавшим в Сустанаковых юртах: «Тут же мы видели У трех дворов по 4 березки поставлены, на восток наклоненные, из которых на трех обрески китайчетые, стамедные, хамовые и зенденные навешены, а на четвертой, передней из них, повешена заячья кожа, на всех лапах его, близ лап, лоскутки красные привязаны. У сих березок оные татары по всякий год жертву приносят богу, наваривши браги великую кадь, и, к тем березкам вынесши, на них льют, и сами пьют, и таким образом бога молят. . . Они . . . , камов имеют, у них всех есть инструмент, который русские бубном, а они тюрю называют, обод у него как

⁹⁷ С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. (Подготовлены к печати проф. Н. Н. Степановым). М.—Л, 1966, стр. 38—39. Г. Миллер. Описание Кузнецкого уезда. Центральный гос. архив Древних актов (ЦГАДА) в Москве, ф. 199, д. № 1, лл. 1 и 2.

у сита, на одной стороне кожа как на барабане натянута. Внутри его вдоль сделана толстая палка, а посередине его, где рукой держать, тоне выделано. Сквозь оную палку продет железный прут, на котором железны повешены. В сей инструмент бьют колотушкой зайчиною».⁹⁹

Из этого толкового описания ясно выступает типичное теле-утское жертвоприношение *яик* с характерным для него шнурком с цветными лентами и шкуркой белого зайца посередине, протянутым между березок, а также телеутский тип шаманского бубна с колотушкой, обтянутой шкуркой зайца. Между прочим, в Су-станаковых юртах С. Крашенинников наблюдал весьма любопытную деталь: «Тут видели мы девку, которая 4 косы имеет, по две на стороне . . . спрашивая, для чего сия девка от девок и баб разнствует, понеже у девок кос по 10 и по 20 имеют, а у баб только по две, по одной на стороне заплетаются, узнали, что эта девка зговорена и для того 4 косы имеет, а когда уже замуж выдет, то ей те 4 косы в две заплетают. Бабы татарские и девки сверх волосов' мужские шапки надевают».¹⁰⁰

Таким образом, правобережье Оби почти до Томска и побережье Томи от Кузнецка до Томска были областью расселения телеутов.

Тау-телеуты и северные алтайцы жили на своих обычных местах в Северном Алтае, но были двоеданцами. Кроме ясака, они платили алман и джунгарскому хану, собиравшийся обычно телеутскими князьками. В журнальной записке рудоприемщика П. Шелегина, заведующего правительственной экспедицией, направленной на Телецкое озеро в 1745 г. «в целях исследования земель и выяснения народов, обитающих за Колывано-Воскре-сенской пограничной линией», перечислены: 1) «двоеданцы ясаш-ные татары тау-телеутских юрт, кочующие по р. Майме», 2) «двоеданцы ясашные тау-телеутские татары, кочующие по р. Ише», 3) «южские татары, кочующие по р. Сары-Копше (Сары-Кокша, — Л. П.), которая течет из-под хребта Катунского с полдня на север в р. Бию», 4) «комляжские татары, кочевавшие вверх по Бие», 5) «ясашные кергежские татары», б) «телеутские татары, кочующие около устья Чулышмана», 7) «около устья Лебеда имеющие стойбища Кумандинские татары».¹⁰¹ Телесы здесь ошибочно названы телеутскими татарами.

Более подробно и точно о северных алтайцах говорится в рапорте Кузнецкого воеводы Шапочникова от 10 августа 1745 г.: «По обе стороны Бии реки, под самой рекой, живут ясашные двоеданцы в следующем порядке: 1) волость Кумандинская, от Кузнецка 140 верст, дорога гориста и чернолесна, и потому пере-

⁹⁹ С. П. Крашенинников в Сибири, стр. 50.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Архивное дело Алтайского округа за № 32.

езжают это расстояние в 3—4 сутки, из Бийска же в 1 сутки; б этой волости ясашных 110 человек; 2) выше по Бии — вторая, Кузенская волость: от Кумандинской в 20 верстах, в ней ясашных 46^{чел.} - •••> 3) Комляжская волость, в 50 верстах: ясашных 51 чел. .. •; 4) Кергешская волость от Комляжской в 10 верстах, при самом Теленком озере: ясашных 43 человека, <от Кузнецка до Кергешской волости будет 220 верст, а езды от Кузнецка 7, из Бийска 3 суток; 5) от Кергешской волости два дне ходу лодками до двоеданцев, живущих по ту сторону Телецкого озера, вместе с зенгорскими калмыками; 6) от Кумандинской же волости 60 верст до Тау-Телеутской волости, которая кочует по берегам Катуня и по Майме, которая бежит от каменистых гор между Бией и Катунью и впадает в последнюю. . . На здешней же стороне Бии (на правой, — *Л. П.*), по Чернолесью, живут двое-данцы Шелкальская волость. . . Юсская волость... до них от Кузнецка езды 2—5 суток. . .».¹⁰²

Из обоих документов, процитированных выше, совершенно очевидно, что ясачные северные алтайцы, в частности тубалары, и в середине XVIII в. не изменили своего местожительства, хотя часто были вынуждены платить алман также джунгарскому хану, Интересны данные и об алтайских, или горных, телеутах, которые оставались в Алтае на тех же местах, как и в XVII в., о телеутах чулышманских, видимо о телесах, и т. д. Оба цитированные документа ничего не сообщают о существовании Тибер-ской волости. Название Тиберской волости нам встретилось однажды в документе, датированном 10 ноября 1720 г., где упоминается «Тиберской волости ясашной татарин Боошты Ко-быкаев, посетивший Кузнецкую канцелярию». Больше ни разу Тиберская волость в известных нам различных исторических актах XVII и XVIII вв. не упоминается. Очевидно, она не была все-таки административно податной ясачной волостью, а назван волостью сеок тубаларский Тибер, входивший, вероятно, и тогда в Кергешскую, или Тиргешскую, волость.

Приведем некоторые данные о волостях северных алтайцев еще по материалам «Рукописного описания» офицера Плаутина, относящимся также к 1745 г. Здесь говорится уже о разделении кумандинцев на Нижне-Кумандинскую и Верхне-Кумандинскую волости. В землях Нижней Кумандинской волости находилась Саганская переправа через Бию, в 30 верстах от Бийска, через которую ездили сборщики алмана в двоеданческие волости на Кондому и Мрассу. О Верхне-Кумандинской волости почему-то Ничего не сказано. Из материалов Плаутина относительно тубаларских волостей к тому, о чем говорилось выше, можно добавить немного. Кузенская волость находилась по обе стороны Бии, выше

¹⁰² Материалы по истории Сибири. Чтения в Обществе истории и древностей Российских..., кн. 4, М., 1866, стр. 88—89.

Кумандинской, начинаясь в 23 верстах от устья р. Кемзы (выше устья Лебеди). Кузенцы сеяли яровой хлеб и горох. Из скота держали только лошадей. Таким образом, предание, на которое мы ссылались выше, записанное нами у тубаларов и челканцев о том, что кузенцы жили раньше близ Лебеди, у горы Актыгана, но переселились оттуда на левобережье Бии для того, чтобы разводить скот, подтверждается материалами Плаутина. Выше Ку-зенской, в 22 верстах от истоков Бии, была Комляжская волость, и за ней по обоим берегам Бии и по обоим берегам Телецкого озера до середины располагалась Кергежская волость. Она граничила с телесами (у Шелегииа они названы телеутами), занимавшими верхнюю часть озера. Здесь также сеяли различный яровой хлеб, а из скота имели только лошадей. Через эту волость у истоков Бии проходила тогда «калмыцкая дорога в Зен-горию».

Южская волость в рукописных материалах Плаутина не упоминается.

Шелкальскую волость он характеризует следующим образом: «Шелкальская волость начинается от р. Кондомы (от верховьев, — Л. П.) и лежит по обоим сторонам среднего течения р. Лебеди; платят ясак в Россию и алман в Зенгорию, но судом и расправою состоят ближе к России. Скотоводство заключается в разведении одних лошадей; сеют один только ячмень».^{ша}

В 1745 г. умер Галдан-Церен. С его смертью немедленно возникла междоусобная борьба среди джунгарских князей за ханский престол, которая положила начало быстрому распаду Джун-гарского ханства. Оно вскоре окончательно погибло под ударами войск Цинской династии Китая — этого злейшего врага Джунгарии. Распад и падение Джунгарского ханства оказали большое влияние на дальнейшую судьбу и ход истории алтайцев, на изменение их этнического состава, на расселение.

Выше говорилось о том, что джунгарские феодалы во главе с контайши жестоко эксплуатировали не только тех своих киш-тымов, которые находились вблизи их кочевьев, в пределах Джунгарии, но и кочующих далеко от границ Джунгарии, даже находящихся на территории Русского государства (например, северных алтайцев). Если северные алтайцы ясачных волостей платили ясак русскому царю по 1—2 соболя с человека, то на контайшу с них брали по 6 соболей с каждого плательщика. Брали, кроме того, еще и железными изделиями. Когда отряд Гр. Рыхлевского в 1713 г. отправился выгонять от кумандинцев телеутского князька Дюренга, собиравшего здесь алман на джунгарского хана, тот поспешно бежал и вынужден был бросить все, что он взял в этот приезд от кумандинцев. Оказалось «покинул

¹⁰³ Об этом см. подробнее: Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 122—123.

и Дк>Р^{снб} с Нижней Кумандинской волости 660 белок подпалей. °-ошлока, 3 черевеси бобровые, 66 котлов железных, 109 таганов, тестеры стремена, железа конские (удила, — Л. Я.)». Кроме I того, ему удалось увезти «900 стрелных железцов (наконеч-И ников к стрелам, — Л. П.), 100 железниц, 2 пятна конских } {тавра, — Л. П.), 2 комзы (курительные трубки, — Л. П.) и °QQ ковшей железных». ¹⁰⁴ Из перечня предметов, собранных в ал-| ман, до курительных трубок включительно, видно, что по суще-

1 ству это был грабеж имущества алтайцев, сопровождавшийся]] полным произволом.

2 Рассмотрим факты из жизни южных алтайцев. Тау-телеуты, I например, платили России по одному соболю, а контайше — по 5I соболей. Но и с тау-телеутов брали не только пушнину. Одинf алтаец рассказывал русскому казаку Б. Пойлову в 1744 г.:S «Приехал-де в Канскую волость из земли Зенгорской зайсан

и по приказу зенгорского владельца Галдан-Чирина во всех тех зенгорских волостях, также и в Таутелеутских велено с каждой пяти десятки человек готовить по тридцать по три шубы». ¹⁰⁵ Южные алтайцы «канских и каракольских волостей», именуемых «зенгорскими волостями» по признаку подчинения их джунгар-скому хану, а также таутелеуты, кочующие по Катунь и Майме, несмотря на отдаленность их жительства от ставки джунгар-ского хана, испытывали гнет и эксплуатацию не в меньшей степени, чем *киштымь*, обитавшие на территории Джунгарии. Джунгарский хан одевал, снаряжал и кормил большую свою армию целиком за счет эксплуатируемого им рядового населения кочев-ников-джунгар и особенно населения, находящегося в киштымной зависимости. Возглавлявший русское посольство к Цэван-Рабдану капитан И. Унковский приводит в своем отчете рассказ рядовой ойратки, которая жаловалась жене Унковского, что у них в Джунгарии «по вся лета собирают в Ургу к контайше по 300 и больше баб и чрез целое лето за свой кошт шьют к латам куяки и платье, которое посылают в войско». ¹⁰⁶

Вполне понятно, что ослабление ханской власти, междоусобицы ойратских или джунгарских феодалов создали такую обстановку, которая позволила некоторым князьям из киштымов | Джунгарского хана более свободно избирать место кочевий, я а опасность, надвигавшаяся со стороны Китая, заставляла поду- * мать и о том, чтобы убраться подальше из Джунгарии. Для енисейских кыргызов, телеутов и мингатов встал вопрос о возвращении на свои старые места, откуда они были уведены джунгар-ским ханом. Невозможно сомневаться и в том, что какая-то

часть телеутов, покидая разваливающееся Джунгарское ханство, про-
¹⁰⁴ Подробнее о предметах, собираемых в апман, и насилиях при сборе ^{сн} - в нашей книге «Очерки по истории алтайцев».

И. Я. 3 л а т к и н" ук. соч., стр. 363 Посольство Унковского, стр. 149.

двинулась в районы обитания киргизов — в восточное Притянь-шанье и другие места — и постепенно слилась с ними. Отсюда у современных киргизов среди родо-племенных названий встречаются наименования: Телес, Мундус и некоторые их подразделения. Енисейские кыргызы начали отдельными группами возвращаться через русские пограничные крепости вскоре после смерти Галдан-Церена во второй половине 40-х годов XVIII в.¹⁰⁷ То же самое, судя по документам, можно сказать и в отношении мингатов, которые в большей части покинули Джунгарию, когда начался ее разгром пинскими войсками. В отношении южных алтайцев, которых часто именовали урянхайцами, и телеутов вопрос этот менее ясен. Документально известно, что основная масса телеутов двинулась в Россию при начавшемся разгроме Джунгарии. Но документы середины XVIII в. ясно показывают, что какая-то часть «алтайцев» и урянхайцев в это время живет в Центральном и Западном Алтае (канские и каракольские «калмыки») и что, как нам кажется особенно показательно, их зай-саны кочуют здесь же, хотя отлучаются в ставку тех или иных временных правителей разваливающегося Джунгарского ханства.

Если обобщить данные о кочевьях урянхайских и телеутских зайсанов, разбросанные по отдельным документам, мы получим следующую картину. Зайсан Гулчугай, тот самый, зайсанство которому дал Галдан-Церен, отобрав его у Бобоя, кочевал летом в верховьях Бухтармы, Берели и Нарыма, а зимой — по Нарыму, Иртышу и его правому притоку Аблайкетке. По этой же реке пас скот и демичи Хохай, а зайсаи Бабай, или Бобой, — по долине Бухтармы и по долинам речек, текущих в Иртыш слева, с Кал-бинского хребта и около Усть-Каменогорска. Зайсан Намкы жил в долине Каерлыка (бассейн р. Кана), а подчиненные ему алтайцы — по долине Катуня и р. Камчилу. По Катуню же, выше р. Семы, кочевал и зайсан Боохол. Урянхайский зайсан Омбо, которого русские пограничные власти считали «главным», кочевал по рр. Канз^г, Ябогану и в верховьях Чарыша. Весьма известный телеутский зайсан Бату-Менко кочевал в Канской степи. По рр. Кану и Ябогану появлялся в летнее время зайсан Долдой, но зимой уходил в верховья Катуня.

Изложенный материал дает возможность заключить, что в южной и западной частях Алтая кочевья тувинских (урянхайских) и телеутско-алтайских зайсанов, особенно летние, не были строго разделены и обособлены. Причина этого, возможно, в том, что названные районы Алтая находились в захватнической собственности джунгарского хана.

После смерти Галдана-Церена на престоле временно утвердился его побочный сын Лама Доржи, у которого оспаривал пре-

¹⁰⁷ См. нашу книгу «Происхождение и формирование хакасской народности», стр. 144—145.

тол князь Даваца (Дебачи) — внук главы волжских калмыков. Последнего поддерживал тайша Амурсана, кочевавший, как и Даваца, в Тарбагатае. Оба этих тайши активно боролись против Ламы Доржи. В начале 1753 г. при помощи Амурсаны Даваца, или Дебачи, овладел престолом, после чего вскоре у него возникли трения с Амурсаной. Амурсана требовал раздела джунгарских владений и претендовал на Алтай и передачи «канских и каракольских, Телеских и Таутелеутских волостей и людей во владение себе».¹⁰⁸ Даваца отказал ему. Амурсана организовал против него поход, но потерпел поражение и бежал к цинскому императору. Алтайские и урянхайские зайсаны, как сообщает вахмистр А. Беседнов (который в августе 1754 г. побывал в Урянхае), в этом конфликте были на стороне Дебачи. Один из них сказал Беседнову, что в 1754 г. «весной их зайсанги алтайские уезжали на помощь к Дебаче-хану. . . А ныне-де известно, что те зайсанги приехали обратно и привезли его Амурсана-наеву жену и детей, и многие в полон взяты, а сам де он, Амурсана-най, ушел со всеми зайсангами в мунгальскую сторону». Телеутский зайсан Кутук (из сеока Кыпчак) лично говорил Беседнову следующее: «У них-де в землице весьма неблагополучно, ухо-дили-де все они на службу к Дебаче-хану на выручку, которого-де выручили, Амурсана ноёна и его землю всю разорили, жен его и детей, скот и живот и всю его жизнь обрала и привезли в свою землю и разделили по себе, а Амурсанай-де убежал в 300 человеках в Мунгальскую землицу через Телеское озеро».¹⁰⁹ Амурсана от Телецкого озера через Туву бежал в Халху и передался цинским властям.

Вскоре события для Джунгарского ханства приняли драматический оборот. Цинская династия, воспользовавшись междоусобиями среди джунгаров, нашла подходящим момент уничтожить своего заклятого врага Джунгарию и захватить ее земли.¹¹⁰ Войска династии, в составе которых находился и Амурсана, вторглись весной 1755 г. в Джунгарию, захватили Даваца, уничтожили ханство, посадили всюду своих ставленников. Военные отряды Цинской династии на пути в Джунгарию захватили Туву и не миновали Алтая. Архивные материалы свидетельствуют, что в январе 1755 г. они появились в долине р. Чуй и предложили чулушманским теленгитам и телесам перейти в подданство китайского императора. Чулушманские жители не только отказались от такого предложения, но послали в г. Кузнецк представителя с просьбой защитить их. За отказ подчиниться китайские войска забрали с собой около 400 человек телесов со всем имуществом и юртами, кочевавших в верховьях речки Койды в районе Телецкого озера. Возможно, уведенные цинскими вой-

¹⁰⁸ И. Златкин, ук. соч., стр. 439.

¹⁰⁹ Там же, стр. 440.

¹¹⁰

сками телесы оказались и в Синьцзяне, откуда, по преданиям южнокиргизских телесов, их предки пришли в Киргизию.¹¹¹

В Туве цинские войска разгромили «желтых саянов», не пожелавших принять подданство китайского императора, причем «желтых саян всех без остатка в плен взяли, молодых, оставя увели, а старых вырубали, также-де протчие зенгорские улусы попленили».¹¹² Отряды китайских и мобилизованных цинским императором восточномонгольских и халхаских войск находились в Канских и Каракольских волостях, на р. Семе и т. д., ставя задачу полного покорения населения Горного Алтая Цинской династии. И повсюду захватчики встречали не только отказ, но порой и вооруженное сопротивление. Алтайские зайсаны, особенно Гулчугай и Бобой, сражались, и не безуспешно, с отдельными отрядами вражеских войск.¹¹³ В это тяжелое для алтайцев время многие из них искали защиты и спасения у Русского государства. Телеутский зайсан Бату-Менко прибыл к г. Кузнецку, прося о защите Таутелеутских волостей; он указывал на то, что их «воинской сильной рукой гонят и склоняют в подданство китайского хана, а они-де только быть не желают, а желают быть в вечном подданстве Российской империи и платить в казну ее императорского величества ясак с протчими таутелеутскими татарами, понеже-де их прадеды, деды и отцы их назад тому более ста лет в российскую сторону в казну ее императорского величества ясак начали платить».

Покорив Джунгарию летом 1755 г., армия китайского императора возвратилась домой, оставив в Джунгарии отдельные гарнизоны. В это время (осенью 1755 г.) Амурсана отказался от китайского подданства и с отрядом воинов вернулся в Джунгарию, где вскоре обосновался в бывшем политическом центре ханства на р. Или. Он начал собирать силы для восстановления Джунгарии. Его усилия, направленные к восстановлению самостоятельности джунгаров, не имели успеха прежде всего среди уцелевших джунгарских феодалов. Снова начались распри и междоусобицы. Известие об освободительной деятельности Амурсана встревожило цинского императора, и он принял решение не только расправиться с Амурсаной, но и искоренить джунгарцев. Огромная армия, собранная им, снова двинулась в Джунгарию. Амурсана бежал к казахам. Не встречая сопротивления, цинская армия, выполняя приказ императора, поголовно приня-

¹¹С. М. Абрамзон. Из этнической истории киргизов. В сб.: Тюркологический сборник в честь шестидесятилетия А. Н. Кононова, М., 1966, стр. 167.

¹¹²См. данные о нашествии китайско-монгольских войск на Алтай в статье П. Е. Тадыева «Поворотный пункт в истории Горного Алтая» (стр. 23 и др.), который обнаружил их в Омском областном архиве, ф. 1, оп. 1.

¹¹³Там же, стр. 23. ...!•. ...-■ -■!•• :-

лась истреблять джунгаров и их бывших киштымов. Этот общеизвестный факт широко освещен в нашей (да и не только в наглей) исторической литературе, и нет необходимости повторять это описание. Мы рассмотрим в этой связи вопрос о вступлении южных алтайцев в состав Русского государства, которое создало новые условия для жизни алтайцев, их расселения, исторического и этнического развития.

Зверские действия цинских войск в Джунгарии вызвали всеобщую реакцию ненависти к поработителям и стремление к освобождению, хотя действия отдельных групп сопротивлявшихся джунгаров были разрозненными и не могли оказать какого-либо положительного влияния на исход этой неравной борьбы. Против цинских поработителей летом 1756 г. вспыхнуло восстание тувинцев, которые поддержали также восстание, возглавленное хотогойским князем Цэнгуньджапом. Это обстоятельство активизировало деятельность Амурсаны, готовившегося к дальнейшей борьбе за восстановление Джунгарии. Урянхайские-алтайские зайсаны поддерживали Амурсану материально и помогли ему установить связь с Цэнгуньджапом.¹¹⁴ Оба восстания были жестоко подавлены. Цэнгуньджап был захвачен в начале 1757 г. и казнен, а Амурсана после ряда поражений в конце июля 1757 г. укрылся в Семипалатинске и вскоре умер от оспы около Тобольска.

После разгрома Джунгарии Тува надолго оказалась под игом Маньчжурской династии, а судьба южных алтайцев-телеу-тов сложилась более удачно, — они были приняты в подданство России. Еще при первом нашествии цинских войск на Джунгарию многие телеутские и урянхайские зайсаны изъявили желание добровольно войти в состав России и стали подкочевывать к русской границе в надежде найти спасение от захватчиков. Они просили их «пропустить внутрь империи». Пограничное начальство запросило центральную власть. Сенатор Неплюев предписал сибирскому военному начальству впредь до особого распоряжения разрешить кочевать алтайцам вблизи границы. Царское правительство в этом вопросе проявило нерешительность, желая избежать конфликтов с маньчжурской династией. Осенью 1755 г. командующий Колывано-Воскресенской и Кузнецкой пограничной линией сообщал правительству: «Пятнадцать алтайских зайсанов имеют прилежное желание быть в подданстве нашем, обещаясь и ясак наперед хотя за три года отдать».¹¹⁵ Через несколько месяцев эту просьбу повторили 19 зайсанов, в том числе и зайсан Омбо. Императрица Елизавета Петровна дала раз-

¹¹⁴И. З л а т к и н, ук. соч., стр. 459.

¹¹⁵Дальнейшее изложение дается главным образом на основе документов, опубликованных мною в книге «Очерки истории алтайцев», и документов, изученных в Омском областном архиве П. Е. Тадыевым, частично опубликованных в цитированной выше статье (стр. 26—30).

решение на это только в начале 1756 г. и то с условием, чтобы переселить их со всем их народом к волжским калмыкам. Меаугтем, пока решался этот вопрос в Петербурге, некоторые зайсаны уже были насильственно угнаны с их народом цинскими захватчиками. В дальнейшем события развивались следующим образом. В феврале 1756 г. 12 алтайских (по месту кочевий) зайсанов (Омбо, Кулчугай, Куту, Намкы, Боохол, Череп, Буктуш, Бууру, Каамык, Намжил, Измынак и Сандут) обратились к командующему пограничной линии полковнику де Гаррига с письмом: «Дай нам людей на сбережение; збереги от злого времени в нашей земле; где вам поглянется, стройте город. Ныне у нас белый государь. Нашего белого государя полковник, пожалуйста поскорее — со всеми домами хотят увезти». Это письмо вручил зайсан Намкы, который заявил, что в случае принятия алтайцев в русское подданство зайсаны могут внести ясак вперед и выставить по требованию властей 2000 воинов. Вслед за этим алтайские зайсаны во главе с Омбо приезжали в Бийскую крепость просить ускорить исполнение их ходатайства. В марте того же года зайсаны написали еще письмо, в котором говорилось: «Наперед сего мы бывшие владения Галдан-Череня двенадцать зайсанов перед сим посылали к вам с известным нашим письмом зайсана Намкы, также и ныне мы двенадцать зайсанов со всеми нашими улусными людьми желаем быть в подданстве белого царя и с подвластных нам улусных наших людей будем платить ясак, какой по соизволению белого царя определен будет, и ежели белой царь когда в потребном случае нам двенадцати зайсанам соизволит повелеть на наш зенгорский народ или куда в другое место нарядить в поход войско, то мы оногo войска в зимнее время по тысяче, а в летнее время по две тысячи человек немедленно будем отправлять, а мы намерение имеющие быть в подданстве белого царя двенадцать зайсанов состоим в тысячи пятистах кибиток людей или может быть более, или малым чем меньше. И тако мы двенадцать зайсанов послали с сим Намку и руки приложили».

Наконец, 2 мая 1756 г. был послан указ Сибирскому губернатору Метлеву, в котором повелевалось принимать зенгорских зайсанов в подданство даже в том случае, если они и отказываются переселяться к волжским калмыкам. После этого с июня 1756 г. начался массовый переход южноалтайских и тувинских-урянхайских племен по всей упомянутой выше границе, и уже за первые примерно три месяца было приведено к присяге более 10 тыс. чел., преимущественно относящихся к ведомству зайсанов, ходатайствовавших о приеме их в подданство России.

Надо отметить, что вступившие в состав России урянхайские и алтайские зайсаны, особенно рядовые кочевники, были почти лишены скота и имущества в результате грабежей и бесчинств войск Цинской династии. У зайсанов Буктуша и Церена, напри-

йер, стоимость имущества, отобранного у них военными грабителями, исчислялась в сумме 6723 руб. по ценам того времени. К 5 эту сумму входила стоимость 1069 лошадей, 1318 овец и т. д.¹¹⁶ Нечего говорить уже о том, насколько были разорены рядовые скотоводы. Русским пограничным властям и войскам приходилось оказывать помощь алтайцам — новым подданным Русского государства — привозить самим в крепости раненых или обессиленных от голода людей, снабжать их продовольствием. Из продовольственных запасов, хранящихся в пограничных крепостях и селениях, алтайцам выдавали муку и ячмень по следующим нормам: лицам старше 10-летнего возраста — по четверику на человека (на месяц), детям до 10-летнего возраста «окроме сущих младенцев, которые еще хлеба не едят», — по половине четверика. Зайсанам и старшинам выдавались и деньги. Для сохранившегося скота были построены пригоны и конюшни, в которых подкармливался скот.¹¹⁷ Таким образом, принятием в состав Русского государства алтайцы были спасены в буквальном смысле этого слова от голода и истребления.

По сохранившимся документальным данным, к ноябрю 1756 г. у российских границ находилось 13 тыс. кибиток принявших добровольное подданство алтайцев и урянхайцев. Имеется несколько списков зайсанов, принятых в российское подданство. В них значатся имена Омбы, Кутука, Гулчугая, Болота (сына Омбы), Пуктуша, Бурута, Череня, Намкы, Ензынака (Измы-нака), Бату Менко, Черена (Церена) и др.

Большинство зайсанов отказалось от переселения на Волгу и осталось кочевать на Алтае (на рр. Катунь, Бий, Ише, Песчаной, Аную, Чарышу, Убе и др.). В документах говорится, что около 7 тыс. чел. были поселены в Красноярском и Кузнецком уездах.¹¹⁸ Из донесения полковника Колобового об отправлении принятых в российское подданство на Волгу следует, что их отправили из Бийска 28 июня 1757 г. под начальством фон Эндена. С ним отправлено из крепости и форпостов Кузнецкой и Колы-ванской пограничной линий (Бийской, Катунской, Ануйской, Николаевской, заводов Колыванского и Гульбинского, форпостов Убанского, Красноярского, Шеманаевского, Алейского, рудника Змеевского, Кабановской защиты) — семей 566, мужчин 1106, женщин 1178, всего 2284 чел. У них было верблюдов 76, лошадей 3657, коров 157, баранов и коз 31. В списке отправленных поименованы зайсаны: Бурут Чекагулин, Кымык Яманаков, Кутук Кутуйгулин, Церен Уруков и семейства умерших зайсанов Гул-чугая и Омбы. Кроме того, поименованы калмыки ведомства зайсана Вуктуша, но ни его самого, ни его семьи в списке нет.

¹¹⁶ По данным Омского областного архива. См.: П. Е. Тадыов, ук. соч., стр. 30.

¹¹⁷ Там же.

Там же, стр. 29.

9 Л. п. Потапов

Отсюда ясно, что таким путем часть алтайцев и урянхайцев¹ (а возможно и джунгар) попала на Волгу, где ассимилировалась в монголоязычной калмыцкой среде. Этим и объясняется, что у волжских калмыков оказались теленгиты, которые хотя и омон-голились по языку, но долго сохраняли свое этническое название

Выше уже было отмечено, что около 7 тыс. чел. из добровольно вошедших в состав Русского государства алтайцев и урянхайцев, высвободившихся из-под ига джунгарских ханов, была поселена в Кузнецком округе и Красноярском уезде.¹¹⁹ Это весьма важное документальное свидетельство недостаточно привлекло внимание исследователей. Для цели же настоящей работы оно имеет особенное значение, так как факт расселения в названных районах прикочевавших из Джунгарии групп несомненно оказал влияние на этнический состав северных алтайцев, в том числе и телеутов Кузнецкого округа — этих потомков обской группы «белых калмыков». К сожалению, данный вопрос не только еще не рассматривался, но по существу даже не ставился в нашей научной литературе. Вот почему мы должны сделать небольшое дополнение к освещению выдающегося исторического события в жизни алтайцев, каким явилось для них вступление в подданство Русского государства.

Оформление подданства спасающихся от вражеских войск алтайцев происходило в тревожной и опасной для них обстановке. Идя навстречу алтайцам, русские власти принимали их и оформляли в различных пунктах, например в Усть-Каменогорске, в Ко-лывани, Бийске, Кузнецке, даже в Кузедеевском форпосте по р. Кондоме. Принятых в состав России немедленно пропускали через границу и направляли на жительство в безопасные места. К последним, конечно, относились Кузнецкий округ и Красноярский уезд. Едва ли можно сомневаться, что в те районы были направлены группы новых подданных, принимавшиеся в Кузнецке, Кузедеевском форпосте и Бийске. Мы пока не можем ничего сказать относительно отправленных на жительство в Красноярский уезд, за отсутствием изученных материалов, но в отношении Кузнецкого округа такой материал имеется.

Для Кузнецкого округа выяснить этот вопрос можно путем сравнения названий и количества ясачных волостей, а также численности их населения по материалам 30—40-х годов XVIII в., т. е. по материалам, относящимся к периоду, непосредственно предшествующему переходу алтайцев в Россию, с соответствующими данными, относящимися к середине XIX в. Нет никаких сомнений в том, что пришлые родо-племенные или этнические группы были расселены именно в ясачных волостях Кузнецкого (и Бийского) округа, население которого в то время жило уже

¹¹⁹ Архив Государственного совета, I, стр. 254. См. цитированную выше статью П. Е. Тадыева.

едло и в значительной части в тесном соседстве с русскими.¹²⁰ Пришельцы, разумеется, должны были увеличить количество ясачного местного населения. Следует заметить, что ясачные пришельцы скотоводы-кочевники должны были перейти на оседлый образ жизни, и не только в силу потери своих стад в связи трагическими событиями в их жизни, сопутствовавшими разгрому Джунгарии, "но особенно потому, что плодородные степи и лесостепи Кузнецкого округа занимало и распахивало (также использовало и под покосы) оседлое население, как русское, так и местное ясачное. Неслучайно поэтому после реформы 1822 г. (Устав об инородцах Сперанского) в Кузнецком округе было учреждено 7 волостей «оседлых инородцев», настолько прочно и далеко здесь зашло оседлое состояние, главным образом у различных групп телеутов и у родственников им так называемых «кузнецких татар».

Обратимся теперь к некоторым историческим материалам, кстати сказать еще не опубликованным. По данным, собранным Г. Ф. Миллером, в 1734 г., т. е. примерно за четверть века до массового вхождения алтайцев в Русское государство, в Кузнецком округе официально числились следующие ясачные волости:¹²¹

Ниже г. Кузнецка, вниз по р. Томи и р. Чумышу, расположены:

1. Керетская волость, в местах прежнего жительства абинских татар, в устье р. Абы. Жители называют себя Кереш, из них 10 чел. платят подати (ясак).

2. Телеутская, или волость так называемых белых калмыков, от Рождественского монастыря до устья р. Уската, на северо-восточном берегу р. Томи.¹²² Из них 151 чел. платят подати.

3. 4. Тюлюбердская и Баянская. От впадения р. Уската до границ Мунгатского острога.¹²³ В первой платят подати только 4 чел., во второй 28. Г. Миллер отмечает, что название баянских татар в обычной речи почти неизвестно и обе волости обозначаются общим именем Тюлюберды.

5. Кыштымская, жители которой называют себя кыштымами, находится по р. Бочату, впадающей с запада в Уень или Иню, и в верховьях р. Чумыша. В ней имеется 63 чел., платящих подати.

6, 7. Таганская и Тогульская. Обе вниз по р. Чумышу, до русских деревень, лежащих на той же реке за Белоярском. В первой насчитывается 39, во второй — 31 чел. плательщиков. Последняя получила свое название от впадающей с востока в Чумыш речки Тогул; выше нее в Чу-мыш впадает с той же стороны другая маленькая речка, под названием «икелеп». Несколько тогулов живут еще по р. Абе, смешанно с русскими.

Выше Кузнецка по р. Томи до границ Красноярского уезда лежат волости:

¹²⁰ См. «Реестр деревням от Кузнецка вниз по Томи, составленный ~ П. Крашенинниковым», а также его «Дневник путешествия в 1734— * гг.» в указанной выше книге «С. П. Крашенинников в Сибири». Г. ф. М и л л е р. Описание Кузнецкого уезда, лл. 21—24 об.

Рождественский монастырь находился на нагорной стороне в 3 вер-^{стах} ниже Кузнецка. : Этот острог был построен в 1715 г. кузнецким воеводой Б. Синяв-
ьям, в окрестностях р. Мунгат (левый берег Томи).

1. Вогоракова, там, где Мрасса впадает в Томь. В ней живут 27 чел. плательщиков ясака.

2. Мойнакова, выше Богораковой волости, между речками Усой и Бельсу, впадающими в Томь. Здесь 49 плательщиков ясака.

3. Сагайская, недалеко от истоков Томи, по речке Аскыс, впадающей в Абакан, и в одном из истоков Чулыма — р. Июс. Здесь 53 чел. плательщика.

4. Бельтирская, в степях по р. Абакану, и по р. Таштыпу. В ней 45 чел. плательщиков.

По р. Мрассе и впадающим в нее речкам:

1. Бешбоякова, 10 верст вверх по Мрассе от ее устья. Численность плательщиков ясака — 46.

2. Едеева по Мрассе, выше Умзаса и по притоку Мрассы Ташильга. Здесь 24 чел. плательщиков ясака.

3. Тогоякова, выше по р. Умзас, в горах (на расстоянии полдня пути вверх) — 4 чел. плательщика.

4. Елейская по р. Мрассе (выше речки Ташильга) — 27 чел. плательщиков.

5. Ближняя Карга по р. Ортону, впадающей в Мрассу с востока. Ясачных 43 чел. Слово карга, замечает Миллер, означает по-татарски ворону. Жители, однако, сами не знают, почему им дали такое название.

6. Кузешева Карга, по р. Мрассе, в местности, где в нее впадает с запада речка Сюртка, а немного выше с востока — речка Таяс. В ней 17 ясачных плательщиков.

7. Кызыл Карга по речке Пызасу (правый приток Мрассы). Здесь платят ясак 15 чел.

8. Кивинская, выше речки Пызаса, 31 чел. плательщиков ясака.

9. Кивинская в верховьях Мрассы, с 12 плательщиками ясака.

10. Изушерская (Узут-Шор) по речке Пызасу, выше Кызыл-Каргинской, в ней 21 чел. плательщиков ясака.

По р. Кондоме:

1. Барсоаяцкая, 30—40 верст выше устья. Ясачных 35 чел.

2. Бешбоякова, или Катунская, 30—40 верст выше < Барсоаяцкой, в районе впадения в Кондому (с востока) речек Тельбеса и Мондубаша (на последнем добывается особенно высококачественная железная руда). Название Катунская произошло от горы Катун, находящейся на правой стороне Кондомы между Барсоаяцкой и Бешбояковой волостями. Ясачных людей 44 чел.

3. Етиберская, вверх по Мундымашу¹²⁴ (у Миллера Мандабаш), 40—50 верст от устья, где в нее впадают Базас, Анзас и Манзас. Жители ее называются также калары, хотя в настоящее время, отмечает Миллер, это название не особенно употребительно. Ясачных 34 чел. плательщика.

4. Етиберская, на Кондоме, в 50 верстах выше Бешбояковой волости, где впадает р. Антроп (левый приток). В ней 47 чел. плательщиков ясака.

5. Елейская, в 40—50 верстах выше Етиберской (Кондомской). Здесь 27 чел. плательщиков ясака.

6. Карачерская, иначе Шорская, так как жители обычно называются шорами, и это наименование они передали остальным своим соседям. Находится на 30 верст выше предыдущей волости по Кондоме. К ней относятся 72 плательщика ясака.

На реке Бие и Алтыновском озере (Теленком) и в других соседних местностях находятся волости:

1. Шелкальская, на р. Ку, или Лебедь, в 60—70 верстах от ее впадения в р. Бию; здесь 43 чел. плательщиков.

¹²⁴ Р. Кондома у шорцев называется Мондум, Мондубаш, или Монду-маш, ее приток (справа) может означать либо «вершина Кондомы», либо «Кондомка».

2 Каргинская, нише предыдущей на той же реке, состоит только из й чел. плательщиков ясака.

3. Кумандинская, у впадения р. Ку в Вию, примерно в полдня путияз по р. Бие. Здесь 105 чел. плательщиков ясака. «Всю эту местность

^вта^{ры} и калмыки называют Куманда» — пишет Г. Миллер.

4. Юская, или лучше Ютская, потому что жители называют себяютами (jenti), находится в горах между рр. Бией и Катунью, в полдня,пути от самых нижних кумандипских улусов, на речке (ручье) Кишча (?),впадающей с востока в Катунь. Здесь платят ясак И чел.

5. Кузьяская, в полдня пути вверх ■ по Бйе от Кумандинской волости.В ней 28 чел. плательщиков ясака. Несколько выше ее в Бию впадает(с восточной стороны) речка Талей (Тулой).

6. Комляшская, в половине пути от предыдущей волости вверх по Бие,где в нее с запада впадает р. Копша. Здесь 49 чел. плательщиков.

7. Кергешская, в половине дня пути вверх от Комляшской, на восточном берегу Бии, где она берет начало из Алтынского озера. Здесь 39 чел.,платящих ясак.

8. Тау-Телеутская, в горах, откуда она и получила свое название, нар. Катунь, где в нее с запада впадает Сема, а с востока Ишпа и Иша.В ней 34 чел. плательщиков.

9. Телецкая на Алтынском озере и в устьях впадающих в него рек Чу-лышмана и Чульча. В этой волости живут телецкие татары, но они платятлишь добровольно определенное количество ясака в год, также пушшиной.

Таким образом, в описании Миллера значится 36 ясачных волостей, из которых в 35 указано количество ясачных плательщиков, что дает общую цифру в 1317 чел. (не дана численность только для Т/елесской волости, где жили телесы).

Миллер сообщает также, что тау-телеуты платят только по одному соболю с человека, так как вносят ясак добровольно, как и телесы, только последние платят 60 соболей в год, независимо от численности населения. Миллер показал, что телеутская народность на калмыцкой границе, т. е. тау-телеуты, насчитывала до 350 семейств, что, по его мнению, приближалось к численности телесов, живших за Телецким озером.

Целесообразно теперь сопоставить изложенные материалы Г. Ф. Миллера как с более ранними, так и более поздними. Для первого периода мы должны сослаться на ответы, присланные из Кузнецка В. Н. Татищеву, которые основаны на «переписи 1719 и по свидетельству 1723 годов» и перечисляют те же названия 34 волостей, в которых указано 1376 чел., несомненно только плательщиков ясака.¹²⁵ В списке Татищева нет Тау-Телеутской волости, в которой было 34 плательщика, и Телецкой волости, указанных у г. Миллера. С добавлением Тау-Телеутской волости в списке Татищева могло бы значиться 1410 ясачных плательщиков, т. е. на 93 человека больше, чем это зафиксировал Миллер по данным 1734 г. Разница, как видно, небольшая, и это лишь укрепляет доверие к обоим спискам.

¹²⁵ Архив Акад. наук СССР, ф. 21, оп. 5, № 152. «Города Кузнецка суплемент, сочиненный в Кузнецкой канцелярии по силе указов ее императорского величества из Сибирской губернии канцелярии и географическим описанием», лл. 252—281 об.

В качестве источника для второго периода сошлемся на одц, заслуживающий доверия документ, датируемый 1745 г. Речь идет уже об упоминавшемся выше рапорте кузнецкого воеводы Ц[а_ пошникова, в котором названы 13 ясачных волостей, находившихся на Кондоме и Бие, против 15 волостей, названных в этик местах Миллером. В рапорте воеводы отсутствуют Барсоаяцкая и Бешбоякова волости, расположенные на Кондоме и отмеченные Миллером. Остальные волости идут под теми же названиями, с небольшим расхождением в количестве ясачных плательщиков в них, с разницей, как правило, от 1 до 3—4 чел. (в ту или иную сторону) для каждой волости. Расхождение это вполне объяснимо различием даты составления обоих списков, исчисляемым в И лет. Таким образом, сведения Г. Ф. Миллера несомненно наиболее полны и точны в рамках официальных административных цифр рассматриваемого времени.

Из изложенного видно, каковы были состав и численность ясачных волостей у северных алтайцев и так называемых *кузнецких телеутов* и *кузнецких татар* почти накануне вхождения южных алтайцев в состав Русского государства.

Если теперь сопоставить с этим соответствующие данные, датируемые немногим более столетия спустя после присоединения южных алтайцев к России, то нетрудно будет убедиться в том, что в Кузнецкий (и будущий Бийский) ¹²⁶ округ действительно было поселено значительное количество алтайцев, преимущественно телеутов, и некоторых иных групп, принятых в подданство. Для такого сопоставления мы располагаем материалами, собранными в начале 60-х годов XIX в. В. В. Радловым, а в конце 60-х годов В. Вербицким. Оба автора, опираясь на одни и те же официальные данные 1859 г., отмечают в Кузнецком округе семь оседлых инородческих волостей. Вот их параллельный перечень, с указанием общего количества населения каждой волости:

ПоВ.Радлову¹

По В, Вербицкову*

муж- Ач. Кёштйм Баян
гкен-ч , Торгул ¹²" • .,Комнош ...Камлар . .Ачын . . .Шу
ин щин

. 214
"235-
200 110

Ащкыштымская
Баянская . . .
Тогульская . .
Кумышская . .
Камларская . .
Ячинокая . . .
Шуйская . . .

муж- жен- всего чин щин чел.

214 235 449 '

42 309 118

7 176 196

37 229 209

2 125 129

296322

355385

Итого . . .1704 159.4

Итого

1704 1594 3298 ,-,

—¹²⁶ Бийский округ создан был впервые в 1783 г. в составе Коявая-ской губернии, о 1804 г. этот-округ стал входить в Томскую губернию. \ к? w. Radlof.f.,...Aus,SiJ)irien,..Bd. I, стр.214. ' 1²⁸; В е р б и дни и. Алтайские инородцы, стр. 7.. ' ..

129 Правильнее Тонгул. ' >.,- г. - с --• ,,,,,, ,

приведенных списках не совпадает только название одной досты- У В. Радлова она названа Комношской, а у В. Вербицкого — Кумышской. Что речь идет о двух названиях одной и той же волости, свидетельствуют одинаковые цифры численности населения, как общая, так и по полу (по волостям). Вероятно, название этой волости *Комнош* В. Радлов дал ошибочно, так как волость Комнош, известная еще с 20-х годов XVII в., обитала в бассейне р- Бии. На этой же территории Комношская волость упомянута в 1734 г. Г. Миллером, что подтверждается и рапортом кузнецкого воеводы Шапошникова (1745 г.). Вполне естественно, что и у Вербицкого Комношская волость числится в составе *кочевых* волостей *черневых татар* Бийского округа. Да и сам Радлов сообщает о племени (и о роде) Комнош именно у *черневых татар*, которых он называет тубаларами. Правильное же название оседлой волости, о которой идет речь, конечно Кумышская, которая после реформы 1822 г. была преобразована в Кумышскую управу.¹³⁰ Жители ее проживали по р. Ине, совместно с ясачными Шуйской оседлой волости.

В отношении так называемых *кочевых, инородцев* (имеется в виду терминология *оседлые* и *кочевые* в рамках признаков, предусмотренных «Уставом об инородцах»), то у В. Радлова находим перечень ясачных волостей и численность только для тех, которые, судя по публикации В. Вербицкого, относились в то время к Бийскому округу и назывались обобщенно *черневыми татарами*. Их перечень сводится к следующему:

По В. Радлову			По В. Вербицкому		
	муж	жен		муж	жен
Нижние кумышские вол.	221	710	Нижне-Куманли	22	710
Верхние кумышские вол.	277	284	Верхне-Куманли	27	284
Кузнецкая вол.	275	234	Кузнецкая вол.	27	232
Комнош	756	705	Комлянская или Конложская вол.	75	705
Торгульская вол.	121	116	Торгульская вол.	12	116
Итого	256	231	Итого	25	2309
					4865

Список Вербицкого, кроме Бийского округа, содержит еще 22 «волости кочевых инородцев» Кузнецкого округа с количественными показателями населения по каждой волости. Такого списка нет в цитированной работе В. Радлова, хотя все названия всех этих волостей у него даны (даже в транскрипции), но лишь как роды-сеоки шорцев и без указания их численности. Однако

¹³⁰ Кумышская инородная управа делилась на две половины. Жители 1-й половины обитали на р. Ине, а 2-й половины — в Барнаульском округе. Последние были выселенцами из 1-й половины Кумышской волости.

Радлов при этом недостаточно критически отнесся к сообщению ему на месте сведениям и внес в список родов шорцев некоторые названия волостей, происходящие не от названия родов, а от имени возглавлявших их князцов. Таковы, например, названия Барсоят, Бежбояк, Шерогаш.

В. Вербицкий опубликовал впервые свой список в 1871 г (в количестве 17 волостей) на основании собственных весьма ценных изысканий и соответствующего цифрового материала.¹³¹ В первой публикации им дан список всех населенных пунктов по рр. Томи, Кондоме и Мрасе и их притокам, с указанием названия

Вс

	1871	1871	1871
	гг	гг	гг
Абинская	11	11	23
Тагабская	36	37	73
Ашкыштымская	20	20	58
Казанова	43	40	84
Кондомско-Барсоятск	35	39	74
Кондомско-Бежбояк	28	25	73
Кондомско-Блейская	26	25	50
Кондомско-Капаценская	27	21	68
Кондомско-Итиберская 185	16	16	03
Кондомско-Шерогашская	30	21	51
Итиберско-Шерогашская	16	14	31
БЭЗ	16	14	31
36	7	7	4

Итого . . . 5583 5125

Керецкая . .
Едеева
Богоракова
Мрасско-Беж-боякова . .
Мрасско-Елей-ская
Мрасско-Изу-шерская ¹³⁷ .
Ближне-Кар-гинская 138 .
Дальне-Кар-гинская . .
Кызыльская 139 . .
Кийская . . .
Кивийская I⁴⁰

муж- жен-чин щин

95 84 17

66 77 9

34 338 68

29 261 55

31 266 58

36 29 65

24 256 49

10 79 18

4 80 3

¹³¹ В. Вербицкий. Кочевья инородцев Кузнецкого округа порр. Томи, Мрасе и Кондоме. Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871, стр. 242.

132 К этой волости относил себя род Табыскы, представители которого жили, 'по Вербицкому, по рр. Чумышу, Вахте и Межену. См.: Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV. СПб., 1883, стр. 937.

¹³³ Елейская от названия телеутского рода Челей.

134 От названия рода Кара-Шор.

335 От названия телеутского рода Чедибер. 13в Она же — Каларская.

¹³⁷ От названия рода Узут-Шор. В этой волости были еще представители родов Таяш, Кечия.

¹³⁸ Она же — Паянская, в ней род Карга числился.

139 В прошлом эта волость называлась Кызыл-Карга (XVIII в.). 1*° В ней жил род Кобый. - ' !, ...".

дадого селения (аала или улуса) и количества в нем изб или шот с отнесением его к той или иной волости. Он приводит здесь

прочие названия волостей, кроме официальных, которые иногда дают возможность судить о родовом составе ясачных волостей. Кивийская волость, например, у самих шорцев называлась Кобый-ской, от названия сеока-рода Кобый, Елейская — Челей (род Че-лей) я ДР- Конечно, у Радлова, несмотря на отмеченный недостаток, родовой состав этих (по преимуществу шорцев) 22 кочевых волостей выяснен хорошо, так как автор ставил перед собой специально такую задачу, чего нельзя сказать о Вербицком. Тем не менее для нашей цели данные Вербицкого имеют большое значение. В списке Вербицкого значатся волости «кочевых инородцев» Кузнецкого округа (см. таблицу на стр. 13#).

Таким образом, наиболее полный и точный официальный список ясачных волостей «кочевых инородцев» Кузнецкого и Бий-ского округов, составленный по данным 1859 г., опубликован В. Вербицким. В нем содержится 29 (волостей, с указанием количества населения в каждой волости. Необходимо теперь сравнить по количеству населения эти волости с данными Г. Ф. Миллера, у которого зарегистрировано 26 официальных волостей, числящихся в списке В. Вербицкого, с тем же местообитанием населения каждой из них. Волости эти у Миллера следующие: Баянская, Кыштымская,¹⁴¹ Тогульская, Богоракова, Мойнакова,¹⁴² Едеева, Елейская (на Мрассе), Ближе-Каргинская, Кузешева-Каргин-екая,¹⁴³ Кызыл-Каргинская,¹⁴⁴ Кивинская, Ковинская,¹⁴⁵ Изушер-ская, Барсоятская, Бежбоякова, Етиберская,¹⁴⁶ Елейская (на Кондоме), Карачерская, Шелкальская, Кумандинская,¹⁴⁷ Юская,¹⁴⁸ Кузенская, Комляшская,¹⁴⁹ Кергешская. В перечисленных волостях по списку Миллера был 901 плательщик ясака. Если исходить из того, что в каждой семье было только по одному плательщику ясака (платили лица мужского пола в возрасте от 18 до 60 лет) и средний состав семьи был 4 человека, то общее количество ясачного населения перечисленных волостей исчислялось в 3604 чел. По данным же Вербицкого (на 1859 г.), в этих волостях числилось 14647 чел. Столь сильное увеличение ясачного населения кочевых волостей (в течение одного столетия), конечно, не может быть объяснено только естественным приростом, осо-

Вербицкого
¹⁴¹ У Вербицкого —
Ашкыштымская. ¹⁴² У
¹⁴⁵ У Вербицкого — Кыйская.
ТТ ^{Ив} ^ Вербицкого одна Кондомско-Итиберская, Итиберско- вторая
Шерогашева (она же Каларская).
У Вербицкого Кумандинская волость подразделена на Нижне-Ку-мандинскую и
Верхне-Кумандинскую. ^{14*} У Вербицкого — Южская.
У Вербицкого — Комляжская или Кондошская.

бенно учитывая социально-экономические условия жизни ясачного населения при царизме, тяжелые бытовые условия (отсутствие теплых жилищ и одежды, частые голодовки и т. п.), при которых очень высокой была детская смертность. На увеличении количества жителей этих «кочевых» ясачных „волостей несомненно сказалось поселение здесь принятых в Русское государство алтайцев спасшихся при разгроме Джунгарии.

Следует еще сказать о телеутской волости, которая была зафиксирована Г. Миллером по р. Томи (от Кузнецка вниз до впадения в нее р. Уската) с 151 плательщиком ясака. По р. Бочату и в верховьях Чумыша Миллер отметил проживание ясачных Кыщ-тымской волости в количестве 63 плательщиков. Столетием спустя картина изменилась. Вместо Телеутской волости в Кузнецком округе значилась Телеутская инородческая управа, подразделяющаяся официально на 3 части (1-я, 2-я и 3-я части). В управе числилась 2991 душа обоего пола. Жители ее обитали в улусах и деревнях преимущественно по рр. Большому и Малому Бочату, Уру и Ускату и лишь частично по р. Томи. Кыштымская волость превратилась в Аш-Кыштымскую (или Ач-Кыштымскую) оседлую инородческую управу в количестве 449 д. об. п. и кочевую Аш-Кыштымскую волость с населением 584 д. об. п. При этой оседлая официально делилась на две половины. Одна из них называлась Ашкыштымская I половины, население ее жило вместе с телеутами (1-й, 2-й и 3-й частей Телеутской инородческой управы). Вторая же — Ашкыштымская оседлая II половины, находилась в улусах на рр. Каменке и Тарабе. Таким образом, становится совершенно ясным, что население обеих этих волостей, в которых сохранялось самоназвание теленгет (по Радлову) и которое русскими называлось телеутами, весьма сильно увеличилось за рассматриваемый период. Это следует объяснить, конечно, тем, что в эти волости была поселена к ранее проживавшим здесь соплеменникам значительная часть телеутов, спасшихся от разгрома цивских войск на территории Русского государства. Но телеуты в рассматриваемое время жили в количестве 2791 ч. еще в Бийском округе, в предгорьях Алтая в бассейне нижнего течения р. Катунь, в составе трех инородческих оседлых управ: Быстрянской, Кокшинской и Сарасинской.¹⁵⁰ Значительная часть этих телеутов, подчеркивает В. Вербицкий, появилась (в начале XIX в.) здесь как выселенцы из Кузнецкого округа.

Одним из наиболее сильных доказательств поселения бывших джунгарских подданных в Кузнецком округе среди живших там до этого телеутов и аккиштымов служит факт, установленный впервые В. Радловым, одноименности родов-сеоков у кузнецких телеутов, в том числе у аккиштымов и у южных алтайцев, поселившихся в Горном Алтае после вхождения их в Россию. Таковы

¹⁵⁰ В. В е р б и ц к и й. Алудйские инородцы, стр. 7.

сеока Мундуз, Кыпчак, Найман, Телес, Тодош, Тумат и др., большинство которых проживает в Горном Алтае, где оказались и

одовитые наследственные зайсаны (*укту /'айзан*), ведшие свое происхождение из аристократических родов (Мундус, Кыпчак, Тодош). При бегстве из Джунгарии алтайцы, урянхайцы, телеуты другие подкочевывали в разное время к различным русским крепостям (от Усть-Каменогорска на западе до Кузнецка и Куае-деевского форпоста на востоке) и в обстановке того времени селились в различные отведенные им места, а частично, как указывалось выше, даже были отправлены на Волгу. В Кузнецкий округ, таким образом, попали не только одни телеуты, но и некоторые другие беглецы из Джунгарии, в том числе и некоторые группы ойратов-монголов. Об этом убедительно свидетельствует наличие у кузнецких телеутов сеока Чорос, который имелся и у горных алтайцев, но не зафиксирован переписью 1897 г. Сеок этот отмечен в Горном Алтае рядом исследователей.¹⁵¹ В данном случае мы имеем дело несомненно с ассимиляцией в тюркоязычной среде алтайцев западных монголов-чоросов, которые попали на Алтай и в Кузнецкий округ после разгрома Джунгарии вместе с телеутами, урянхайцами, телесами. Кстати сказать, наличие у кузнецких телеутов (ашкиштымов) сеока Тергас служит свидетельством того, что в состав их исторических предков входили телеуты или телесы, жившие у Иртыша, которые составляли «Туртаскую волость» в Сибирском ханстве.

; Нужно обратить внимание еще на сеок Пурут у кузнецких телеутов. Он представляет собой потомков тяньнинских киргизов и попал сюда вместе с телеутами после разгрома Джунгарии. Вероятнее всего, что Буруты, как назывались тяньшанские киргизы, а по сведениям Г. Миллера так же именовались у джунгаров и енисейские киргизы, насильственно переселенные в Джунгарию,¹⁵² в некоторой части оказались и в южной области Монгольского Алтая, растворившись в среде западных монголов-торгоутов. Г. Н. Потанин в 70-х годах XIX в. нашел *кость* Бурут среди булгунских торгоутов.¹⁵³ Несомненно, что некоторые группы енисейских киргизов-бурутов вернулись в рассматриваемое время в Красноярский округ. Известно, что в связи с начавшимся разгромом Джунгарии уже в 40-х годах XVIII в. небольшие группы енисейских киргизов, именуемые в русских официальных документах *киргиз-калмыками*, пробирались через русские пограничные крепости и пункты к Кузнецку и Красноярску.¹⁵⁴ Может быть, поэтому у качинцев в XIX в. были зафиксированы сеоки-

¹⁵¹ Из сеока Чорос происходил известный алтаец — художник ■ И. Гуркин.

¹⁵² Г. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 314.

¹⁵³ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. II, стр. 43.

¹⁵⁴..... Л. П. Потапов. Происхождение и

формирование хакасской народности, стр. 164—165. ■-.....;:..■.°,... .. ■

роды Пурут и Кыргыз. Далее мы полагаем, что и сеок Мерк_и у бачатских телеутов оказался в это же время, попав частиад и к тарбагатайским торгоутам.¹⁵⁵ Наконец, сеок Чунгус, обнаруженный В. Радловым у телеутов (*ач-киштымов*) может быть цо происхождению западномонгольским, попав сюда вместе с дру. гимж беглецами из Джунгарии, в первую очередь с телеутами.¹⁵⁶ Наше предположение опирается на тот факт, что Потанин зафиксировал у олёт_{ов} *кость* Чингыс, или Шангыс.¹⁵⁷

Итак, расселение в Кузнецком округе телеутов п других племенных или этнических групп, нашедших спасение от истребления войсками Цинской династии в России, происходило главным образом в степной и лесостепной зоне, в предгорьях Кузнецкого Алатау и бассейна нижнего течения Бии. Оно затронуло зону расселения не только телеутов и аккиштымов, но и небольших шорских, кумандинских и тубаларских родов. О проникновении на Кондому (частично и на Мрассу) некоторых групп телеутов говорит наличие среди шорского населения телеутских сеоков Че-дибер и Челей. В середине 30-х годов XVIII в. род Чедибер насчитывал всего 80 плательщиков ясака, с общим населением примерно в 320 чел. Столетием же позднее в нем числилось уже 1245 д. об. п., что можно объяснить только подселением сюда соплеменников. То же самое можно утверждать и в отношении обеих волостей Елейских (телеутский род Челей). По Г. Миллеру, в двух Елейских волостях было 54 плательщика, что, исходя из наших подсчетов, составляло немногим более 200 чел. Через сто лет телеутского населения в этих волостях числилось уже 1075 д. об. п. В Бийском округе за рассматриваемое время резко возросла численность кумандинцев. У Миллера указано в Кумандинской волости 105 плательщиков ясака, а столетием позднее кумандинцев числилось 2177 д. об. п. Если вспомним еще ку-мандинские предания о приходе на Бию какой-то их части с р. Ча-рыша, сохранившиеся у них тюркские скотоводческие элементы культуры и быта, то увеличение кумандинского населения следует считать связанным также с прибытием на Бию телеутского этнического элемента и смешением его с более ранними обитателями кумандинских волостей.

Мы полагаем, что наш экскурс в область вопроса о переходе южных алтайцев в состав Русского государства во второй половине 50-х годов XVIII в. и влиянии этого факта на этнический состав северных алтайцев, в том числе и «кузнецких телеутов», заполняет определенный пробел в нашей историко-этнографической литературе, посвященной алтайцам.

Добровольное вхождение южных алтайцев в Русское государство было закреплено еще одним указом от 16 ноября 1756 г.,

¹⁵⁵Г. КЛ П о т а н и н, ук. соч., т. II, стр. 44.

¹⁵⁶W. R a d l o f f. Aus Sibirien, Bd. I, стр. 216.

¹⁵⁷Г. Н. П о т а н и н, ук. соч., т. II, стр. 42.

где содержалась также инструкция об отношении к алтайцам местных властей. С этого времени алтайцы обрели спокойствие и „ них появилась возможность развивать свое хозяйство в мирной обстановке. У нас имеется возможность установить принадлежность некоторых алтайских зайсанов этого времени к определенным сеокам и тем способствовать выяснению этнического состава южных алтайцев двести лет тому назад. Основываясь на преданиях южных алтайцев и телеутов, записанных у них в начале 60-х годов XIX в., Радлов пишет: «По словам алтайцев, во время Джунгарского государства у них было только 5 зайсанов, и поэтому этих зайсанов обозначают как „укту" — потомственные, родовитые, кровные (укту зайсан). Из последних зайсанов только 4 зайсана укту, и они находятся у народа в почете. Как высоко ценится происхождение зайсанов, показывает достаточно уже то обстоятельство, что повсюду в народе известны их родословные».¹⁵⁸ Радлову назвали четырех следующих укту-зайсанов: 1) Кудук из рода Кыпчак, 2) Пудуко из рода Иркин, 3) Коккуш из рода То-дош, 4) Пуктуш из рода Мундус. Сходные данные получили мы при полевой работе в пределах бывшей Таутелеутской волости, или позднее 1-й дючины, где собирали материалы по родословным алтайских зайсанов. Родословная зайсанов 1-й дючины восходила к Пуктушу, и все зайсаны были из сеока Мундус. Кроме Пук-туша, нам удалось установить по документам как реальных исторических лиц, облеченных званием зайсана, названных нам при перечислении родословной имен Эрельдея, Апаса, Карты, Адый-ока.¹⁵⁹ Имя зайсана Пуктуша, как мы видели выше, неоднократно встречается в русских документах по истории Сибири середины XVIII в. Оно имеется и в списке зайсанов, добровольно вошедших в Русское государство в 1756 г.

Ценным свидетельством для этнического состава южных алтайцев служит то, что зайсан Кутук принадлежал к сеоку Кыпчак. Этноним Кыпчак, хотя бы как название волости, в русских исторических документах Сибири отсутствует. Конечно, трудно представить, что такого родо-племенного наименования в XVII— XVIII вв. у алтайцев не было. Сеок Кыпчак отмечен переписью 1897 г. у южных алтайцев как один из наиболее многочисленных. Сообщение о принадлежности зайсана Кутука к сеоку Кыпчак заполняет этот пробел. Имя Кутука также неоднократно встречается в привлекаемых нами письменных русских источниках, и мы находим его в списке зайсанов, принятых в подданство Русского государства. В упомянутом списке нет зайсана Кокуша, происходившего из сеока Тодош, как нет и зайсана Пудука из сеока Иркин. Но это может означать, что оба зайсана погибли в тяжелое время, когда население Джунгарии подверглось почти

¹⁵⁸ Radlof I. Aus Sibirien, Bd. I, стр. 251. Речь идет о той группе южных алтайцев, которая называла себя *алтай-кижи*.

¹⁵⁹ См. «Очерки по истории алтайцев» (второе издание), стр. 298.

полному истреблению,⁶⁰ а уцелевшая часть населения этих сеоков спаслась и вошла в состав Русского государства вместе с Другитип родственными им сеоками. Вообще же тодоши и иркиты, как говорилось выше, в русских источниках зафиксированы.

Нельзя пройти и мимо того, что предание современных алтайцев, записанное Радловым, повествует только о четырех родовитых и наследственных зайсанах алтайцев, находившихся в Джунгарском государстве. Это совпадает с сообщением китайских письменных источников о существовании в Джунгарском ханстве отока телеутов сначала с четырьмя зайсанами. Речь идет только о наследственных главах улусов алтайцев, ибо количество зайсанов как управителей различных рангов, назначавшихся джунгарским ханом, конечно, было во много раз больше, причем, как было указано, джунгарский хан не всегда считался с наследственным правом подчиненных ему алтайских зайсанов. При ставке джунгарского хана мы встречаем многих телеутских зайсанов, во всяком случае более чем четырех, как это видно из документов. Впрочем, независимо от имени зайсанов, называемых преданием алтайцев, мы можем уверенно считать, что в родо-племенном составе телеутов, покоренных Джунгарией, сеоки Мундус, Кып-«гак, Тодош и Иркит были наиболее сильными и многочисленными, ибо из их среды происходили укту-зайсаны.

Разумеется, были и мелкие местные зайсаны, которые жили и управляли алтайцами в период расцвета Джунгарского ханства в Горном Алтае. О ряде таких зайсанов говорится в приведенных выше документах, с указанием места их кочевий.

После принятия алтайцев в состав Русского государства царское правительство сохранило за зайсанами все права и привилегии, какими они обладали до этого, как привилегированное сословие, и вообще вначале не вмешивалось во внутренние дела алтайцев. Территория Горного Алтая была приписана к Алтайскому округу с его Кольвано-Воскресенским заводом и была объявлена собственностью русского императора. Для алтайцев была отведена в пределах горной части Алтайского округа огромная территория, называемая «Калмыцкие стойбища». В административном же отношении южные алтайцы были разделены на пять дючин, называвшихся по номерам, и две Чуйских волости (первая и вторая). В 1801 г. была выделена из 2-й дючины (при зайсане Кыстае Казакове) шестая дючина, а в 40-х годах — седьмая дючина. Эта последняя была выделена из состава четвертой дючины. Ее зайсан по имени Коскблок происходил из сеока Найман и зайсанское звание просто купил.¹⁶¹

¹⁶⁰И. Я. Златкин пишет: «От народа, численность которого в описываемое время составляла не менее 600 тыс. человек, осталось в живых 30—40 тыс. человек, спасшихся бегством в Россию» (История Джунгарского ханства, стр. 462).

¹⁶¹W. Radloff, ук. соч., стр. 252.

Северные алтайцы проживали по-прежнему в составе четырех олостей: Комляжской, Кергежской, Южской и Кузенской. У кузнецов были две волости, Верхне- и Нижне-Кумандинская, а челканцы и тогульцы вошли в число 22 кочевых волостей Кузнецкого округа. Кузнецкие телеуты и ак-киштымы были причислены к оседлым волостям Кузнецкого округа. В Бачатской волости в дер. Семенушкиной находились управления 1-й, 2-й и 3-й половины Телеутской волости и 1-й половины Аккиштымской. Их улусы находились по Большому и Малому Бочатам (притоки р. Ини), по Ускату, в бассейне Чумыша, по р. Томи. Их посетил В. Радлов и установил, что они называют себя *геленгит* и делятся на 15 сеоков. Часть из них во второй половине XIX в. переселилась в Бийский округ и вошла в Сарасинскую, Кокшинскую и Быстрянскую оседлые инородческие управы.

Итак, можно считать твердо установленным, что после добровольного вхождения южных алтайцев в Русское государство во второй половине XVIII в. население алтайцев в целом и их этнический состав определились в общем в том виде, как это было зафиксировано переписью 1897 г.

После реформы по управлению инородцами 1822 г. (реформа М. Сперанского) алтайцы Бийского уезда были отнесены к разряду «кочующих», и у них сохранилось описанное выше административное устройство, с разделением на дючины и волости. В результате реформы, особенно в результате работы Ясачной комиссии, обследовавшей положение инородцев в Западной Сибири в период 1828—1835 гг., некоторая часть алтайцев была признана к оставлению в разряде оседлых, но с учреждением у них «особенных внутренних управлений, именуемых волостями, с избранием для каждого такого управления одного старосты и одного помощника». Вследствие этого в Бийском уезде в 1835 г. были учреждены волостные правления оседлых инородцев, которые именовались не волостями, а инородными управами. Эти управы учреждались официально как волостные правления, со следующими наименованиями и составом населения.

1. Быстрянское волостное правление для живущих на восточной стороне Катуня, приписанных до этого к Смоленской русской волости (456 душ), с резиденцией в сел. Быстрянюш.
2. Сарасинское волостное правление в сел. Сарасинском для живущих на западной (левой) стороне Катуня и также до этого приписанных к Смоленской русской волости.
3. Кокшинское волостное правление для 149 душ, проживающих в деревнях: Иконниковой (20 душ), Суртайской (59), Березовке (45 душ) и Карагужинской (25 душ); внутреннее управление учреждалось в Березовке.
4. Уймонское волостное правление, с резиденцией в сел. Верх-Уймонское, к которому приписывались 65 душ оседлых алтайцев, до этого числившихся в 6-й алтайской дючине.
5. Телеутское волостное правление; оно было создано для крещеных телеутов,

проживавших в селениях Улале и Сарасе, в количестве 61 души, которые не пожелали войти в Сарасинское волостное правление' «по разномыслию их в вероисповедании и несогласию в образе жизни» с населением Сараеинского волостного правления. Проживавшие же в деревне Усть-Коксинская 52 чел. инородцев, переселившиеся сюда в конце 20-х годов XIX в. из Шуйской управы Кузнецкого уезда, но приписанные в Нижне-Кумандинской волости, были присоединены теперь к Быстрянскому волостному правлению.

Нам остается еще охарактеризовать этнический состав оседлых волостей алтайцев, поскольку такие данные имеются.¹⁶²

Быстрянская управа (или волостное правление) состояла в основном из кузнецких или бочатских телеутов и кумандинцев. В ее состав входило семь селений: Улала, населенная сначала бочатскими телеутами, переехавшими сюда из дер. Кокши; Майма, основанная первоначально кумандинцами, выходцами из сел. Тарханского, которое позднее получило название Быстрянское; Бирюля, основание которой положили также кумандинцы, переселившиеся сюда с р. Чепши (левый приток Иши) и из сел. Тарханского; Балыкса, образованная кумандинцами, затем переселенцами из Кумышской управы (видимо, телеутами) Барнаульского уезда и выселенцами их Тарханки, сел. Солтона; Че-пош, основателями которого были также кумандинцы, и Пильна — тоже кумандинское селение.

Сарасинская управа в основном состояла из казахов рода Ко-пёк (ср. алтайский сеок Кобёк), прикочевавших сюда из-за Иртыша. Здесь они осели и большей частью ассимилировались в среде местного русского крестьянского населения. Позднее к ним подселились бочатские телеуты (Шабураковы), которые образовали селения Мыету (1847 г.) и Чергу. Еще позднее сюда подсеялись крещеные алтайцы и телеуты из Улалы.

Кокшинская управа включала четыре селения: Березовку, основателями которой были кумандинцы; Старо-Суртайское и Ново-Суртайское, основанные в 20-х годах XIX в. кузнецкими телеутами, и Верх-Карагуж, первоначальными жителями которого были выходцы из селений Березовки и Суртайского.

Верх-Уймонская управа включала русских староверов, обосновавшихся на Уймоне на правах инородцев, и переселенцев из Шуйской волости Кузнецкого уезда, проживавших в сел. Усть-Кокса. Шуйская оседлая волость находилась на северных склонах хребта Кузнецкого Алатау и, по Радлову, состояла из потомков телеутов. В XVIII в. эта волость входила в Томский уезд и относилась к «Чулымским волостям». То же самое в отношении местонахождения и состава населения можно сказать и про Ку-

¹⁶² Горный Алтай и его население. Т. III, в. II. Оседлые инородцы Бийского уезда. Барнаул, 1902.

(ьпнскую волость, упомянутую выше. В состав Барнаульского уезда она вошла в XIX в.

Заканчивая настоящую главу, мы можем считать этнический состав современных алтайцев и их происхождение в основных чертах выясненными.

Анализ исторического материала дает возможность вполне ясно представить ближайших исторических предков южных и северных алтайцев. В отношении первых можно не сомневаться, что это были в основе телеуты-теленгуты, которые кочевали в междуречье верхнего течения Оби и верхнего Иртыша. Большая часть их была насильственно (вероятно, в самом начале XVIII в.) переселена в Джунгарию и на территории, захваченные Джунгарией по правобережью Иртыша, в Западном и Центральном Горном Алтае. Наиболее интенсивное освоение Горного Алтая, особенно той его части, где сформировалась территориально-этническая общность *алтай-кижи*, происходило в конце правления джунгарского хана Галдана-Церена (ум. в 1745 г.). Здесь кочевали различные телесские, телеутские и «урянской», т. е. тувинские родо-племенные подразделения, под управлением зайсанов, подчиненных Галдан-Церену. Смещение населения Горного Алтая особенно усилилось в середине 50-х гг. XVIII в. в связи с распадом, а затем и полным разгромом Джунгарии Цинской династией Китая. Массовое бегство из Джунгарии в Западный и Центральный Алтай подчиненных ей урянхайских, телеутских племен и частично западных монголов, или ойратов, и принятие населения Алтая в состав России создало условия для стабильной мирной политической обстановки, при которой окончательно определились этнические компоненты, вошедшие в состав современных алтайцев. Родо-племенные группы телеутов, тувинцев, западных монголов (джунгар), нашедшие убежище на Алтае вместе с имевшимся там населением, были тем «этническим материалом», из которого сложились *алтай-кижи*. Этим и объясняется почти полное совпадение сеоков у современных *алтай-кижи* и телеутов, а также наличие среди *алтай-кижи* и телеутов тувинских родо-племенных групп (Иркит, Соен, Кобалы, Олюп, Танды, Тумат и др.). Бегством из Джунгарии нужно объяснить появление на Алтае таких этнических групп, как Бурут, Кыргыз, Ара, Модор, оказавшихся в Джунгарии в результате насильственного переселения енисейских кыргызов. В Горном Алтае почти все эти группы зафиксированы переписью 1897 г. как сеоки. Наконец, чоросы, почему-то не зарегистрированные в 1897 г., также несомненно являются обалтаившимися потомками ойратов-джунгаров, попавших в Горный Алтай в порядке спасения при разгроме Джунгарии. Все перечисленные группы после вступления в состав Русского государства стали смешиваться здесь с чуйскими теленгитами и чулышманскими телесами. В результате столь специфических, но вполне конкретных историче-

ских условий и сложился этнический состав современных южных алтайцев. Современные же северные алтайцы могут быть охарактеризованы как потомки тюркоязычных родо-племенных групп XVII—XVIII вв., обитавших в этих же местах и под такими названиями. Их современный этнический состав, как мы видели выше, сложился значительно раньше по сравнению с этническим составом южных алтайцев и на несколько иной, хотя также смешанной этнической основе.

После сказанного целесообразно попытаться проследить уже более древние этнические элементы, послужившие субстратом, на базе которого появились исторические предки обеих групп современных алтайцев. Мы посвятим этому вопросу следующую главу, которой и закончим наше исследование.

ДРЕВНИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ АЛТАЙЦЕВ

Мы установили в предшествующих главах, что ближайшими историческими предками современных южных алтайцев были главным образом тюркоязычные скотоводческие племена телеутов-теленгутов, телепгитов и телесов, которые четыре столетия тому йазад кочевали по территории Сибири, не только в ее южной, особенно горной части в Саяно-Алтайском нагорье, но и в лесо-степях и степях междуречья Оби и Иртыша, к югу от линии Омск—Новосибирск—Томск.¹ Нельзя не заметить, что во всех перечисленных названиях — этнонимов, если отбросить окончания множественного числа, основой слова является термин *теле*. Это дает основание утверждать, что в основе этнического состава подавляющей части современных южных алтайцев лежат тюркоязычные компоненты, связанные с древним этнонимом *теле*. Нам необходимо теперь проследить по имеющимся источникам наличие данного этнонима у кочевников Центральной Азии в более ранние исторические времена.

Как сообщают китайские письменные источники, уже в первой половине I тысячелетия нашей эры под названием *теле* была известна целая группа племен кочевников-скотоводов, обитавших преимущественно в восточной части Центральной Азии, по северную сторону Гоби. Древние кочевые племена теле, разумеется, могут быть сопоставлены в этногенетическом отношении с телеутами, те-ленгитами и телесами. Такое сопоставление поможет пролить свет на раннюю этническую историю современных южных алтайцев, так как оно прояснит вопрос об их ранних исторических предках.

Этноним *теле* появляется в китайских летописных источниках Суйской (581—618 гг.) и Танской (618—907 гг.) династий в применении к большой группе племен, кочевавших по северную сторону пустыни Гоби на обширных пространствах между Большим Хинганом на востоке и Тянь-Шанем на западе. Территории современной Монголии, Тувы и Алтая, как Русского, так и Монголь-

¹ Известный французский ориенталист Л. Амбис пишет: «Теленгуты, естественно, являются нынешними телеутами (Teleut), которых мы называем этой развившейся формой, причем переход от Talangit к Teleut объясняется неудовлетворительно, но которые продолжают себя называть теленгетами или теленгитами» (L. H a m b i s. Notes sur trois tribus de **' superieur: les Us, Qarqanas et Talangiit. Journal Asiatique, t- CCXLV, 1957, f. 1, стр. 33).

ского, входили в зону кочевий племен теле. Это ский факт.

Термин *теле* попал в китайские летописи несомненно как одв из самоназваний центральноазиатских кочевников и, конечно не является китайским, ибо в противном случае было бы нельзя объяснить его бытование у ряда тюркоязычных племен и народностей до нашего времени, не говоря уже о том, что заимствование термина из китайских летописей и распространение в народных массах кочевников практически невозможно. Более того можно вполне утверждать, что название *теле*, появившееся в летописях Суйской и Танской династий, было правильной передачей китайскими хронистами самоназвания группы племен кочевников-скотоводов. Доказательства его правильности заключаются не только в том, что этноним теле сохранился в самоназвании некоторых современных тюркоязычных племен и народов (у южных алтайцев и у киргизов). Доказательства лежат и в том, что этноним теле мы встречаем и в таких известных средневековых источниках, как «Сокровенное сказание» (на монгольском языке), летописи Рашид-ад-дина (на персидском языке), наконец, в русских письменных источниках XVII—XVIII вв. Другими словами, этноним *теле*, зафиксированный китайскими летописцами в период Суйской династии,² несомненно правильно отражает самоназвание определенных племен. Он сохранялся у тюркоязычных кочевников на протяжении почти 15 столетий, дожив до наших дней. Поэтому попытки, предпринимаемые отдельными исследователями, исходящими из предположения, что этноним *теле* — лишь китайская передача какого-то этнонима, который на языке носителя звучал по-иному (например, *терек*), представляются с историко-этнографической точки зрения недостаточно обоснованными. Этноним *теле* не такой термин, который представлял бы трудности для китайской фонетики того времени, чтобы исказить его реальное звучание. В результате недооценки возможности правильной передачи по-китайски этнонима *теле* могут появляться «восстановленные» этнонимы, которых мы, конечно, не найдем в реальной этнической истории. Термин *теле* неоднократно обсуждался в специальной литературе. Наиболее видные современные ориенталисты склонны сводить его через более ранние формы яписания (например, Ch'ih-le) к названию Ting-ling (динлины), носители которого (по крайней мере в I в. н. э.) были и тюрко-язычные племена.³

историче-

² В этот период китайские хронисты уже лучше знали кочевников, «бивавших по северную сторону Гоби, так как между кочевниками и китайскими династийными дворами существовали довольно регулярные сношения (обмен посольствами, торговля и т. д.).

³ E. Pulley blank. 1) Some remarks on the Toguzoghuz problem. Uralo-Altische Jahrbucher, Wiesbaden, XXVIII, N. 1—2, 1956, стр. 37—38; 2) I'be Hsiung-nu Language, 1962, стр. 260; L. Hambis, ук. соч., стр. ох

Племена теле стали известны китайским историкам гораздо раньше, чем их самоназвание появилось в Суйской и Танской династийных хрониках. Нашими синологами давно отмечены сведения об этих племенах в более ранних китайских источниках, но под другими названиями.⁴ Не вдаваясь в обсуждение эволюции наименований кочевников теле в китайских летописях до Суйского периода, когда сведения историков об упоминаемых племенах были весьма поверхностными и слабыми, укажем на общеизвестный факт, что в истории северных династий (386—581 гг.) вместо этнонима *теле* фигурирует название *гао-гю* (*као-кю*). Как неоднократно подчеркивалось, это наименование является китайским и было дано по бытовому признаку. В переводе с китайского оно означает «высокие повозки», ибо при перекочевках названные кочевники пользовались деревянными повозками на двух высоких колесах (со множеством спиц), впрягая в них быков.

Из упомянутых династийных источников следует, что по крайней мере в IV в. гаогюйцы кочевали по северную сторону Гоби, на территории современной Монголии, смыкающейся с Саяно-Алтайским нагорьем, где они упоминаются иногда как подданные сяньбийской династии Тоба. Их главное племя Юапъхэ, которое позднее стало именоваться Вэйхо, а затем Хуйхо или Уйгур, обитало в бассейне Селенги, в частности в системе рр. Орхона и Толы. Из обычаев гаогюйцев того времени для нас интересно отметить общественное моление и жертвоприношение небу (как и у хуннов), сопровождавшееся празднеством. Жертвоприношения небу практиковались именно у народностей Саяно-Алтайского нагорья вплоть до XX столетия.

Гаогюйцы непрерывно враждовали с племенами жужаней, которые кочевали тогда по южную сторону Гоби, но в летнее время переходили и на северную и вступали в столкновения с гаогюйцами. Видимо, гаогюйцы появляются на северной стороне Гоби в I в., в составе северных гуннов, перемешавшихся затем с сяньбийцами и даже в значительной своей части принявших их название.⁵ Между прочим, сяньбийцы также пользовались при перекочевках деревянными повозками.⁶ Не отражает ли данная бытовая особенность наличие в сяньбийском конгломерате и гаогюйских племен, именовавших себе теле? Сошлемся еще на такой любопытный факт. В истории младшей Ханьской династии записана легенда, бытовавшая у сяньбийцев, о необыкновенном происхождении знаменитого их вождя Танынина (середина II в.), который был зачат его матерью от градинки. Может быть, неслучайно сохранение этой весьма своеобразной легенды у дале-

⁴Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 301; Д- Позднее в. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 12—13.

⁵Н. Бичурин, ук. соч., стр. 150—151. Там же, стр. 153.

ких потомков древних племен теле на Алтае и у современных телеутов. Такое предположение кажется тем более вероятным еще и потому, что, как доказывается теперь, некоторые группы сяньбийцев, в частности тоба, были тюркоязычными.⁷ Во всяком случае в конгломерате племен сяньбийцев тюркская речь несомненно звучала. Отсюда увеличивается возможность связи записанной нами легенды о происхождении основателя телеутского сеока Мундус с сяньбийской легендой о происхождении Тань-ншхая.

Вражда гаогюйцев (теле) с жузянями особенно обострилась во второй половине V в. Гаогюйцы считались подчиненными жу-зяням. Однако гаогюйский вождь Афучжило, стремясь к самостоятельности, увел свой народ численностью в 100 тыс. кибиток на запад через Монгольский Алтай на территорию современной Джунгарии с центром близ современного Турфана. Таким путем гаогюйцы-теле оказались частично и в верховьях Иртыша (Черный Иртыш). Возможно, среди них уже тогда были ранние исторические предки современных телеутов. В новых местах, главным образом у Алтайских гор, гаогюйцы продолжали борьбу с жузя-нами еще в течение трех десятков лет.⁸

Летописные источники сообщают о происхождении племен теле и называют их прямыми потомками гуннов. «Предки теле были потомками хунну», сказано в Суйской династийной хронике.⁹ Язык теле был сходен с хуннеким, утверждает Вэйская летопись, рассказывающая о происхождении предков гаогюйцев от хуннов.¹⁰ Мы можем указать еще на ряд этнографических признаков, подтверждающих этногенетическое родство племен теле с хунтами. Как хорошо известно, те и другие были скотоводами-кочевниками. Выше отмечалось жертвоприношение небу, характерное для рели-

⁷ P. Woodberg. The language of the T'o-pa Wei. Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. I, 1936, стр. 167—185; L. B a z i n. Recherches sur les paries To-pa. T'oung-Pao, 1950, v. XXXIX, стр. 4—5; G. Clauson. Turk, Mongol, Tungus. Asia Major, New Series (vol. VIII), pt. 1, 1960; Ср.: В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 8 (со ссылкой на лекцию П. Пельо, читанную в Ленинграде, в которой Пельо назвал тюрками сянь-бийцев, опираясь на китайский словарь сяньбийского языка); Е. Пули-бланк, приводя замечание П. Пельо, что некоторые группы сяньби говорили по-монгольски, признает среди сяньбийцев тоба безусловно тюркские элементы, происходящие, как он думает, от динлинов (Ting-ling). Однако Пулибланк считает, что вопрос о тюркоязычности «то-ба» в целом следует пересмотреть (E. Pulleyblanc. The Hsiung-nu Language, стр. 259—260)^

⁸ Ма Чжан-шоу. Тюрки и тюркский каганат. Шанхай, 1957, стр. 7 (на кит. языке).

⁹ Liu Mau-tsai, ук. соч., т. I, стр. 109. Ср.: F. Hirth. Nachworte zur Inschriften des Tonjukuk. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. Zw.Folge. St.-Pet., 1899, стр. 134; Н. В. К ю н е р. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 36 («Тйелэ собственно есть отдельное племя сюнну»).

¹⁰ Н. Я. Б и ч у р и н, ук. соч., стр. 214.

гозного культа хуннов. Такой обычай бытовал и у теле-гаогюй-ев. Сошлемся и на другую параллель. Хунны умели делать дере-яняые повозки, которые они применяли при перекочевках.¹¹ Так как хунны жили в горной местности, то несомненно повозки эти были двухколесными, т. е. такими же, о каких говорится в китайских источниках применительно к гаогюйцам-теле.

В период древнетюрского каганата (VI—VIII вв.) теле становятся известны китайским хронистам, как по отдельным племенам, так и по некоторым племенным объединениям. Наиболее часто упоминаются следующие племена теле, игравшие ту или иную роль в истории восточной части Центральной Азии вообще, или в связи с историей Тюркского каганата и Китая в частности: сеяньто, вэйхо (хуйхо, или уйгуры), паегу, тунло, пугу, апа, телеер, секие, толанко (доланьге), кипи, атйе, хун,¹² хусйе, или хуса, фуло, фуликю, тубо (дубо), гулигань.¹³ Из них отдельные племена характеризуются в источниках как «особое поколение теле». К ним относятся: сеяньто, пугу, тунло, киби, адйе, хусие, гулигань, баегу, дубо.¹⁴

Расселены теле были на обширном пространстве от Большого Хингана на востоке до Каспийского моря на западе. Суйская летопись перечисляет несколько групп телеских племен, которые можно предположительно «привязать» к различным географическим районам. На востоке можно назвать группу племен, обитавшую на территории от Байкала до бассейна р. Толы. В нее входили дубо, уйгуры, пугу, паегу, тунло, хусйе, толанко и др. На западе в районе верховьев Енисея, Монгольского Алтая, Джунгарии жили сеяньто, телеер и пр. Различные племена теле жили между Аральским и Каспийским морями, и т. д.

Если сделать выборку о местах обитания некоторых племен теле, то можно осветить этот вопрос несколько подробнее. В летописи Суйской династии говорится, что уйгуры жили на р. Селенге, а хусйе (или хуса) — на р. Толе. Севернее Толы обитали: пугу, паегу, тунло и фуло. Около Монгольского Алтая в Джунгарии кочевали сеяньто, таки, телеер, в районе оз. Косогола дубо. В летописи Танской династии кочевья уйгуров, толанко, хуса, пугу указаны в бассейне верхнего течения Селенги, по Орхону и Толе, а Дубо указаны к северу от уйгуров, к востоку от кыргызов и к югу от небольшого озера, видимо Косогола. Гулигань являлись самым северным племенем теле и жили по северную сторону Байкала. Племена паегу и атйе указаны у границы Маньчжурии, племя фуликю размещалось за Большим Хинганом

¹¹ Там же, стр. 99.

¹² В этом племени многие ученые видят остатки хуннов. См.: O. P r i t - s a k. Xun der Volksname der Hsiung-nu. Central Asiatic Journal, vol. V, 1959.

¹³ Liu M a u - T s a i, ук. соч., тт. I и II.

¹⁴ Н. В. Кюнер, ук. соч., стр. 40—51. ,---■• . ■:■ ;

в Юго-Западной Маньчжурии, а кипи — на крайнем западе — в долине Юлдуса на северо-запад от Карашара.¹⁵

Проследим кратко по источникам судьбу племен теле, история которых тесно связана с государством древних тюрков-тюкю.

Экономическое и военное усиление древних тюрков приходится на период конца 20-х и начала 30-х годов VI в. В 546 г. они напали на «джунгарские» племена теле, которые шли в это время в поход на своих врагов — жужаней. Теле были разгромлены и тюрки захватили их в количестве 50 тыс. кибиток. Так было положено начало подчинения теле древним тюркам.

Племена теле, оказавшиеся в подчинении древних тюрков, составляли в каганате большую военную силу, которая систематически использовалась каганской верхушкой для завоевательных и карательных походов. Как сказано в летописи Танской династии, древние тюрки «их силами геройствовали в пустынях севера».¹⁶ В 581 г. при кагане Шаболио племенами теле, кочевавшими в восточной части Центральной Азии, управлял его брат Анло, кочевья которого находились по р. Толе. Между Хангай-скими горами и Монгольским Алтаем правил племянник кагана, назначенный правителем телесского племени Аба. Далекие потомки племени Аба «абинские татары» кочевали по соседству с телеутами и сохраняли свое название вплоть до XVII—XIX вв. В местах их кочевьев и был построен в 1618 г. Кузнецкий острог. В начале 80-х годов VI в. Тюркский каганат в результате междоусобиц распался на две самостоятельные части: восточную и западную. С этого времени принято различать государства восточных и западных тюрков.

В конце VI в. западные тюрки на некоторое время овладели землями к северу от Гоби и племена теле в большинстве оказались под их властью. Но у западных тюрков царили междоусобия. Племена теле часто восставали против их господства. Они частично перекочевали за южную сторону пустыни, под покровительством Кимин (или Сымын) — кагана восточных тюрков, находившегося под покровительством китайского императора, частью переселились через Алтай в Джунгарию, где им пришлось сразиться с западными тюркскими каганами Хели-ханом и Шеху, которых теле сумели разбить. Ряд телесских племен (сеяньто, киби, хойху или уйгур, тунло) стал в то время кочевать севернее Тянь-Шаня. Таким образом, в этот период племена теле рассеялись. Однако после того как в 605 г. западный тюркский каган

¹⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло, изучив упомянутые источники, пришел к выводу, что толанко (доланьгэ) кочевали в бассейне р. Дзабхана на юго-восток от оз. Кыргыз-нур, в которое впадает эта река; уйгуры — между Толой и Орхоном, сеяньто — в Гобийском Алтае; пугу — в низовьях Орхона и Селенги, и т. д. (Западная Монголия и Урянхайский край, т. II-Л., 1956, стр. 247—251, 275—276).

¹⁶ Н. Я. Бич урин, ук. соч., стр. 301.

Чуло-хан покорил их, затем истребил почти всех их предводителей и обложил тяжелой данью, племена теле (уйгуры, сеяньто, пугУ; тунло, паегу и др.) снова объединились, затем, восстав, сбросили иго Чудо-хана и образовали на западе свой кратковременный каганат.

Власть каганата теле, возглавляемого предводителями сеяньто, 00 в котором уйгуры играли большую роль, распространялась временно и на некоторые государства-города Восточного Туркестана. Теле посылали туда своих чиновников для сбора налогов с подчиненных жителей, как об этом говорится в летописи Суй-ской династии. Теле совершали набеги и на территорию Китая. Но когда в 609 г. у восточных тюкю каганом стал Шиби, семь племен теле (уйгуры, паегу, атйе, хунло, пугу и др.), кочевавшие у гор Отукен (в районе Хангая), покорились ему. Сеяньто (у Монгольского Алтая) и другие телеские племена, кочевавшие на западе, были покорены в период 615—619 гг. западными тюкю.

После смерти Шиби в 619 г. каганом стал его брат Хели. Сына покойного кагана Шиби-Тули он назначил ханом племен на востоке. Племена теле, жившие по северную сторону пустыни, управлялись шадом Уйку — сыном Хели-кагана. Под его властью оказались также сеяньто, которые ушли от западных тюкю к Хели-кагану в количестве 70 тыс. юрт, под предводительством Инана. Однако сила восточнотюрского кагана начала падать. Это ослабление было вызвано в значительной степени восстаниями подвластных телеских племен, которых Хели облагал большими налогами.

Племена теле — сеяньто и уйгуры, восставшие в 627 г., — вторглись к тюкю через северную границу и разгромили отряды кагана. Особенно отличились уйгуры, которые после этой победы стали усиливаться. Они вместе с сеяньто стали наиболее сильными племенами, их кочевья распространялись на Северную Монголию и Туву. Многие роды и племена Хели-кагана сдались сеяньто и уйгурам. Власть Инана — предводителя сеяньто — признал и уйгурский предводитель Пуса, ставка которого была на р. Толе. Отложение и восстание племен теле весьма ослабили Хели. В 628 г. Инан стал каганом не только сеяньто, но и каганом племен теле (уйгуры, паегу, атйе, тунло, пугу, си). Инан расположил свою ставку по северную сторону пустыни в горах Юйдугюнь.¹⁷ Его владения простирались от Алтая на восток.

В 630 г. Хели-каган был разбит китайскими войсками и взят в плен. Первый тюркский каганат закончил существование. Подчиненные Хели-кагану племена частично бежали к сеяньто. Инан стал продвигаться на восток и укрепился ов горах южнее Толы. К востоку от него жили некоторые группы шивэй, к югу — тюкю,

— Эти горы нельзя отождествлять с горами Отукен.

к западу находился Алтай, а к северу — Байкал. Это была, гласит летопись, прежняя территория хуннов.

Так по северную сторону пустыни в восточной части Центральной Азии возник каганат из племен теле, далеких предков современных тувинцев и алтайцев, во главе с племенем сеяньто, по-тюркски *токуз-огуз*, т. е. «девять огузов», или «девять племен». Ядро этого объединения составляли девять племен, в число которых входили и древние предки теленгитов (го-ланко или *доланьго* в китайской записи).

В летописях Танской династии токуз-огузы обычно именуется просто «девять племен», что является переводом на китайский язык термина *токуз-огуз*, причем этот термин появляется в китайских источниках около 630 г. Название *токуз-огуз* зафиксировано также в древнетюркских надписях VIII в., где означает конфедерацию племен теле. Обычай называть то или иное племенное объединение числовым именем довольно широко известен в истории кочевников Центральной Азии. Однако числовое название не всегда совпадало с фактическим количеством племен, входящим в объединение. В танских летописях токуз-огузы еще именуется изредка «девять племен тюкю» или «тюкю девяти племен», так как токуз-огузы в период Тюркского каганата, как правило, находились в подчинении тюкю, которые часто использовали их для своих военных походов, а быт и язык теле (токуз-огузов) были весьма сходными с восточными тюкю.

Политическое влияние каганата, возглавляемого сеяньто, распространялось на территорию современной Монголии, Тувы, Алтая и государства Хягас (кыргызы енисейские), находившегося в Минусинской котловине.

Сеяньтовский каган, занявши свои прежние кочевья по северную сторону пустыни, располагал 200 тыс. отборных воинов.

В это время племенная аристократия восточных тюкю, номинально подчиненных Китаю, выдвинула своим предводителем Кюпи, происходившего из каганского рода Ашина. Но токуз-огузы во главе с сеяньто тогда были настолько сильны, что Кюпи сам признал их власть над собой. Это был период кратковременного владычества племен теле над восточным тюкю. В 632 и 635 гг. теле разгромили пытавшихся их уничтожить западнотюркских каганов. Кюпи настолько опасался кагана токуз-огузов, что вскоре бежал от Великой стены. Он разбил свою ставку севернее Монгольского Алтая, где и провозгласил себя каганом тюкю.

В 639 г. император Китая в расчете противопоставить кагану Кюпи своего ставленника назначил каганом покоренных им восточных тюкю родственника покойного Хели по имени Семо и приказал ему переселить тюкю, большинство которых обитало в Китае, на старую территорию, расположенную к югу от пустыни и охватывающую излучину р. Хуанхэ, севернее Великой стены.

В 641 г. сеяньто (под предводительством Инана) вместе уйгурами, тунло, пугу и другими племенами теле пересекли пустыню, напали на Семо-кагана и частично вторглись в Китай. Оздоровшие на помощь китайские войска разби́ли Инана.

В 645 г. умер каган Инан. Каганом стал его сын Бачжо. В 646 г. китайские войска совместно с конницей восточных тюкю разгромили сеяньто севернее хребта Отукен, обезглавив более 5 тыс. человек и взяв в плен свыше 30 тыс. мужчин и женщин. Сеяньто были полностью разбиты и рассеяны.

В этой ситуации против сеяньто выступили другие племена теле. Предводитель уйгуров Тумиту нанес сеяньто сильное поражение и захватил их территорию. В 648 г. китайские отряды разгромили остатки сеяньто у Монгольского Алтая. Среди токуз-огузов главенствующую роль стали играть уйгуры. В силу возросшего могущества Танской империи племена теле (токуз-огузов) были вынуждены в 648 г. временно признать власть Китая. Для управления на их территории было учреждено 13 префектур или административных областей и военных губернаторств. Из них шесть: для уйгуров, пугу, доланго (теленгиты), баегу, тунло и байси были учреждены на территории современной Монгольской Народной Республики. В районе современного Улан-Батора находилась административная область Ян-Жань, близ которой кочевали теленгиты. Этой области были подчинены все остальные области, находящиеся по северную сторону пустыни. Территория Тувы, Алтая и владения Хягас были также причислены к области Ян-Жань, которая в 663 г. была переименована в Ханхай. Однако китайской администрации в этих префектурах не было. Все свелось к тому, что предводители племен теле были назначены военными губернаторами и префектами. В качестве знака власти они получили по железному изображению рыбы. В частности, сын уйгурского предводителя Тумиту был назначен «комендантом» Ханхая.

Племена теле, находившиеся временно в подчинении Танской династии, использо'вались для различных военных походов. Однако и в этих условиях токуз-огузы, кочевавшие по северную сторону пустыни, то и дело поднимали восстания, которые обычно жестоко подавлялись.

Восстания племен теле и тюкю свидетельствовали о том, что в тюркоязычных массах кочевников, подчиненных Танской династии, раздробленных, но не покоренных, были распространены идеи объединения и государственной самостоятельности.

В результате ряда восстаний племен тюкю в 682 г. возник второй тюркский каганат. Первым каганом возрожденного государства восточных тюкю был Гудулу (Ильтерее-каган по древне-тюркским надписям). Первоначально военно-политический центр каганата находился по южную сторону пустыни, близ известного города Куку-Хото. ...»_

Гудулу начал укреплять государство восточных тюкю, да ствуя в интересах господствующего класса, возглавляемого каган-ским родом. Борьба за политическую гегемонию среди кочевни-ков, обитавших по обе стороны пустыни, угнетение подчиненных племен, грабительские походы и набеги на соседей были основой политики каганов возрожденного государства восточных тюкю.

Разгромив токуз-огузов, каган захватил Отукен,¹⁸ где преимущественно жили уйгуры, возглавлявшие конфедерацию токуз-огузов. Гудулу-каган вскоре перенес сюда свою ставку, т. е. по северную сторону пустыни. В южной ставке — Черных песках — правил его брат — шад Мочо, который после смерти Гудулу (692 г.) объявил себя каганом. В древнетюркских надписях он именуется Капган. Ставка его так и осталась в Черных песках.

Племена токуз-огузов, оставшиеся по северную сторону пустыни, часто восставали против кагана. Осенью 715 г. Мочо нанес им сильное поражение, уничтожив много людей и скота. В 716 г. на реке Толе он напал на племя паегу и разбил его. Но тогда же был убит. Отпадение племен токуз-огузов снова нанесло тяжелый удар восточным тюкю.

Племена тюкю объединил сын Гудулу по имени Кюльтегян, объявивший тюркским каганом своего старшего брата Могиляна (по орхонским надписям — Бильге-каган). Сам Кюльтегин остался при кагане командующим войсками.

Кюльтегин устроил ставку в местности Отукен. Из тюркской надписи в честь Кюльтегина видно, что тюкю приходилось много воевать с токуз-огузами, т. е. племенами теле, как об этом говорят и китайские летописи.

После смерти Могиляна у тюкю начались междоусобицы из-за престола. Последний каган их именовался по древнетюркским надписям Озмиш-каган.

В 744 г. пал второй тюркский каганат и политическое господство в восточной части Центральной Азии перешло к уйгурам. Глава уйгуров перенес свою ставку еще в 743 г. на старинные свои кочевья в область Отукен и утвердил свое господство от Алтая до Байкала. Новая уйгурская конфедерация включала племена токуз-огузов. Сами уйгуры к тому времени состояли из 10 племен (*он-уйгур*). С этого времени история племен, населяющих территорию современной Тувы и прилегающих к ней районов Монголии, становится тесно связанной с историей уйгуров.

Таким образом, племена теле оказывали заметное влияние на судьбу государства древних тюрков. Их отпадение от кагана Хели решило судьбу первого тюркского каганата. Их восстание в 715—716 гг. (конфедерация токуз-огузов) повлияло на крушение

¹⁸ Местность Отукен охватывает обширный горно-лесной район от верховьев Селенги до верховьев Енисея, в который входила и Северо-Восточная Тува, где название Отукен сохранилось по сей день применительно к одному из лесистых горных хребтов.

второго тюркского каганата и было причиной гибели Мочо-кагана. Наконец, позднее судьбу каганата решили также племена теле до главенством уйгуров, свергнувшие власть тюкю и утвердившие свое господство почти на 100 лет.

Такова в общих чертах история племен теле в период тюркских каганатов. Из нее видно, что племена теле были многочисленными и кочевали на обширном пространстве по северную сторону Гоби от Хентея до восточного Тянь-Шаня. Территории современной Монголии, Тувы и Горного Алтая входили в зону кочевания племен теле.

Местообитание племен теле нашло отражение в древней и средневековой топонимике. В одном из письменных китайских документов, относящемся к периоду с конца VII по конец VIII в., упоминаются телеские горы — Тэ-лэ-шань, находящиеся в пустыне Алашань, т. е. хребет Алашань на современной карте.¹⁹ В известном персидском анониме X в. Худуд-ал-алам названы горы (или гора) Тулас.²⁰ Путь к этим горам с запада шел через верхний Иртыш и вел, видимо, в горы Монгольского Алтая. Поскольку термин *тулас* в некоторых средневековых мусульманских источниках является синонимом названия *телес*, то упомянутые горы, видимо, назывались телесскими. В знаменитом сборнике летописей Рашид-ад-дина²¹ термином *тулас* передан этноним одного из тюркских лесных племен, обитающих в местности Баргуд-жин-Токум, т. е. в Монголии, который в «Сокровенном сказании» монголов звучит как *телес*. Этноним *теле* сохранился и в современной топонимике, особенно в названии нескольких рек в Монголии, одна из которых под названием Тели (или по-монгольски Телин-гол) впадает в озеро Упса-Нор, другая — в р. Шабир (приток р. Теси) и др. Река под названием Деле находится в системе гор Алатау.²² Отмечен такой гидроним в районе Телецкого озера на Алтае. Напомним еще название озера Теле-Коль в Казахстане {на юг от озера Арыс}.

Показав широкое распространение в древности скотоводческих племен теле, кочевавших в Центральной Азии, по северную сторону пустыни Гоби, и изложив кратко их политическую историю периода государства тюркских каганатов, мы имеем основания уверенно говорить о племенах теле рассматриваемого времени как наиболее древних из достоверных исторических предков современ-

—¹⁹Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств. Тр. Инст. истории, археологии и этнографии Акад. наук Каз. ССР, т. VIII, Алма-Ата, 1960, стр. 112 (Далее ТИИАЭАНК).

²⁰V. M i n o g s k y. Hudud al-Alam. The regions of the World a persiangeography. London, 1937, стр. 195—196.

²¹Р а ш и д-а д- дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1.

195 М.—Л., стр. 121.

²²Ч. Валиханов. Избранные произведения.

2, Алма-Ата, стр. 243—244; Г.

Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии СПб.,

¹⁰ 1883, стр. 15.

ных южных алтайцев, которые сохранили этноним в самоназвании до наших дней. Однако у нас есть возможность и более детальных сопоставлений этнонимов южных алтайцев с некоторыми конкретными племенами теле древнетюркского и последующих периодов. Но прежде чем остановиться на этом вопросе, мы хотели бы заметить, что этноним *теле* в этой самой форме упоминается в одном из документов (XIV в.), обнаруженных в г. Хара-Хото. В нем говорится: «Двинув вперед войско, монгольский сюань-фу-ши Ван-чжи прошел пески и, войдя в Хэ-си, ударил на племена са-ли, тэлэ и чань-мянь».²³

Из названий отдельных племен теле, встречающихся в китайских династийных источниках, у современных южных алтайцев: сохранился, как мы видим, этноним *теленгит* (*теленгут*), который в китайских хрониках выступает в форме *доланьге*, *толанко* и относится в более ранних известиях к гаогюйским поколениям, а позднее к племенам теле. Л. Амбис считает возможным, хотя и с оговорками, принять идентификацию *толанко* с *теленгит*.²⁴ Этноним *доланьге* упоминается и в составе конфедерации токуз-огузов, т. е. «девяти племен» теле. Территория обитания доланьге-телен-гут в VII в. указывается в китайских анналах в двойной форме: либо говорится, с кем соседствовали доланьге, либо — в какой местности они проживали. Из этого следует, что доланьге жили между телеских племен: сеяньто (с запада), киби (с юга), хусйе (с севера), пугу (с востока),²⁵ на территории современной Центральной Монголии. Но есть и прямое географическое указание: доланьге кочевали по р. Тунло, которую отождествляют с р. Верхний Чикой (бассейн Селенги).²⁶ Таким образом, наиболее ранние свидетельства письменных источников локализуют древних телен-гутов в Монголии. Однако кочевья теленгутов едва ли ограничивались долиной р. Тунло, где скорее всего была ставка их предводителя, ибо после падения первого тюркского каганата (630 г.), когда Танская династия пыталась утвердить свое политическое господство и над племенами теле, точнее над «девятью племенами» (токуз-огузами), кочевья теленгитов были объявлены Янь-жаньским военным губернаторством.²⁷ Поскольку название губернаторства Яньпань произошло, по свидетельству источников, от названия Хангайских гор,²⁸ то стало быть территория кочевий теленгитов простиралась на запад до Хангая, а может быть, и до Котловины больших озер. Вероятно поэтому в 663—664 гг., когда

²³ А. Иванов. Документы из города Хара-Хото. Изв. Акад. наук. СПб., 1913, стр. 813.

²⁴ L. N a m b i s, ук. соч., стр. 33.

²⁵ Н. В. Кюннер, ук. соч., стр. 40, 51; Н. Я. Бичурин, ук. соч., т. 1, 346.

²⁶ Ю. А. З у е в, ук. соч., стр. 109.

²⁷ Н. Я. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 346; E. Chavannes. Documents sur les Tou-kien (Turcs) occidentaux. St.-Pet., 1903, стр. 91.

²⁸ И. Я. Бичурин, ук. соч., т. III, 1953, стр. 78.

происходила реформа по управлению подчиненными Танской династии племенами теле и тюкю, Яншаньское губернаторство было переименовано в Ханхай.²⁹

В древнетюркских рунических надписях в отличие от китайских анналов этноним *доланьге-теленгит*, как и некоторые другие этнонимы племен теле, не встречается. Упоминаются только токуз-огузы обобщенно, в состав которых, как мы видели выше, входили доланьге-теленгиты. Но в источниках начала XIII и XIV в. этноним *теленгут* упоминается неоднократно, вместе с этнонимом *телес*, что для нас весьма интересно. В монгольском источнике «Сокровенное сказание» в числе покоренных монголами народов в самом начале XIII в. одновременно фигурируют в одном месте *тоолесы* и *теленгуты*, а в другом *тенлек* и *тоолес*.³⁰ Те и другие относились к категории «лесных народов»,³¹ обитавших в горно-лесистых районах, простирающихся с запада на восток от Монгольского Алтая (верховья Иртыша) до Хангайского нагорья и далее на восток. Приведенное свидетельство источника ценно для нас особенно тем, что в нем удостоверяется для начала XIII в. факт одновременного существования народа или племени под названием *тоолес* (по другому написанию *тоелес*) и народа или племени под названием *теленгут* и *тенлек*. Другими словами, как и у современных южных алтайцев, названия *телес* и *теленгут* в начале XIII в. не были синонимами, а обозначали различные группы «лесных народов», родственные по языку, которые занимались кочевым скотоводством и охотой.

Относительно местообитания некоторых лесных народов можно получить представление из второго отрывка того же монгольского источника. В нем говорится, что в 1207 г. Джучи — сын Чингисхана (выступив из верховий Онона) быстро покорил «без потерь людьми и лошадьми лесные народы» и получил их от своего отца и повелителя в «подданство». Сообщаются названия покоренных народов и географическая последовательность в их расселении следующим образом: «Лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам (с запада на восток, — *Л. П.*), а именно народы: шибир, кесдиин, байт, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги».³² Отсюда видно, что тоелесы жили по сравнению с другими перечисленными народами ближе к верховьям Ояона и Керулена, откуда выступил в поход Джучи, по всей вероятности, они находились в районе Саяно-Алтайского нагорья.

²⁹ *Li-tai Mau-Tsai*, ук. соч., т. I, стр. 246; т. II, стр. 587, 606.

³⁰ Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием «Юань чао би ши». Монгольский обыденный сборник, т. I. М.—Л., 1941, стр. 161, 174—175.

³¹ Рашид-ад-дин поясняет: «Всякое племя, у которого юрты были полесистым местам, называли лесным племенем» (ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 123).

³² Сокровенное сказание, стр. 174—175.

Представляет большой интерес и этноним *генлек*, который нельзя не сопоставить с термином *телек* или *телег*, являющимся самоназванием значительной группы современных тувинцев и ко. торый также восходит к древнему этнониму *теле*. Упомянутый Л. Амбис допускает возможность рассматривать *телек* (Talak) как диалектальную форму от этнонима, переданного в китайских источниках термином *тдд* (T'o-lo) и его вариантами, который он считает происходящим от более древней формы Ting-ling.³³ Автор ссылается на исследователей (Naka и Wang Kouo-wei), высказавших в своем комментарии к «Сокровенному сказанию» мысль о том, что слово *тенлек* (Tanlak) было одной из форм названия *теленгут*, полагая при этом, что хотя это и кажется достоверные, но еще требует доказательств. Ход рассуждения у него таков. Если *тенлек* является единственным числом от *теленгут*, то эта форма результат весьма вероятной ошибки переписчиков, которые прочли так монгольский подлинник, в котором, видимо, внешняя черта была небрежно (плохо) расположена над зубцом, что дало *тенлек*, вместо *теленг*, являющегося правильной формой единственного числа от *теленгут*. При этом исследователь ссылается на уланбаторское издание Алтан Тобчи, где написано *теленг*, что только подтверждает исправление предполагаемой ошибки переписчика.³⁴ В этой связи мы еще раз должны напомнить, что у современных тувинцев есть группа, называющая себя *телек* или *телег* и что современные западные тувинцы называют своих соседей — алтайских теленгитов — также термином *телег*.

Про теленгутов и телесов говорится и в персидском источнике — «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина. В нем обычно те-денгуты упоминаются рядом с урасутами. Здесь также сказано, что теленгуты относились к лесным племенам, что «они обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов».³⁵ Следовательно, теленгиты жили в это время в Саяно-Алтайском нагорье, так как страна Кэм-Кэмжиут — это территория Кема и Кемчика (современная Тува), а кыргызы занимали, как известно, Минусинскую котловину, распространяя свое господство и на Саяны, и на некоторые районы по южную сторону хребта. При этом страна Кэм-Кэмджиут не только соприкасалась с страной кыргызов, но и зависела от них. Были ли теленгиты в это время на Алтае, сведений нет. Но, учитывая близость области Кем-Кемчика к последнему, едва ли можно сомневаться в том, что теленгиты распространяли (как и многие другие племена, обитавшие в Туве) свои кочевья и на Алтай, где позднее (в XVI—XVII вв.) их обитание, как мы убедились выше, удостоверено письменными источниками.

³³ Л. Амбис, ук. соч., стр. 33.

³⁴ Там же, стр. 32.

³⁵ Рашид-ад-дин, ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 122—123.

Телесы у Рашид-ад-дина выступают под именем *туалас* или *тулас*. Они жили «на той стороне реки Селенги» в местности Бар-уджин Токум. «Эта местность, — поясняет Рашид-ад-дин, — расположена выше реки Селенги, на востоке Монголии».³⁶ Словом, речь идет о южном Прибайкалье. Телесы-туласы были родственны племени тумат.³⁷ И в настоящее время среди южных алтайцев сохранился сеок Тумат, а у тувинцев под таким названием известна значительная группа. На протяжении периода от VI—VIII до XIII—XIV вв. кочевья теленгитов и телесов находились в пределах Хангайского и Саяно-Алтайского нагорий. Воспоминания об обитании в районах, прилегающих к Хангаю, если не в самом Хангайском нагорье, сохранились у современных теленгитов на Алтае в заклинаниях шаманов, которые, призывая своих духов и чувствуя наиболее почитаемые горы, называют и Хангай.³⁸

Однако письменные исторические источники позволяют проследить и дальнейшее существование теленгутов-теленгитов и телесов после XIV в., вплоть до появления их имени в русских письменных документах XVII—XVIII вв.

В известном сочинении монгольского князя Санан Сэцэна (1604—1662 гг.), излагающем историю монгольских ханов до середины XVII в., написанном на основе более ранних исторических трудов, упоминаются и теленгуты.³⁹ Их название выступает в форме Teilengud (в издании И. Шмидта), которая, как разъяснил Л. Амбис, в действительности в монгольском тексте дана как Taileggiit, где по его убеждению «крючок 1 безусловно был неправильно расположен или неправильно прочитан в рукописи, подобно Tanlak в Секретной истории («Сокровенном сказании», — Л. П.), и нужно читать Talanggut (в- возникло из-за gg, которое предполагает ng, = n перед вторым g)».⁴⁰ Л. Амбис обосновал это ссылками на работы А. Мостарта. Последний, действительно, опираясь на немецкий, китайский и собственный переводы Санан Сэцэна, подтверждает транскрипцию этого этнонима как Talang-giis (telengiis) и сообщает, что название Telenggus встречается как наименование одного из ойратских кланов, а также как название одного из кланов, входящих у современных ордосских монголов в знамена (хошуны или дивизии, — Л. П.) Аукхан и

³⁶ Там же, кн. 2, стр. 111.

³⁷ Там же, кн. 1, стр. 121.

^{й8} А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев Л., 1924, стр. 79.

³⁹ Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses, verfasst von Ssanang-Ssetsen Cungtaidschi der Ordus, aus dem Mongolischen tiberzetzt von I. J. Schmidt. St.-Pet. — Leipzig, 1829. В полном виде этот труд издан и в СХТА А. Мостартом: Erdeni-yin Tobci. Mongolian chronicle by Sagan Бесеп, with a critical introduction A. Mostaert, vol. I—IV, Chambridge, Massachusetts, 1956,

^{'''} LАmbis, ук. соч., стр 32—33

У И Л- П. Погапов

НИ

Найман.⁴¹ Таким образом, теленгуты оказались в Ордосе в ойратах и более поздних южных ордосских монголов. телентитов в составе ойратов в указанное время исторически вполне возможно, а их ассимиляция в среде ордосских монголов также не может вызвать сомнения, тем более, что эти монголы появились здесь с севера, о чем свидетельствуют их песни, в которых упоминаются Хангай и Алтай, как это отметил Г. Н. Потанин.⁴²

Таким образом, вполне устанавливается происхождение современных алтайских теленгитов, или теленгутов (телеутов), от одного из древнетюркских племен теле-доланге через теленгутов монгольского периода и их более близких исторических предков-упоминаемых в монгольских источниках в период XV—XVI вв. и в русских документах XVII—XVIII вв.

Относительно алтайских телесов мы с полной достоверностью можем утверждать их наиболее древнюю этногенетическую историческую связь, по крайней мере с XIII в., с телесами монгольского периода. Нет никакого сомнения, что телесы и туласы монгольского и персидского источников являются предками современных алтайских телесов. Однако этногенетические истоки этих средневековых телесов, с их более ранними историческими предками, проследить довольно трудно. Тем не менее такую попытку необходимо предпринять.

Трудность заключается прежде всего в отсутствии в китайских письменных и древнетюркских рунических источниках этнонима *телес*, в то время как этноним *теленгит* (*доланге*) хотя отсутствует в упомянутых надписях, но имеется в летописных хрониках. В отношении древнетюркских надписей умолчание обоих этих этнонимов, как и этнонима теле, видимо, легче объяснить, так как в упомянутых надписях племена теле, входившие в политическое объединение или конфедерацию «девяти племен», именуется обобщенно — токуз-огузами.⁴³ Поскольку древние тюркские каганаты имели дело не вообще с племенами теле, а с упомянутой конфедерацией, являвшейся, как известно, несмотря на близость языка и этнического происхождения, политическим противником тюрков-тюкю, то естественно, что в каменописных памятниках, излагающих политическую историю каганатов, упоминается не этноним теле, а политическое название конфедерации — токуз-

⁴¹ Antoine Mostaert. *Ordosica*. Bulletin of the Catholic University of Peking, 1934, № 9, стр.

45—46. Автор обнаружил в Ордосе вариант рукописи этой хроники, который он обозначает М. О. (Manuscrit Ordos). В Шара-Туджи термин *теленгут* передан как *тэлэнгис* (Н. П. Шастина. Шара-Туджи. Монгольская летопись XVII в. М.—Л., 1957, стр. 80).

⁴² Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральной Монголии. М., 1950, стр. 123.

⁴³ См. об этом: E. Pulleyblank. Some remarks on the Toguzognuzproblem.

огузы, которое и заменяет этноним *теле*. Опираясь на китайские письменные источники, содержащие в перечне токуз-огузов и ддемя теленгит, можно вполне полагать, что в древнетюркских рунических надписях теленгиты не выделены потому, что они входят в состав токуз-огузов. Но в рунических памятниках древ-яетюркской письменности обнаружен термин *толис*, который вначале был прочитан В. Радловым как *телес*, с которым стали обычно отождествлять *теле* китайских исторических источников.⁴⁴ На этом основании Н. А. Аристов счел телес за одно из главных племен тюрков-тугю, ибо в орхонских надписях ясно выступает деление древних тюрков на телес и тардуш, причем телесы из них были восточными, а тардуши — западными. Вопрос о чтении интересующего нас этнонима в древнетюркских надписях, как нам кажется, до сего времени не получил ясного ответа. Напомним, что В. Радлов и П. Мелиоранский читали этот термин как *толес*. В частности, они прочитали так надпись на первом камне из вереницы балбалов, стоящих у остатков храма, воздвигнутого при похоронах в честь умершего Бильге-кагана (Могилян-хана). Надпись гласит: «Это каменный балбал [в память] шада толесов».⁴⁵ С. Е. Малов читал данный термин в разных памятниках по-разному. Приведем примеры. В памятнике Кюль-Тегина он называет язык народа, которому умерший «дал устройство», в транскрипции *molis*, в переводе — *тёлис*.⁴⁶ В памятнике же в честь Могилян-хана: в транскрипции *molac*, в переводе — *толес*.⁴⁷ Однако в памятнике Моюн-чура в транскрипции дан уже термин *molis* (в переводе *тёлис*).⁴⁸ Л. Амбис дает орхонское название этому термину *Tolas (Tolos)*,⁴⁹ а Э. Пулибланк — *Tolis*.⁵⁰ Чтение *толис* у нас ввел, видимо, И. А. Клюкин, который почему-то не счел нужным аргументировать это, хотя он ни мог не знать, как читали данный термин В. Радлов и П. Мелиоранский, или Ф. Хирт и Э. Шаванн, отождествлявшие этноним *телес* с *теле* китайских летописей.⁵¹ Поскольку чтение в древне-тюркских надписях исследуемого нами термина *тёлёс*, созвучного современному алтайскому этно-

⁴⁴ W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I. Leipzig, 1884, стр. 26; Fr. Hirth. Nachwort zur Inschriften des Tonjukuk. In: Die Alttiirkischen Inschriftender Mongolei. Zweite Folge. St.-Pet, 1899, стр. 133; E. Chavannes, УК соч., стр. 14—15, 21; O. F r a n k e. Geschichte des chinesischen Reiche^. Bd. III. Berlin, 1937, стр. 248.

⁴⁵ Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Сб. трудов Орхонской экспедиции, IV, СПб., 1897, стр. 45.

⁴⁶ С. Е. Мало в. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 30, 38.

⁴⁷ Там же, стр. 18, 23.

⁴⁸ Там же, стр. 36, 40.

⁴⁹ L. H a m b i s, ук. соч., стр. 32.

⁵⁰ E. Pulleyblank. The Hsiung-nu Language, стр. 258.

⁵¹ E. Chavannes. Documents sur les Tou-kien (turcs) occidentaux. стр. 14; F. Hirth. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, стр. 133.

нему, нельзя считать общепринятым у современных востоковедов мы, конечно, должны иметь в виду и термин *толис*. Однако нам следует в этой связи обратить внимание на другое. Как считается теперь доказанным, ни *тёлёс*, ни *толис* нельзя отождествлять с этнонимом *теле* (с аффиксом множественного числа *с*). *Толис* в то время был названием лишь географического военно-административного подразделения (у тюкю, токуз-огузов, а затем уйгуров) со значением «восточная половина» или «восточное (левое) крыло». Изложенное мнение принадлежит проф. И. А. Клюкину и принято современными тюркологами и синологами.⁵² Исследовавший термины *толис* и *тардуш* Клюкин допускает, что оба они как названия левой и правой половины (или крыла) первоначально могли быть этнонимами, взятыми из тюркоязычной племенной среды, в которой возникло это деление, но он допускает также и происхождение их от названий географической среды. Итак, если исходить из такого рода фактов, как отсутствие этнонима *теле* в древнетюркских надписях, как отмеченная выше семантика зафиксированного в них термина *толис*, то возникает вопрос, может ли название группы современных алтайцев *телёс* считаться этнонимом, восходящим к древнетюркскому периоду. Мог ли бытовать в древнетюркское время такой этноним? Мы отвечаем на это следующим образом. Оба приведенных факта отнюдь не могут служить доказательством вообще отсутствия этнонима *телёс* в рассматриваемое время среди тюркоязычных племен. Этнонима *теле* в упомянутых надписях тоже нет, но существование его для этого времени удостоверено другими письменными источниками, а затем и сохранением его у ряда современных народностей. Нет в тех же древних тюркских надписях и таких этнонимов, относящихся к отдельным племенам теле, как *бугу*, *те-ленгит*, *туба*, которые хорошо известны по летописным источникам и также сохранились до наших дней у некоторых тюркоязычных народов. Поэтому, разделяя точку зрения И. А. Клюкина на значение термина *толис* в орхонских надписях, мы не видим препятствия для предположения о существовании в то же время этнонима *телес*, в основе которого лежит термин *теле* и формант множественного числа *с*.⁵³ Нет, конечно, и необходимости связывать происхождение этнонима *телёс* с *толис*, исходя из того, что носители этнонима *телёс* входили в восточную половину каких-то тюркоязычных племен, вследствие чего и стали называться *телес*.

—⁵²И. А. Клюки. Новые данные о племени тардушей и толисов. Вестн. Дальневосточного отд. Акад. наук СССР, 1932, № 1—2, стр. 96—98; E. P. и I. I. e. y. B. I. a. n. k. I) Some remarks on the Toguzoghuz problem, стр. 38; 2) The Hsiung-nu Language, Пулибланк, как и некоторые другие ученые, категорически утверждает, что T'ieh-le и его ранние формы, Ch'in-le и др. -не имеют ничего общего с Tolis.

⁵³P. B o o d b e r g. Three notes on the T'u-chiieh Turks. Semitic and Oriental Studies University of California, 1951, vol. XI, стр. 5.

Существование термина *толис* в значении «восточная половина» не исключает одновременного бытования этнонима *телес*. В восточную половину входили многие племена теле, в частности племена токуз-огузов (в том числе теленгит-доланьге, дубо-туба, бугу g др.), но это не помешало им сохранить свои собственные названия, в которых никак не отражена их принадлежность к правому крылу племен. К такой категории может относиться и термин *телес*, который как этноним документально известен только с начала XIII в.

В связи с изложенным нельзя не упомянуть мнения В. В. Бартольда о том, что *телес* (*толис*) орхонских надписей следовало бы связывать не с наименованием теле, как это делали В. Томсен и др., а с этнонимом, переданном китайской летописью в форме *Ту-ли* — как название одного из племенных подразделений, кочевавшего в Монголии.⁵⁴ Мнение В. Бартольда поддержали П. Ме-лиоранский и Г. Е. Грумм-Гржимайло. Последний отождествляет *Толёс* с *То-ли* или *Ту-ли* китайской летописи и считает его коренным тюркским племенем, которое после падения Первого тюркского каганата выступило против теле и откочевало в Алтай (вероятно, в бассейн Кобдо) под предводительством Чеби, сына покойного Хели-кагана.⁵⁵ Чеби, бежав от токуз-огузов в Алтайские горы, провозгласил себя тюркским каганом, подчинил карлу-ков и на севере енисейских кыргызов. Как бы то ни было, племя ту-ли действительно существовало, и не исключено, что название это звучало у его носителей как *тёлёс*.

Однако все это остается, хотя и правдоподобным, но все же предположением. И только в начале XIII в., как сказано выше, появляются достоверные сведения о телесах как о лесном народе или племени, упоминаемом одновременно с теленгутами. Такие же документальные известия о них мы привели и для XIV в. Само собой разумеется, что к XIII в., когда телесы начинают фигурировать в исторических источниках, они имели, подобно телен-гутам, уже длительную историю, несомненно связанную с тюрко-язычными теле и древнетюркскими каганатами. Отыскать предков телесов монгольского периода в более ранних письменных источниках — дело будущего. А пока мы должны довольствоваться гипотезами. Зато позднее XIII—XIV в. об этнониме телес свидетельствуют письменные источники, относящиеся к наиболее для нас «темному» периоду, предшествующему подробной информации о телесах и о теленгутах в русских исторических актах XVII в. Такие сведения нам дают некоторые мусульманские источники

⁵⁴ Die historische Bedeutung der alttirkischen Inschriften. In: W. R a d-I o f f. Die alttirkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. СПб., 1897, стр. 8.

⁵⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский Край, т. II. Л., 1926, стр. 283—284.

И*

XVI в. В сочинении «Маджмут ат-таварих» упоминается племя *дддлбс* среди киргизских родо-племенных групп на западе от Алтая.⁵⁶ В это время какая-то часть телесов входила в состав исторических предков современных киргизов, у которых эта группа фиксируется в родо-племенном составе до настоящего времени. О телесах говорится и в мусульманских сочинениях XVIII в. как об участниках походов на Яркенд в войсках Арзу Муххамеда-бека.⁵⁷ Нечего говорить уже о том, что с появлением информации о телесах в русских исторических документах с XVII в. этническая и политическая история их хорошо прослеживается до современности, будучи хорошо связана в то же время с их историей более раннего периода, во всяком случае вплоть до начала XIII в.

Рассмотрев наиболее общие и широко распространенные этнонимы южных алтайцев, в основе которых лежит термин *теле*, оформленный аффиксом множественного числа либо по-древне-тюркски (*с*), либо по-монгольски (*ут* или *т*), мы смогли по возможности выяснить и определить древние этнические элементы современных южных алтайцев и констатировать, что они восходят к среде кочевых скотоводческих племен, именовавшихся *теле*. Но у южных алтайцев мы должны обратить внимание еще и на ряд названий сеоков, которые также сигнализируют о древних этнических связях. К ним относятся названия теленгитских сеоков Титас и Чыгат (Чигат), которые, как было показано выше, связаны своим происхождением с телесами, а также название телеутского сеока — *Тёрт-ас*. Термин *титас* представляет собой сокращение названия *Дъети-ас* (*Тети-ас*), что значит «семь ас'ов», подобно тому как название телеутского сеока *Тёртас* переводится как «четыре ас'а». Если отбросить числовое обозначение в обоих названиях (семь ас и четыре ас), кстати сказать характерное для племен древнетюркского периода (срав. девять огузов, десять уйгуров, три карлук, три курыкан и т. д.), то остается этноним *ас*, или *аз*, который представляет интерес в том отношении, что он упоминается в древнетюркских рунических надписях. В них говорится, что племя, или народ, аз жило в западной части современной Тувы, близ оз. Кара-Холь. Азы жили на территории, входящей в кочевья племен теле. Тюркский каган Могилян разбил их в 709 г., а знаменитый Кюль-Тегин нанес им окончательное поражение в 716 г., после чего азы потеряли самостоятельность,

⁵⁶ Рукопись В-667, хранится в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР (ЛОИНА), лл. 86-а, 88-а, 133-6. Получением этих сведений мы обязаны любезности В. А. Ромадина, принявшего на себя труд отыскать и перевести соответствующие места рукописи, которому мы выражаем искреннюю благодарность.

⁵⁷ Из рукописи Тарих и Кашгар, в переводе М. Н. Покровской. На ок>нам указал также В. А. Ромадин.

продвинулись на юго-запад от Енисея и, видимо, слились с западными тюрками-тюргешами.⁵⁸ В. Бартольд находил возможным сопоставить азов с поколением тюргешей Семиречья — азийцами.⁵⁹ Об азах позднее говорится в персидском анониме «Худул ал-Алам» (X в.) и у персидского же географа Гардизи (середина XI в.) как уже о ветви тюргешей. Из орхонских надписей следует, что азы жили по соседству с Алтаем, всего в нескольких десятках километров от районов Восточного Алтая, прилегающих к Телецкому озеру, где ныне обитают телесы. Следовательно, племя аз, враждовавшее в VIII в. с древними тюкю, входило, судя по занимаемой территории, в состав племен тело и кочевало вблизи современного местообитания алтайских телесов. В этой связи представляет большой интерес полевая запись Г. Н. Потанина, сообщающая, что Джиты-ас (Титас) представляет собой «настоящее имя телесов».⁶⁰ Приведенные материалы указывают на тесную связь азов VIII в. и азов в составе телесов XIX в. с племенами теле. Отражением такой связи, идущей с глубокой древности, нужно считать отмеченные нами запреты браков между сеоком Титас и телесами. Надо полагать, что какие-то группы азов-теле попали и в состав собственно алтайцев (*алтай-кижи*), свидетельством чего может служить алтайский сеок по имени Байлагас. В данном названии может быть также отразилось числовое значение этнонима *ас*, если предположить, что настоящее его звучание было *байлангас*. В таком случае это могло означать, исходя из южноалтайского (телеутского) языка, «многочисленные асы».

Название сеока Чыгат, находящегося ныне среди тубаларов, но, как мы установили выше, телесского происхождения, также содержит в себе древний этноним *чин* с формантом множественного монгольского числа (*а*)*т*. Чики упоминаются в тех же древнетюркских надписях вместе с азами и в близком соседстве с ними. Они жили в то время на территории современной Тувы, преимущественно в долине Улуг-Хема и, вероятно, Хемчика, так как в надписи сказано о разгроме чинов тюркским Бильге-кага-ном (Могилян) в 709 г. у р. Хем, через которую ему пришлось переправляться. Чики оставались здесь жить и после поражения, ибо в другой древней надписи сказано о разгроме их у р. Хема в 750 г. каганом уйгуров.⁶¹ Маркварт, как напомнил недавно Ю. А. Зуев, локализует чиков по р. Хемчику, полагая, что их название сохранилось в наименовании области Кемчигут, которое

⁵⁸ История Тувы, т. I, М., 1964, стр. 81.

⁵⁹ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Изд. 2. Фрунзе, 1943, стр. 21.

⁶⁰ Г. Н. П о т а н и н. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV. СПб., 1883, стр. 9.

⁶¹ История Тувы, т. I, стр. 81.

он расшифровывает «племя чиков с реки Кем».⁶² Территориальная близость чиков в VIII в. к восточному Алтаю так же несомненна как и близость азов. В то время чики и азы вполне могли достигать Алтая. Позднее, как было показано, кочевья чиков находились по северную сторону Алтайских гор в степях Приобья, где кочевали чагаты (или чаты) в XVI—XVII в. Этноним чик сохранился в названии левого притока Оби р. Чик (близ Новосибирска). О принадлежности чиков в древности к племенам теле свидетельствует та же аргументация, которую мы привели при рассмотрении этнонима *аз*. А принадлежность их к телесам, по крайней мере в XVI—XVII вв., вероятно, отражает связи чиков с теле в более ранний период (VIII в.).

Таким образом, конкретный исторический материал показывает сохранение в родо-шгеменных названиях южных алтайцев не только обобщенного древнего этнонима *теле*, но и ряда других, отражающих конкретные названия отдельных племен теле. Последнее утверждение можно подкрепить еще одним фактом. Для этого нужно обратить внимание на название сеока Аба, который в нашей литературе принято относить к северным шорцам, так как речь идет о тех самых абинцах, в местообитании которых в 1618 г. был построен г. Кузнецк. Мы уже отмечали выше название Аба в русских исторических документах начала XVII в. как наименование волости «кузнецких татар», под которым тогда подразумевалось местное тюркоязычное население, жившее в районе, где был построен Кузнецкий острог. Участники русских академических экспедиций XVIII в. И. Гмелин и И. Георги, описывая культуру и быт абинцев, подчеркнули полное сходство, как выразился Георги «в рассуждении виду, душевных качеств, внутреннего своего устройства, нравов, языка, счисления времени и обрядов», с телеутами.⁶³ Следовательно, в XVI—XVII вв. абинцы этнографически были близки соседним телеутам. Несмотря на то что в начале XVIII в. абинцы описываются со стороны хозяйственных занятий с подчеркиванием значения для них охоты на зверя и металлургии (добывали и плавилы железо), они все же были скотоводами, причем скотоводами-кочевниками, ибо Георги отмечает, что у абинцев «скотоводство во всем подобно телеутскому». Абинцам в XVII—XVIII вв. было известно именно кочевое скотоводство, характерное для кочевников Центральной Азии. Этим абинцы резко отличались от предков южных горных шорцев — типичных таежных звероловов, рыболовов и собирателей корней и стеблей диких растений.

В XIX и XX вв. абинцы (после путешествия по Южной Сибири В. Радлова) отмечались исследователями уже только как

⁶² Ю. А. Зуев, ук. соч., стр. 113.

⁶³ J. G m e I i n. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743, Bd. I. Gottingen, 1751; И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. СПб., 1779, стр. 162. .

сеок северных «шорцев», называемых иногда «степными» шорцами.

Мы находим возможным сопоставить абинцев XVII в., тогда еще во всем подобных телеутам, с одним из племен древних теле, носившим имя аба. Племя аба упоминается в истории Суйской династии. В 603 г. оно находилось в числе племен теле, восставших против Тату-кагана западных тюрков.⁶⁴ В конце VI в. аба кочевали между Хангайскими и Алтайскими горами и находились в подчинении Далобяня — сына покойного восточнотюркского кагана Мухана. Правда, в переводах летописей, изданных Н. Я. Би-чуриным, телесное племя аба ошибочно отождествлено с именем хана Або и его аймака (Абов аймак).⁶⁵ Далекие потомки древних аба, абинцы, кочевавшие в Кузнецкой степи, входили в XVI—XVII вв. в состав телеутов, как входили в состав племен теле в VI—VII вв. их ранние этнические предки.

У телеутов В. Радлов зарегистрировал как племя ак-кишты-мов, о чем мы упоминали выше. Сведения о них встречаются с первой четверти XVII в. В ясачных книгах Кузнецкого уезда они числятся с 1629 г., но волость их называется Азкыштымской. Вероятно, данное название более правильно, так как хорошо переводится как «данники» (киштымы) азов. В документах XVII и начала XVIII в. часто упоминаются киштымы, но не в этническом значении, а в смысле данники. Например, говорится: «В 1703 г. телеские кыштымы заплатили 40 соболей» и «те(ле)-уцкие кыштымы — 25 соболей» и т. п.⁶⁶ Аз-кыштымы жили в XVI в. смешанно с телеутами между Томью и Обью в «степных волостях», к которым относились и волости Тогульская, Керецкая, Тагапская. Во второй половине XIX в. В. Вербицкий перечисляет Ашкыштымскую волость в числе кочевых волостей Кузнецкого уезда. Правильное наименование ее было, как уже отмечалось, Аз-или, что то же самое филологически, Аш- или Ач-киштымская. Название части телеутов *аз-киштымы* или *ач-киштымы* хорошо увязывается с довольно ранними этническими материалами, отраженными в письменных источниках, в которых фигурирует термин *кесдиин*, выступающий как бы в качестве этнонима. Правда, такого этнонима нет в китайских источниках. Однако название *кесдиин* в форме *гешдум* обнаружено в тибетском документе середины IX в., представляющего собой доклад пяти уйгурских послов о северной части Центральной Азии, составленный в середине

⁶⁴ Liu Mau-tsaï, ук. соч., т. II, стр. 527.

⁶⁵ На это обратил мое внимание в свое время Н. В. Кюнер. О неточности перевода Иакинфа (Вичурина) догадался Г. Е. Грумм-Гржимайло. См. его «Западная Монголия и Урянхайский край», т. II, стр. 232, примеч. 3, где дается более правильный перевод со ссылкой на известного французского сиолога С. Жюльена.

⁶⁶ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIII в. М., 1960, стр. 108.

VIII в.,⁶⁷ затем, в форме *кешдим* в рунической надписи Хая-баят (р. Хемчик).⁶⁸ В последнем случае датировка термина относится не ранее чем к IX в., а термин употреблен в значении целой области Кешдим, где обитало зависимое от енисейских кыргызов население, подразделяющееся на шесть «багов», — вероятно, административных или податных единиц.⁶⁹ Название *кешдим* имеется в списке лесных народов монгольского «Сокровенного сказания», вместе с этнонимами *тоелес*, *тухас*, *тенлек* и др. Мы находим его вместе с теленгутами в списке лесных народов, живущими «по ту сторону кыргызов» в форме *куштели* и у Рашид-ад-дина.⁷⁰ Термин *киштым* вошел, как говорилось выше, и в русские письменные источники XVII—XVIII в., где иногда выступает явно в значении этнонима (*телеуты аз-киштымы*). В тех случаях, когда слово *киштым* выступает с определителем, как например *аз-киштым*, нам кажется, оно не имеет значения этнонима. Но научная историческая ценность его сохраняется, ибо такое название указывает на определенных своих этнических владетелей. Вполне вероятно, что в лице телеутских аз-киштымов мы имеем потомков каких-то мелких родо-шгоменных групп, находившихся в киштым-окой зависимости от азов, обитавших в Саяно-Алтайском нагорье и затем в степях Приобья, где у них также могли быть киштымы из среды кочевников-скотоводов.

Теперь предстоит затронуть вопрос об этнонимах *кыпчак*, *то-дош* и *найман*, выступающих у южных алтайцев в качестве названия сеоков, но хорошо известных в истории Центральной Азии (особенно *кыпчак* и *найман*) как наименование больших народов или племенных общностей. Этноним *кыпчак* безусловно должен быть отнесен к древним племенным названиям. Если даже не признавать его упоминание в одном из текстов китайского летописного известия III в. до н. э., связанного с описанием завоеваний гуннского предводителя Модэ,⁷¹ то бесспорно он упомянут в древ-неуйгурской рунической надписи. В известном памятнике уйгурскому кагану Моюн-Чуру определенно говорится: «.. тюрки-кыпчаки властвовали [над нами] пятьдесят лет..».⁷² Кыпчаки здесь

—⁶⁷ J. V a s o t. Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cinqenvoyes ouighours au VIII-e siecle. Journal Asiatique, Paris, 1956; G. C l a u s o n, A propos du Manuscrit Pelliot Tibetain 1283. Journal Asiatique, 1957; L. H a m b i s. *Kastim et Ges-dum*. Asiatique, 1958, № 3.

⁶⁸ С. Е. М а л о в. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952. стр. 44.

⁶⁹ История Тувы, т. I, стр. 179.

⁷⁰ Рашид-ад-дин, ук. соч., стр. 123.

⁷¹ А. Н. Б е р н ш т а м. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. Советская этнография, 1947, № 6—7, стр. 154; В. К а г l - g r e n. Analytic dictionary of Chinese and Sinno-Japanese. Paris, 1923 (ссылка у Бернштама).

⁷² С. Е. Мало в. Памятники древнетюркской письменности Монголии Киргизии, стр. 38.

отнесены к тюркам-тюкю, но не к племенам теле, причем, видимо, к правящей верхушке тюкю. Таким образом, письменные источники удостоверяют обитание кыпчаков в VII—VIII вв. в Саяно-Алтайском нагорье. Однако у нас нет достаточных оснований для утверждения прямой этногенетической связи сеока Кыпчак у южных алтайцев с кыпчаками восточных тюкю (VI—VIII вв.), ибо имеющиеся в нашем распоряжении этнографические материалы подтверждают такую связь только с более близкими к современности кыпчакскими племенами средневековья. Мы имеем в виду те кыпчакские племена, часть которых была известна у восточных авторов под именем кимаков и которые упоминаются уже у арабского географа первой половины IX в. Ибн-Хордодбега. По рукописи персидского географа Гардизи (первая половина XI в.), кимаки «живут в лесах, ущельях и степях, все владеют стадами коров и баранов; верблюдов у них нет. Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом; на зиму они заготавливают сушеное мясо баранье, лошадиное, коровье, каждый по мере своих средств. Предметы охоты кимаков — соболи и горностаи».⁷³

Кыпчаки составляли западную ветвь кимаков. В сочинениях восточных авторов кимакско-кыпчакские племена выступают как жители Иртыша и западносибирских степей. Конечно, они обитали и в горах Алтая, особенно западного, и охотились на соболей и горностаев, которыми еще до недавнего времени славились эти горы.

В XI в. кыпчаки распространились от берегов Иртыша в среднеазиатские и южнорусские степи.

Кыпчаки как политическая сила выступили в XII и в первые десятилетия XIII в. на обширном степном пространстве от Алтая до Крыма и Дуная. В арабских и персидских письменных источниках большая территория степей с главенством кыпчаков именовалась Дешт-и-Кыпчак, т. е. Кыпчакской степью. В этот период под гегемонией кыпчаков, а позднее при их участии у многих тюркоязычных кочевников в Евразии наблюдались процессы формирования отдельных народностей и сложения культурно-бытовой общности.

В указанное время степи Западной Сибири, Казахстана, Северного Приаралья и Прикаспия, южнорусские степи до северного Причерноморья, Крыма и Дуная включительно находились в сфере влияния многочисленных кочевых тюркоязычных племен. Из них наиболее сильными на некоторое время оказались объединения тюркских племен в степях Приаралья и Прикаспия под главенством печенегов (X—XII вв.) и особенно кыпчаков в южнорусских степях (половцев русских летописей).

⁷³ В Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., стр. 107.

Политическому господству кыпчаков был положен конец государством Чингис-хана. В 30-х годах XIII в. политическими хозяевами Дешт-и-Кыпчака становятся монголы. С образованием государства Джучиева улуса процесс тюркского этногенеза осложнился новым монгольским влиянием. Однако в основе его по-прежнему лежали различные комбинации тюркоязычных племен, составлявших большинство населения Дешт-и-Кыпчака, хотя и в соединении с другими, и прежде всего монгольскими. Рядовые кочевники-монголы растворялись в тюркоязычной кыпчакской среде, о чем имеются прямые свидетельства мусульманских авторов. Арабский историк XIV в. ал-Омари сообщает относительно Улуса Джучия или Золотой орды следующее: «В древности это государство было страной кыпчаков. Но когда им завладели татары (т. е. монголы, — Л. П.), то кыпчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с ними [кыпчаками] и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [татар], и все они стали точно кыпчаки, как будто бы одного с ними рода, оттого что монголы [и татары] поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их [кыпчаков]». ⁷⁴ Тюркоязычный субстрат упомянутого языкового процесса выступает в том общеизвестном факте, что даже литературным языком в Улусе Джучия был тюркский язык с наличием в нем кыпчакских языковых элементов, не говоря уже о наречиях кочевых племен, населявших степи, где эти кыпчакские элементы преобладали. На тюркском литературном языке писались и официальные грамоты — ярлыки золотоордынских ханов, а некоторые из них — даже на «местном кыпчакском языке» (ярлык Тохтамыш-хана 1393 г.). ⁷⁵

Алтайские (южные) племена, в том числе телеуты, входившие в восточную часть Джучиева улуса (Белую орду), жили общей культурно-бытовой жизнью с соседними кыпчакскими племенами Белой орды.

После смерти хана Бату (1256 г.) в процессе политического раздробления Улуса Джучия возникали новые комбинации кыпчакских тюркоязычных племен, которые в смешении с монголами вливались в этническую основу таких современных народностей, как казахи, узбеки, каракалпаки, башкиры, южные алтайцы и др. Кыпчакские этнические элементы участвовали также в формировании киргизов, башкир, сибирских татар. Вышеизложенным вполне объясняется тот общеизвестный факт, что в родо-племенном составе казахов, киргизов, каракалпаков, бывших кочевых узбеков, башкир, южных алтайцев и других народностей, живу-

⁷⁴ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I. СПб., 1884, стр. 235 (русский перевод).

⁷⁵ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 66.

ших в течение ряда веков на далеком расстоянии друг от друга, встречаются одни и те же родо-племенные названия (*кыпчак, най-ман, меркит* и т. д.).

Этногенетическая связь современных телеутов и южных алтайцев вообще, среди которых распространен сеок Кыпчак, именно со средневековыми кыпчаками весьма убедительно раскрывается на этнографическом материале. Источники позволяют сделать интересные сопоставления современных этнографических особенностей южных алтайцев с некоторыми специфическими чертами культуры и быта, характерными для средневековых кыпчаков. Они известны нам по описаниям западноевропейских путешественников, посетивших кыпчакские степи в XIII в. Напомним, например, как Марко Поло описывает божество Натигай: «У каждого он в доме. Выделявают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сыновей... Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам его».⁷⁶ Подобные изображения божеств, в виде кукол из войлока и сукна, были весьма распространены у теленгитов и телеутов Алтая вплоть до революции. Их держали в юртах и кормили именно таким образом, как описывает Марко Поло. Более того, современные теленгиты даже одинаково называли это божество. Г. Н. Потанин во время своего путешествия по долине р. Чуй записал его название, оно также звучало *Натигай*.⁷⁷ Между прочим, у телеутов изображения божества шили из холста в виде кукол, набитых тряпками, войлоком или шерстью овечьей, причем именовали его общим термином *эмегендер* (старушки-предки). Этих кукол так же периодически кормили. Домашние пенаты в виде кукол из войлока, представляющие целые семьи божеств, делали и почитали еще совсем недавно современные тувинцы.⁷⁸

Сошлемся далее еще на некоторые особенности погребального обряда кыпчаков, сообщаемые В. Рубруком. Таких особенностей несколько. Во-первых, кыпчаки над погребенным насыпали большой холм, т. е. курган. Во-вторых, как пишет путешественник, «воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу». В-третьих, при похоронах кыпчаки убивали лошадей. Вот свидетельство Рубрука: «Я видел одного недавно умершего, около которого они (кыпчаки, — Л. П.) Повесили на высоких жердях шестнадцать шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира».⁷⁹ Аналогичный обряд при похоронах сохранялся у южных алтайцев до XIX в. включительно и но-

⁷⁶ Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 63, 117.

⁷⁷ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 97.

⁷⁸ Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя. Тр. Тувинской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, т. I, М.—Л., 1960, стр. 220.

⁷⁹ В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 80.

сил название *койлого*, а лошадь, предназначенная сопровождать покойника в загробный мир, называлась *койло ат*.⁸⁰ Алтайцы также хоронили покойников под курганами, но современные южные алтайцы не ставили каменных баб. Однако на Алтае встречаются такие каменные бабы, какие видел и описал у кып-чаков Рубрук. Возможно, некоторые из этих каменных баб были воздвигнуты кыпчаками, жившими в горах Алтая. Есть еще весьма любопытная деталь, которую можно рассматривать как свидетельство этногенетической связи современных южных алтайцев со средневековыми кыпчаками. По свидетельству Рубрука кыпчаки носили с собой мешочки, в которые складывали всякую мелочь и называли их *каптаргак*. Подобные мешочки изображены подвешенными к поясу и на некоторых, видимо, кыпчакских каменных изваяниях («каменных бабах»). Такие же кожаные мешочки полукруглой формы носили до недавнего времени алтайские охотники. Они назывались по-алтайски *каптарга*, т. е. так же, как и у средневековых кыпчаков. Нам удалось приобрести для Музея этнографии народов СССР (Ленинград) алтайский каптарга.

Параллели между культурой телеутов и южных алтайцев со средневековыми кыпчаками мы находим также в области фольклора. Эпическое творчество тюркоязычных племен и народностей времени государства Улуса Джучия, возникшего на кыпчакской этнической основе, например сказания о Чара-Батые, Эдиге, Ток-тамыше, не только сохранились в Крыму, у ногайцев Северного Кавказа, у казахов и различных групп сибирских татар, но отмечены и у южных алтайцев.⁸¹

Название сеока Тодош также должно быть привлечено к сравнительному историческому анализу. В сознании современных южных алтайцев сеок Тодош считается близким" сеоку Кыпчак, находящемуся с ним в отношении свойства. Это, как уже говорилось, сеоки-«сваты». Однако этноним *тодош* свидетельствует, вероятно, о наличии в составе *алтай кижси* и телеутов древних этнических элементов, восходящих к западным тюкю периода тюркских каганатов, так как он сопоставляется с названием *Тардуш*. Вот как мотивирует такое сопоставление известный советский тюрколог-лингвист Н. А. Баскаков: «Тардуш > алт. Тодош, — пишет он, — может быть объяснено выпадением звука *p* в позиции перед согласным — явление, широко распространенное в тюркских языках, в особенности в современном новобуйгурском, и позднейшей народ-

⁸⁰Ср. монгольское *хойлга* как название обычая погребения лошади покойником (J. Schmidt. *Geschichte der Ost-Mongolen*. St.-Pet., 1829, стр. 235); у якутов — *хойлуга* — животное, убиваемое яа поминках; у тувинцев — *хойлеге* — ат; у хакасов (качинцы, сагайцы, бельтиры) — *койлага*.

⁸¹Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев. Советская этнография, 1949, № 1.

дой этимологизацией слова».⁸² Имея в виду исследование И. Ключкина, о котором говорилось выше, можно полагать, что *Тардуи* древнетюркских рунических надписей хотя и не является этнонимом, а представляет собой только термин, означающий западную половину или западное крыло древних тюрков, он все же связан именно с западными тюрками-тюю, многие племена которых в то время жили неподалеку от Алтая, особенно западного. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что если у древних тюрков-тюю западное крыло называлось *Тардуи*, то у племен теле, именно в кратковременном каганате, возглавленном племенем Сеяньто, западная часть владений именовалась *Тадуи*, а восточная — *Тулиш* (ср. *Толис*).⁸³ Таким образом, уже в древнетюркское время термин *тардуи* с выпадением звука *p* существовал у племен теле.

По археологическим памятникам хорошо известно обитание древних тюрков на территории Горного Алтая. Если обратимся еще к недавно открытой здесь группе древнетюркских рунических надписей, которая уже сама по себе является документальным доказательством пребывания в Горном Алтае древних тюрков-тюю, то получим свидетельство того, что здесь были именно западные тюрки. Об этом свидетельствует характер рунических надписей, приближающихся по форме к надписям из Таласа.⁸⁴ Имеется также яркий этнографический материал у современных алтайцев, не оставляющий сомнения в том, что наряду с племенами теле в этногенезе не только южных, но и северных алтайцев принимали участие древние тюрки-тюю, и не только западные, но и восточные. Однако его будет целесообразнее коснуться несколько дальше.

Нам осталось указать всего лишь на один относительно многочисленный этнический компонент в составе современных южных алтайцев, который связан хронологически со средневековым периодом и отразился в факте распространения сеока Найман. Название племени или объединения племен Найман появляется в династийной истории Ляо-ши (906—1125 гг.). В начале XIII в. найманы были покорены Чингис-ханом. Они жили между Хангаем и Монгольским Алтаем, распространяя свои кочевья и на верховья Иртыша (Черный Иртыш). О происхождении найманов нет единого взгляда. Одни ученые считают их по происхождению монголами, другие — тюрками. За последнее время усиливается аргументация, отстаивающая точку зрения тюркского происхожде-

⁸² Н. А. Б а с к а к о в. Алтайский язык. (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М., 1958, стр. 29.

⁸³ Н. Я. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 340; Ма Чжан-шоу. Тюрки и Тюркский каганат, стр. 12.

⁸⁴ Э. Р. Те ниш ев. Древнетюркская эпиграфика Алтая. В сб.: Тюркологический сборник к шестидесятилетию А. Н. Кононова, М., 1966, стр. 262—265.

ния найманов.⁸⁵ Найманы вошли в состав ряда крупных современных тюркоязычных народностей (казахи, киргизы, узбека и др.), и везде они теперь тюркоязычны. Проживание найманов в Горном Алтае, в частности в районах, прилегающих к Телецкому озеру, удостоверяется для XVII в., как было сказано выше сибирскими летописями. Найманы могли попасть на Алтай и в период XIV—XV вв., в процессе феодального дробления Белой орды когда многие племена смешивались и скрещивались и участвовали в формировании таких народностей, как казахи, узбеки, киргизы и др. Могли они оказаться здесь и раньше, в предмонгольский период, так как в XII в. найманы занимали места от Хан-гая до Монгольского Алтая, т. е. были соседями населения Саяно-Алтайского нагорья. Не исключена возможность и того, что в предмонгольское время найманы были тюркоязычны, как это полагают некоторые ученые, анализируя хотя и скудный найманский лингвистический материал.⁸⁶

Мы заканчиваем сопоставление этнонимов южных алтайцев с зафиксированными в письменных исторических источниках, которые мы рассматривали по возможности с выявлением соответствующих параллелей в этнографическом материале.

Теперь мы хотели бы еще обратить внимание на существование у телеутов некоторых этнографических данных, которые заставляют предполагать в этническом составе телеутов определенные древние тюркоязычные элементы, несмотря на то что они не нашли отражения в современных алтайских этнонимах. Однако для этого мы должны будем предпринять экскурс в область материалов телеутского шаманства, хранящих следы древних этногенетических связей. Речь пойдет об одном названии шаманского бубна, применяемом телеутскими шаманами к своему бубну только во время камлания. Как уже упоминалось выше, во время шаманских молений бубен у народностей Саяно-Алтайского нагорья символизировал ездовое животное шамана и назывался именем данного животного. У телеутов бубен в таких случаях именовался, как и у некоторых кумандинских шаманов, термином — *an adan*, что значит в переводе «священный верблюд», причем не верблюд вообще, а верблюд ездовой, верховой, значит холощеный.

Обычно формула телеутского шамана при обращении к своему бубну гласила: «*Алты бркбшту ак адан*», т. е. «шестигорбый священный верблюд».⁸⁷ Но, будучи у северных шорцев в 1927 г., мы

⁸⁵ Л. Л. Викторова. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII—XIII вв.)-Ученые зап. ЛГУ, № 305, сер. востоковед, наук, в. 12, 1961.

⁸⁶ S. Murayama. Sind die Naiman Tiirken oder der Mongolen? Central Asiatic Journal, 1959, vol. IV, №3. Ср.: P. Poucha. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Archiv orientalny, suppl. IV, Praha, 1956, стр. 59.

⁸⁷ Л. П. Потапов. 1) Бубен телеутской шаманки и его рисунки-Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. X, Л., 1949; 2) Die Schamanentrommel bei den altaischen Volkerschaften. Budapest, 1963.

обнаружили у сеока Челей (/елей), которые сами себя считают телеутами, что шаманы здесь называют бубен *алты оркошту ап чагал*, т. е. с «шестью горбами священный чагал».⁸⁸ Наши полевые записи относительно термина *чагал* подтверждаются сообщением Г. Н. Потанина, который, опираясь на сведения телеутского миссионера и известного переводчика М. Чевалкова, пишет, что у телеутов «при камлании говорится о бубне: *алг(ы) оркошъту ах ягалым*, то есть „шестишишечный мой белый (святой?) бубен“».⁸⁹ Перевод Потанина требует пояснения. Бубен у телеутов выступает под названием *ягал (Јагал)* и назван «шестишишечным» с эпитетом «белый», или «святой». Слово *ах (ак)*, конечно, лучше перевести «священный», а шестишишечный — «шестигор-бый», ибо, по объяснению М. Чевалкова, о чем пишет сам Потанин, слово *оркош* означает название горба у верблюда.⁹⁰ Однако термин *Јагал*, представляющий собой лишь фонетический вариант слова *чагал*, остался здесь без надлежащего буквального перевода. Оказывается, что даже такой знаток телеутского и алтайского языков, каким был М. Чевалков, перевел термин *чагал* — просто «бубен», без раскрытия буквального перевода, символизирующего образ бубна — ездового животного шамана. Так же не смог объяснить значение рассматриваемого термина и знаменитый алтайский миссионер, знаток алтайских наречий и этнографии В. Вербицкий, которому слово *Јагал* было известно, но он поместил его в словарь с обобщенным переводом—«бубен шаманский».⁹¹ Наши собственные попытки, после того как мы обнаружили, что термином *чагал* телеутские шаманы называют бубен только во время камлания, добиться буквального перевода термина тоже не увенчались успехом, хотя мы занимались выяснением его еще непосредственно у шаманов, от которых мы услышали название *чагал*. Нет никакого сомнения в том, что буквальное первоначальное значение слова *чагал* было совершенно забыто и самими шаманами. Шаманы эти ясно представляли свой бубен тем ездовым диким животным, шкурой которого был он обтянут (олень или марал), но они называли его по-старинному «шестигорбый» каким-то «чагалом», а не словами, которые обозначают на телеутском языке оленя или марала.

В настоящее время термин *чагал* уже не представляет собой загадки. Он обнаружен в буквальном переводе в пятиязычном словаре (маньчжуро-тибетско-монгольско-уйгурско-китайском), составленном в XVIII в., изданном в Пекине в 1957 г. под назва-

⁸⁸ L. P o t a n o v. Die Herstellmg der Schamanentrommel bei den Sor. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin, XXXVII, Ostasiatische Studien, 1934.

⁸⁹ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 42.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884, стр. 65.

нием «Зерцало маньчжурского языка на пяти языках».⁹² Словарь содержит богатый и порой редкий для нашего времени лексический материал, зафиксированный на протяжении XVIII в. Среди него и оказалось интересующее нас уйгурское слово, которое означает лошадь с разноцветными черными или красными полосами или пятнами на шее и груди.⁹³ Другими словами — это пегая лошадь. Следовательно, шаманский бубен символизировал когда-то у телеутов пегую ездовую лошадь, т. е. пеганку. Шаманская священная символическая лошадь-бубен называлась по масти, что вообще-то характерно и для обыденной жизни тюрко-язычных кочевников (ср. серко, буланка и т. д.). И вот то обстоятельство, что для шаманского бубна выработалось представление о пеганке, а не о лошади вообще (с любой мастью), и представляет для нас особый этногенетический интерес, ибо оно заставляет вспомнить древнее тюркоязычное племя «пеголошадни-ков» (*ала-ат*),⁹⁴ известия о которых попали в китайские летописи под названием *бо-ма*, что является китайским переводом «пегая лошадь». Не ставя перед собой задачи изложить этническую историю племени пеголошадников, мы только назовем ее отдельные моменты, по современному состоянию ее изученности, чтобы обратить внимание на этот этнический компонент в составе телеутов. Ранние сведения о племени Пегих лошадей в письменных источниках относятся к IV в., когда оно обитало на северных склонах древнего хребта Иншаня и южнее его, в Ордосе. Племя это входило в свое время в состав сяньбийского и жужанского объединения и вело свое происхождение от некоторых групп хуннов, переселившихся из северной части пустыни в Ордос. В древне-тюркский период, именно в VII в., пеголошадники-алаты жили уже севернее Алтая и на запад от Байкала, где соприкасались с местообитанием кыргызов, с которыми они часто враждовали. Несколько позднее они подчинялись каганату уйгуров, а затем продвинулись в бассейн Оби, севернее Томска. В XVII в. они были здесь известны под названием Пегой орды, зафиксированным в сибирских русских летописях, и жили в районе Нарыма. Вместе с тем известно, что какая-то часть пеголошадников-алатов вошла в состав кыпчаков-половцев, а позднее в Младшую орду (*жуз*) казахов, в некоторую часть кочевых узбеков и сибирских татар.

⁹² См. об этом словаре публикацию Е. В. Мальцевой (Тр. Бурятск. комплексы, научно-иссл. инст. СО АН СССР, 1960, стр. 261—264).

⁹³ Слово *чагал* обнаружила в указанном словаре венгерская исследовательница Е. Когальми (Е. Kohalmi), которая по моей просьбе велелапоиски его по разным словарям. Я пользуюсь возможностью поблагодарить Е. Когальми за эту любезность.

⁹⁴ О бома см. работу Ю. А. Зуева «Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам» (Тр. Инст. истории, археол. и этногр. АН Каз. ССР, т. 15, Алма-Ата, 1962).

Таким образом, телеуты на каком-то этапе своей этнической истории включили в свой состав, вероятно, отдельные группы племени Пегих лошадей, ранняя история которого связана с сянбийско-телеской (гаогнойской) древностью, свидетельством чего служит ныне уже забытое представление-о шаманском бубне как о пегой верховой лошади шамана. То, что Теперь эта пегая лошадь именуется шееигорбой (причем имеются в виду горбы верблюда), говорит лишь о контаминации образа шаманского верхового животного в результате, возможно, наслоения образа пегой лошади на образ ездового верблюда. Изложенный материал ясно показывает, насколько сложным и смешанным было происхождение телеутов, как и у других групп южных алтайцев, и как далеко в глубь истории прослеживаются их некоторые этнические элементы.

Нам предстоит теперь заняться определением Древних этнических элементов -у северных алтайцев. Следуя избранному методу, начнем с этнонима *Дубо*, который сохранился прежде всего в 'обобщенном названии группы северных алтайцев «туба кижиг», или тубаларов. В ранних летописных источниках под наименованием *дубо* выступает одно из племен теле, обитавшее в VI— VII вв. в районах, прилегающих к оз. Косогол, или Хубсугул, и на запад от Косогола до верховьев Енисея. Из этнографического описания *Дубо* в династийных источниках видно, что по образу жизни, по культуре и быту *дубо* резко отличались от Кочевых скотоводческих племен теле и тюкю, с которыми они находились в контакте. Про них сказано: «Дубо — это особое племя тйеле».⁹⁵ Разделялись они на три аймака, управлявшихся собственными предводителями. Аймаки назывались: *Дубо*, *Милйгэ*, *Эчжи*. Характерным для них средством передвижения были лыжи. Жилища свои они покрывали берестой, В другом источнике сказано подробнее: «Они не знали годовых времен (не имели календаря); жили в шалашах из травы; ни скотоводства, ни земледелия не имели. У них много сараны: собирали ее корни и приготавливали из них кашу. Ловили рыбу, птиц, зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленьи платье, а бедные делали одежду из птичьих перьев. При свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные корни. Покойников полагали в гробы и ставили на деревьях. Провожая покойника, производили плач так же, как и тюкюесцы».⁹⁶

Несмотря на то что ко времени составления летописи, цитату из которой мы привели, *дубо* находились уже в длительном контакте как с племенами теле, так и тюкю, в результате чего у богатых *дубо*, например, появились лошади и были, видимо, восприняты некоторые обычаи («производили плач так же, как и

⁹⁵ Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 292.

⁹⁶ Н. Я. Вичурин, ук, соч., т. I, стр. 348

тукюесцы»), культура и быт дубо сохраняли все черты, характерные для быта охотников горной тайги.⁹⁷ Географические условия обитания дубо весьма способствовали сохранению у них описанного выше образа жизни. Кочевое скотоводство, как и сколь-либо значительное земледелие, как правило, были невозможны в местах обитания дубо. Отмеченные устойчивые этнографические особенности могут служить аргументом при рассмотрении вопроса о происхождении дубо и их прародине. Если относительно племен теле у нас имеются показания письменных источников о переселении их на северную сторону пустыни Гоби с юга, то в отношении дубо подобных сообщений нет. Да и трудно предположить, чтобы» пешие охотничьи племена горной тайги появились здесь с юга, перейдя пустыню. Они, конечно, были аборигенами горно-таежных мест. Но с освоением территорий по северную сторону Гоби кочевыми скотоводческими племенами теле, жужаней, туюку упомянутые горно-таежные охотничьи племена оказались в подчинении у них, а иногда, вероятно, и входили в состав тех или иных объединений кочевников. Поэтому в некоторых источниках они относятся либо к племенам теле, либо к туюку.

Что касается их происхождения и языка, то имеющиеся в нашем распоряжении скудные материалы говорят, пожалуй, за то, что дубо не были в то время тюркоязычными. Доказать это, разумеется, трудно, но кое-какие данные в пользу именно такого вывода имеются. Если мы обратимся к современному расселению, языку, культуре и быту племен и народностей, сохранивших в своем названии, вернее самоназвании, этноним *дубо*, то увидим следующую картину. Этнический термин *дубо* известен современному населению, как в древних границах его распространения, именно от Косогила до верховьев Енисея, так и западнее ~ в районе Саяно-Алтайского нагорья — в разных фонетических вариантах: *тубо*, *туфа*, *туха*, *тума*. Г. Н. Потанин обнаружил в 70-х годах XIX в. в районе Косогила (на восток и северо-восток от озера) так называемых *урянхайцев*, которые именовали себя *туфа* или *туха* и *эджен-урянха*.⁹⁸ В бассейне р. Шикшита, с которой в 1207 г. Джучи, сын Чингисхана, начал покорение «лесных народов», перечисленных в монгольском источнике «Сокровенное Сказание», урянхайцы (или тувинцы), по сообщению того же Г. Н. Потанина, назывались обобщенно *туха*. Они жили по р. Хуку и принадлежали хотогойскому вану (князю). У них исследователь записал роды (или «кости»): Дзокту (т. е. Чогду), Зот (Чот) и Ельджиген." Отсюда следует, что у Косогила в XIX в. жили

⁹⁷ В результате того же контакта Дубо с племенами теле и туюку их правители стали изредка совершать совместные поездки ко двору Танской династии (Н. Я. Бичурин, *Ук. соч.*, т. I, стр. 348).

⁹⁸ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 12—13; т. II, стр. 9.

⁹⁹ Там же, т. IV, стр. 12.

потомки дубо и эчжи VI—VII вв. под тем же самоназванием — *туха* и *эчжень*. Факт весьма примечательный, ибо он показывает, насколько устойчивы древние этнонимы, кроме того фиксирует малую подвижность пеших обитателей горной тайги и сохранение у них одних и тех же форм хозяйства.

Наш вывод об этногенетической преемственности косокольских и хукских тувинцев (дубо китайских источников) можно подкрепить еще фактическим материалом, относящимся к промежуточному периоду, точнее к монгольскому времени. В «Сокровенном сказании» монголов и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина племя туха (тухас) и племя эльджигин упоминаются. В «Сокровенном сказании» о тухас говорится в перечне лесных народов. В «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина наименование эльджигин дано в перечне названий тюркских кочевых народов, вместе ¹ с такими народами, как например теленгиты (у Рашид-ад-дина *теленгуты* или *тулангиты*), телесы (у Рашид-ад-дина *туаласы* или туласы), туматы, урянка и многими другими, а также в перечне народов, «похожих на монголов».¹⁰⁰ Все эти народы или племена, как лесные, так и нелесные, в начале XIII в. были покорены Чингисханом. Племя туха и племя эльджигин упоминаются рядом в одну эпоху. Наличие обоих этих этнонимов одновременно у населения долины Хук в XIX в. также весьма показательно и лишь подтверждает отмеченную выше этногенетическую преемственность. Далее, в форме тофа этноним *дубо* представляет самоназвание тофаларов Иркутской области, маленькой народности, именовавшейся в старой этнографической литературе кара-гасами, среди которых зарегистрированы кости (или роды): Чогду (ср. кость Чогду у хукских туфа и Чооду у современных тувинцев); Чептей (ср. алт. сеок Чапты) и др. В фонетическом варианте *тува* данный этноним известен у тувинцев как самоназвание современной народности в целом (в пределах Тувинской АССР) и как самоназвание (*зуба*) тувинских групп, живущих в верховьях р. Кобдо в Монгольской Народной Республике.

Из сделанного обзора вытекает, что в настоящее время этно ■ ним дубо в его различных фонетических вариантах выражает самоназвание ряда тюркоязычных племен и народностей. И все-таки это трудно согласовать с устойчивыми древними этнографическими признаками большинства упомянутых групп, противоречащими принадлежности их к тюркоязычным племенным группировкам, характерной чертой жизненного уклада которых с глубокой древности является кочевое скотоводство, разумеется, в сочетании с охотой на зверя и некоторыми другими подсобными отраслями труда (примитивное мелкое земледелие и т. д.) К какой же этнической и языковой группе принадлежали в прошлом дубо, если их современные потомки, сохранившие этот этноним —

¹⁰⁰ Рашид-ад-дин, ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 75, 78, 117 и др. ';

ныне тюркоязычны? По всей вероятности, они были самодийцами. В пользу такого мнения говорит весьма существенный факт. Дело в том, что ряд современных племен и народностей Саяно-Алтая, сохранивших культуру и быт горно-таежных охотничьих племен, сходные по описанию летописных источников с дубо (например, тофалары, некоторые группы тувинцев-тоджинцев, койбалов, моторов и др.), сохраняли также до XVIII и даже начала XIX в. остатки самодийского языка. На родство их с самоедами или самодийцами указывал в свое время И. Георги.¹⁰¹ Позднее этот взгляд обосновывали М. А. Кастрен и В. В. Радлов.¹⁰² В наше время принадлежность этнонима *тубо-дубо* к южным племенам подтвердил этнограф-лингвист Г. Н. Прокофьев.¹⁰³ Наконец, такого мнения придерживается известный специалист по самодийским языкам А. Йоки.¹⁰⁴

Современное тюркоязычие таких в прошлом самодийскоязычных племен и народностей появилось в результате тесного тюрко-язычного окружения и длительных контактов с тюркскими государствами, языковой ассимиляции и т. п. В частности, дубо, судя по историческим данным, изложенным выше, подверглись языковой ассимиляции племенами теле, особенно уйгурами, еще до возникновения Тюрского каганата, но сохраняли свое самоназвание. Факт же сохранения самодийского языка у отдельных родо-племенных таежных групп Саяно-Алтайского нагорья, *ostoT*-нических по образу жизни — веское доказательство высказанного предположения о самодийском происхождении племен дубо. Он объясняет и наличие у некоторых северных групп алтайцев общих элементов в культуре и быте, например, с самодийскоязычными селькупам и т. д.

В непосредственной связи с этнонимом *дубо-туба* находится и племенное название *тумат*. В настоящее время как родо-племенное название *тумат* существует не только у алтайцев и тувинцев, но и у якутов, монголов, узбеков. Советские ученые выдвинули: гипотезу об отождествлении терминов *тухас*, *тубас* и *тумат*, что с лингвистической стороны вполне обосновано. Если исключить

¹⁰¹И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III. СПб., 1779, стр. 17.

¹⁰²Castren. Reiseberichte und Briefe aus Jahren 1845—1849. Nordische Reisen und Forschungen, Bd. II. St.-Pet., 1856, стр. 351; W. Radloff. Aus Sibirien, Bd., I, стр. 191, 207, 212—213.

¹⁰³Г. Н. Прокофьев. Этногенез народностей Обь-Енисейского бассейна. Советская этнография, № 3, 1940, стр. 69—70.

¹⁰⁴Йоки считает слова *tuba*, *tufa* общим названием южных самоедов вслед за В. Радловым полагает, что упомянутые в китайских источниках *Tu-po* (*tupa*, *tuba*) представляли собой южных самоедов. Более того, автор видит прасамоедов в скифское время в лице северных горно-таежных соседей носителей пазырыкской археологической культуры на Алтае и возражает Етмару (*Jettmar*), относящему их к предкам современных обских угров (*Aulis Jokki*. Die Lenhwortes des Sajansamojedischen. Memoires dela Societe Finno-Ougrienne, 103, *Helsinki*, 1952, стр. 29).

из этих терминов аффиксы множественного числа (сиг), то мы получим основу слова в форме *тума, туба, туха*. Чередование согласных *м, б* и *х*, находящихся между гласными звуками, для тюркских и монгольских языков характерно. Есть возможность аргументировать названную гипотезу и письменными источниками. О туматах как лесном народе мы узнаем из монгольского «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, где о них говорится как о племени, ответвившимся от племен баргут, кори и тулас (телес).¹⁰⁵ Посол китайского императора по дороге к ставке Чингис-хана среди различных племен, которые он встретил на своем пути, называет племя «ту-ма», т. е. тума-тов.¹⁰⁶ Этноним *тума* вполне закономерно сопоставить с *дубо*, самоназванием горно-таежных племен Саяно-Алтайского нагорья, о котором говорилось выше.

Таким образом, история племен дубо вкратце рисуется в следующем виде. В V в. в летописи северной Вейской династии (386—534 гг.) дубо — одно из поколений гаогюйцев, обитающее на юг от Байкала.¹⁰⁷ В Суйское время (581—617 гг.) они значатся в племенах теле и также показаны южнее Байкала.¹⁰⁸ В Танское время (618—907 гг.) дубо отнесены уже к «лыжным тюкю», к восточным соседям кыргызов.¹⁰⁹ Отнесение дубо в Танской летописи к тюкю, как и в предыдущих летописях к теле, означает только их политическую зависимость от теле и тюкю.

Среди этнонимов северных алтайцев, сохранившихся ныне в качестве названия сеоков, не может не привлечь внимание ку-мандинский сеок Со. Как говорилось выше, его имя привлекло внимание исследователей в связи с древнетюркской генеалогической легендой, сохранившейся в китайской летописи Чжоушу. Хотя гипотеза Н. Аристова о происхождении древних тюрков из государств (или владений) Со, которое он помещал в северном Алтае на том основании, что у кумандинцев сохранился сеок Со, не может быть принята в свете современных знаний об этногенезе древних тюрков-тюкю, на что было обращено внимание выше, все равно этноним *со* представляет большой интерес. Это весьма древний этноним. Прежде чем раскрыть его этногенетическое значение, следует сказать еще о том, что в письменных русских источниках на протяжении XVII в. кумандинский сеок Со выступает

¹⁰⁵Рашид-ад-дин, ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 121.

¹⁰⁶E. Bretshneider. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources; fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13-th to the 17-th century. London, 1887, (1-е изд.), стр. 27—28.

¹⁰⁷Н. В. Кюннер. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов VII—VIII вв. Зап. Хакасск. научно-иссл. инст. языка, литературы и истории, т. II, Абакан, 1952, стр. 14.

¹⁰⁸Liu Mau-tsai, ук. соч., т. I, стр. 128.

¹⁰⁹Н. В. К ю и е р. Новые китайские материалы..., стр. 14. . ' ■

под названием *Солунская волость*.¹¹⁰ Правда, В. Радлов? отметил данный сеок под названием *Со*, однако мы имеем документальное свидетельство, относящееся не только к XVII, но и началу XX в. о сеоке *Солу* у кумандинцев.¹¹¹ Да и теперь еще некоторые кумандинцы называют сеок *Солу*.¹¹² Чем же интересно в историческом отношении название сеока *Солу* или *Со*? А тем, что оно связывает современных кумандинцев с ранней этнической историей племен теле, восходящей к древнему дотюркскому периоду, и вот каким образом. Мы уже говорили, что в настоящее время вопрос о происхождении государства древних тюрков-тююк выяснен при посредстве новых источников.¹¹³ Получил освещение и этногенетический процесс периода с III до середины IV в. В связи с этим источниковедческое значение той части вышеупомянутой древнетюркской легенды о происхождении тюрков, которую обычно связывали с Саяно-Алтайским нагорьем, отодвигается к более раннему времени, во всяком случае к периоду до 265 г., когда началось массовое продвижение на запад племен Южной Сибири и Центральной Азии. Но теперь появилась более обоснованная точка зрения на государство *Со*, упомянутое в легенде. Название *Со*, или *Солу*, теперь связывают с древним названием страны *Со-лу* племени сяньбийцев, лежавшей в Восточной Монголии. Сяньбийцы оказались здесь после разгрома тангутами северных хуннов в 93 г. Они заняли территорию бежавшего хунн-ского шаньюя, а оставшиеся в этих местах хунны в количестве до 100 тыс. кибиток «сами приняли народное название сяньби».¹¹⁴ Высший предводитель сяньбийцев носил титул каган, который позднее стал характерным для древних тююк и теле. Это слово в письменных источниках впервые попадает у сяньбийцев.¹¹⁵ Упомянув о сяньбийцах, представлявших в этническом отношении конгломерат, нельзя не сказать о некоторых их этнографических особенностях, отмеченных летописью. Перед браком сяньбийцы брили голову. В последний весенний месяц (апрельская луна) собирались на реке и устраивали пиршество, после чего соединялись браком.¹¹⁶ При перекочевках сяньбийцы перевозили имущество на телегах, что сближает их с племенами гаогюйцев-теле.¹¹⁷ У них бытовала легенда о происхождении своего главного

¹¹⁰ Б. О. Долгих, ук. соч., стр. 105, 111.

¹¹¹ См. выше, гл. «Этнический состав алтайцев».

¹¹² Сообщение нашего аспиранта, кумандинца по национальности, Ф. А. Сатлаева.

¹¹³ Liu Mau-tsai, ук. соч., тт. I, II; История Тувы, т. I, М., 1964, стр. 59—60; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 101—114.

¹¹⁴ Н. Я. Бичурин, ук. соч., т. I, стр. 150—151.

¹¹⁵ G. Clauson. Turk, Mongol, Tungus. Asia Major, New Series (vol. VIII) pt. 1, London, 1960, стр. 115.

¹¹⁶ Там же, стр. 149.

¹¹⁷

Там же, стр. 153. ..._■ ■-;:->; , .<:<, ..-■.■"

предводителя Танынихая, будто бы он был зачат матерью от градинки, которую она проглотила во время грозы.¹¹⁸

Сяньбийцы как политическое объединение распались в конце II и начале III в. вследствие междоусобиц и распрей. Из смешанной хунно-сяньбийской этнической среды возникло два племенных объединения, из которых одно называлось *Тона (Т'о-па)* или *Тоба* и получило в китайской летописи прозвище «косопле-•гов», так как мужчины у них заплетали волосы в косу.¹¹⁹ Тоба были кочевниками скотоводами и жили севернее других сяньбийских племен. В течение трех веков они обитали по р. Онону и затем постепенно стали продвигаться на юг, перешли Гоби и покорили ряд областей раздробленного и враждующего Китая, где основали известную династию Северную Вэй (386—535 гг.).

Тобо говорили по-тюркски, судя по дошедшим до нас данным, относящимся к V в.¹²⁰ Они входили какой-то частью в состав предков древних тюкю, а возможно, и теле, поскольку теле происходили из хуннской среды. В источниках говорится, что когда основатель северной Вэйской династии Тоба-чуй взшел на престол, ему покорились и гаогюйские поколения, т. е. какие-то племена теле.¹²¹ По древним сяньбийским обычаям Тоба приносили летом жертву небу. Поскольку тобасцы происходили из страны Со, их называли *со-лу*, что будто бы означало «варвары Со».¹²² Таким образом, согласно современной гипотезе, кумандинский этноним со, или *солу*, уводит нас в хунно-сяньбийскую древность, куда уходят своими этногенетическими корнями древние тюркоязычные племена теле и тюкю. Племена теле, соприкасавшиеся с сяньбийцами и смешавшиеся с ними, вполне могли принять в свою среду этноним со, или *солу* и сохранить его до наших дней. Ведь не случайно, вероятно, происхождение кумандинского сеока Со связано с телеутами, как сказано выше. Мы уже обращали внимание на телеутов как хранителей отдельных весьма древних бытовых традиций центральноазиатских кочевников. Добавим к сказанному ранее еще такую бытовую черту, как ношение кос мужчинами-телеутами, сохранившуюся вплоть до начала 30-х годов нашего столетия. Названный обычай связывает современных телеутов, как и некоторые другие группы южных алтайцев, с сяньбийско-тобасской традицией. Следовательно, можно говорить уже о накоплении этнографического материала, кроме этнонимов, из области материальной и духовной культуры, чтобы аргументировать этногенетическую связь ряда родо-племенных

¹¹⁸ Там же, стр. 154.

¹¹⁹ Там же, стр. 167.

¹²⁰ L. Bazin. Recherches sur les paries T'o-pa. *T'oung Pao*, vol. 39, livr. 4—5, 1950; G. Clauson, ук. соч., стр. 115—117.

¹²¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., т. 1, стр. 173... vs

¹²² Liu Mau-tsai, ук. соч., т. II, стр. 489.

групп современных алтайцев с хунно телесской этнической средой.

Среди современных кумандинцев имеется еще одно название сеока, которое обращает на себя *внимание* при сравнении с древними и средневековыми этнонимами, — это название *Тас*. В 60-х годах XVII в. сеок составлял ясачную «Тастарскую волость», причислявшуюся тогда к «горным порубежным волостям» Томского уезда, находившимся в северных отрогах Кузнецкого Алатау. В начале XIII в. тастары упоминаются в «Сокровенном сказании» рядом с телесами, в списке «лесных народов», подчинившихся монголам. Больше никакими данными, кроме этнонимических сопоставлений, по тастарам мы не располагаем. Наши соображения о возможной близости тастаров к телеутам и о позднем вхождении тастаров в среду кумандинцев приведены выше.

Из этнонимов северных алтайцев большой исторический интерес представляет название сеока или волости Тиргеш. Тиргегн-ская волость XVII в., как уже отмечалось, в XVIII в. стала именоваться в официальных документах как Кергешская. Но название *тиргеш* в среде самих тубаларов было устойчиво и сохранилось до сего времени. Этноним *тиргеш* у тубаларов сопоставляется, конечно, с этнонимом западных древних тюрков *тPргеш*. В VII—VIII в. тюргеши жили по соседству с Западным Алтаем и входили в объединение западных тюркских племен Дулу, кочевавших на территории Семиречья. Как и этноним *тардуш*/*тодош*, название *тиргеш* служит существенным подтверждением участия племен тюкю в этническом составе предков современных алтайцев. Современные алтайские тубалары в данном отношении особенно показательны. У них выявляется целый комплекс этнонимов древнетюркского времени. Если взять состав сеоков той же Тиргешской волости, то их названия дают сразу три таких древних этнонима: *тиргеш*, *тогус* и *чыгат*. Первый из них идентичен термину *тиргеш*, которым именовалась часть древних тюрков-тюкю, а второй и третий связываются с племенными названиями тогуз-огузов и чик, т. е. древних теле. Лингвистическую аргументацию сближения названия сеока Тогус с тогуз-огу-зами орхонских надписей дал Н. А. Баскаков.¹²³ Об этнонимах *чыгат* и *чик* мы говорили выше. Такой комплекс этнонимов, конечно, исключает элементы случайности и должен рассматриваться как одно из веских доказательств наличия в этнической среде современных алтайских тубаларов древнетюркских компонентов. Этот аргумент приобретает еще большую силу, если сопоставить с ним изложенные выше этнографические материалы, отражающие в культуре и быте тубаларов-тиргеш древние скотоводческие традиции, которые в свою очередь получают объяснение

в происхождении некоторых родо-племенных групп алтайских тубаларов от древних тюркоязычных племен туюку и теле, подвергшихся затем смешению.

Проанализировав довольно большой материал по этнонимам у современных алтайцев, как южных, так и северных, мы могли путем сопоставления установить древность многих этнонимов. Отсюда следует, что этнонимы у населения Саяно-Алтайского нагорья обнаруживают большую устойчивость во времени и могут служить ценным этвогенетическим источником, отражающим принадлежность современных носителей того или иного этнонима к соответствующим древним родо-племенным группам, объединениям или народностям. Как известно, горные системы обычно служат своеобразным заповедником-убежищем для осколков иногда уже давно исчезнувших народностей. Это относится, как известно, к Кавказу и Альпам, к Тяньшаню и Гиндукушу, Гималаям и другим горным областям. Саяно-Алтайское нагорье дает такой пример в отношении Центральной Азии. Если выйти за рамки нашего исследования, то круг древних народностей, остатки которых оказались в результате различных перемещений и передвижений в Саяно-Алтайском нагорье, легко расширить.

Ярким примером сохранения здесь древних этнонимов (зафиксированные либо ранними китайскими источниками, либо древне-тюркскими руническими надписями), отражающих, реальные древние этвогенетические связи, может служить название *боклинцы* или *буклинцы*. Мы находим его в русских исторических документах XVII в., в которых боклинцы именуется иногда еще «боклин-ской» или «буклинской» землицей или волостью. Упомянутая «волость» в XVIII в. обитала в бассейне р. Тубы (правый приток Енисея южнее Красноярска). Трудно, конечно, не сопоставить ясачных боклияцев XVII в. с народом «Бёклийской степи», представители которого, вместе с кыргызами, уч-курыканами и др., прибыли на похороны одного из первых тюркских каганов (в начале второй половины VI в.), как об этом рассказывается в одной из древнетюркских рунических надписей.¹²⁴ Хотя и установлено, что *Ббкли* упомянутых надписей означало северокорейское государство, но, вероятно, некоторые племена, входившие в него, со временем продвинулись на северо-запад, до Саяно-Алтайского нагорья, и принесли с собой этноним *бёклиц* по прошлой принадлежности к упомянутому государству. Еще один пример. В начале XVIII в. путешественник Д. Мессершмидт записал со слов «татарина на р. Сыде» (правый приток Енисея, впадающий ниже рр. Тубы и Виры) рассказ о том, что улус Си

¹²⁴ См. нашу работу «О народе Бёклийской степи» (в сб.: Тюркологические исследования, М.—Л., 1963, стр. 282—291).

(мн. ч. Силар) жил раньше по р. Ое, т. е. значительно южнее, в северных отрогах Саянского хребта, южнее даже Минусинска.¹²⁵ Название улуса Си нельзя не отождествить, конечно, с известным этнонимом *sw*, или *xi* (*татаби* древнетюркских рунических текстов), племен, обитавших в районе оз. Далай Нор. Древние китайские летописи называют Си особой ветвью хуннов и отмечают, что они живут на прежних землях сяньбийцев.¹²⁶

После сделанного отступления вернемся к нашему изложению. Мы можем теперь констатировать в *составе* современных северных алтайцев, подвергшихся рассмотрению в настоящей работе, древнетюркские этнические компоненты, связанные с кочевой скотоводческой средой, в частности с древними тюрками-тюкю и племенами теле. Такой вывод неизбежен в свете историко-этно-графического анализа этнического состава северных алтайцев по отдельным сеокам. Следовательно, в настоящее время уже нельзя разделять взгляды В. Радлова, считавшего северных алтайцев только отюреченными самодийцами и енисейцами (кетами). В смешанном этническом субстрате северных алтайцев, куда входили самодийские, енисейские и угрские группы, несомненно были и древние тюркоязычные элементы, связанные с племенами объединений теле и тюкю. Лингвистические факты подтверждают вывод о смешении в этническом составе современных северных алтайцев тюркских (так нее смешанных), самодийских и угрских элементов.¹²⁷

Поскольку в предшествующем изложении мы подчеркивали на основе различных источников роль племен теле в ранних этапах алтайского этногенеза, то теперь следует остановиться на древнетюркских племенах тюкю. Сигналом об участии в этногенезе населения Алтая древних тюрков тюкю не только служат древние этнонимы, рассмотренные выше, но это подтверждают и другие разнообразные источники. Напомним в первую очередь об археологических памятниках, раскопанных на территории Горного Алтая и его северных предгорий, среди которых имеются курганы, где человек погребен с конем, принадлежащие несомненно древним тюркам.¹²⁸ Вспомним о недавно открытой в Горном Алтае целой группе древнетюркских рунических надписей на камнях. Нельзя забыть и лингвистические факты, свидетельствующие о наличии в современных диалектах алтайцев лексического слоя, связанного с древнетюркским (орхонским, уйгурским) языками, в языке современных северных алтайских племен, как отме-

¹²⁵ D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen 1721—1722. Berlin, 1962, стр. 163.

¹²⁶ W. Eberhard. Sinologischen Bemerkungen über den Stamm der Kay. Monumenta Serica, XII, 1947, стр. 204—223; Liu Mau-tsai, ук. соч., т. I, стр. 124—125, и др.

¹²⁷ Н. А. Баскаков. Алтайский язык, стр. 34.

¹²⁸ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949.

чается, сохранилось значительно больше черт древнетюркских языков, чем даже в южно-алтайских диалектах.¹²⁹

Не в меньшей степени необходимо учитывать и весьма выразительный этнографический материал, относящийся к различным сторонам материальной и духовной культуры современных алтайцев. Речь идет о сохранении на протяжении многих веков древне-тюркских традиций в области культуры и быта. Прежде всего бросается в глаза сходство в хозяйственной жизни. У современных южных алтайцев, как и у древних тюркских племен, основным занятием было кочевое скотоводство в сочетании с охотой на зверя, при подсобном значении мелкого, главным образом мотыжного земледелия, с маленькими посевами ячменя и проса. Известно (по археологическим раскопкам), что древние тюрки сушили траву в виде жгутов, которыми, вероятно, подкармливали зимой молодняк скота. Такой способ заготовки травы впрямь сохранялся у алтайцев и тувинцев вплоть до нашего времени. Аналогии можно было бы привести в отношении приемов изготовления войлока, выделки кож и шкур, обработки дерева. Однако имеются более близкие параллели при сравнении древнетюркского материала из археологических раскопок и письменных древних источников. Их много дает, например, сравнение деревянной домашней утвари (чашки, блюда и т. д.). Сходство настолько поразительно, что не всегда можно отличить хорошо сохранившуюся вещь из кургана от бытовавшего недавно образца у алтайцев. Древние тюрки и алтайцы одинаково питались сушеным сыром (курут) из кислого молока, делали кумыс. При угощении кумысом древние тюрки становились друг перед другом на колени и пели песни. Точно так же поступали южные алтайцы, угощая друг друга аракой. Такого рода сопоставлений можно было бы привести довольно много из различных областей народной жизни современных племен.

Однако особенно ярко и полно сохранилась преемственная историческая связь алтайцев с тюрками VI—VIII вв. по линии религиозных верований и обрядов, т. е. по линии наиболее консервативных элементов культуры. На Алтае до начала XX в. сохранялся древнетюркский обряд захоронения покойника с его-верховым конем в сбруе и различными вещами быта под курганами с каменными насыпями или в каменных насыпях древних курганов. Шаманские верования у алтайцев содержат древние черты, отмеченные китайскими летописями для племен тюкю и теле. В жертву божествам алтайцы приносили быков, лошадей и овец таким образом, как это описано в китайских источниках для древних тюрков, выставляя на жердях шкуры жертвенных животных. Сохранились у алтайцев даже названия божеств, упоминаемые в древнетюркских надписях: *Тенгри, Йер-Суг, Умай*. Со-

¹²⁹ Н. А. Б а с к а к о в. Алтайский язык, стр. 29.

временные алтайцы представляли себе их в тех же образах, с теми же функциями, как и древние тюрки (например, покровительница детей *Умай*). Моления небу, известные по письменным источникам с хуннского времени, с теми же целями устраивались некоторыми племенами и народностями Саяно-Алтайского нагорья вплоть до современности. Отцы и деды современного поколения алтайцев и тувинцев посвящали горам лошадей, быков, овец (*ыдык и ыйык*). Горы, на которых устраивались такие моления, назывались *ыдык*, т. е. тем же названием, которое упоминается для священных гор и в древнетюркских надписях. Древние тюрки верили, что человек не должен называть свое имя, чтобы не привлечь к себе внимания злых духов. Такое же поверье существовало и у современных алтайцев и тувинцев. Когда у тюркского кагана Шаболио во время охоты сгорела юрта, он, как сообщает китайская летопись, был настолько подавлен дурной приметой, что вскоре умер. Точно так же еще несколько десятков лет тому назад алтайцы и тувинцы считали, что если во время охоты сгорит их жилище, это предвещает несчастье, и т. д.

Мы могли бы гораздо подробнее осветить рассматриваемый вопрос на этнографическом материале. Однако, учитывая все то, что нами уже публиковалось по данному предмету,¹³⁰ ограничимся сказанным и позволим себе по совокупности источников констатировать следующее. Племена тюрков, составлявшие военно-политическое ядро Тюркского каганата, распространившие свою гегемонию и свои кочевья на Алтай, Туву и Монголию, т. е. на область этногенеза алтайцев, несомненно смешивались с древними предками алтайцев и оказывали влияние на их этнический состав. Таким образом, в результате анализа этнонимов, обзора этнографических материалов и других исторических источников участие древних племен тюрков на раннем этапе алтайского этногенеза можно считать доказанным. Как выясняется, это относится и к южным, и к северным алтайцам. Если в отношении южных алтайцев такие соображения уже высказывались и раньше, то по поводу северных этого не говорилось. Последние, как мы видели, считались этнической смесью южных самоедов и енисейцев (кетов), отюреченной по языку.

Наш анализ тоже подтверждает наличие самодийского и угрского компонентов в этническом субстрате северных алтайцев, хотя не улавливает в достаточной степени енисейский компонент, который, вообще говоря, возможен. Новым и, как мы полагаем, установленным нами фактом нужно признать древнетюркский

¹³⁰— Д. П. Потапов. 1) Основные проблемы изучения народов Алтая в советской исторической науке. М., 1954 (Доклады советской делегации на 23-м Международном конгрессе востоковедов); 2) Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древнетюркской культуры. М., 1956 (Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов). „ „

элемент в этническом фундаменте северных алтайцев, связанный с племенами теле и тюкю. Более того, некоторые этнонимы, сохранившиеся по сей день у отдельных групп северных алтайцев, в частности у кумандинцев, уходят корнями в еще более ранние периоды, например в хунно-сяньбийскую древность. Едва ли можно сомневаться, что аборигенами в северном Алтае были малоподвижные горно-таежные охотничьи племена с культурой и бытом, приспособленными к местным природным условиям. Но также несомненно, что какая-то часть древнетюркских скотоводов-кочевников по тем или иным конкретным историческим причинам вынуждена была оседать в горной тайге, смешиваться с аборигенами, усваивать от них таежный охотничий быт и вследствие этого менять свой этнографический облик, утрачивая традиционные черты кочевого скотоводческого образа жизни или сохраняя их лишь как пережитки.

Теперь подведем некоторые итоги нашему исследованию по этногенезу южных алтайцев. Опираясь на анализ конкретного и разнообразного исторического материала, рассмотренного выше, мы можем утверждать, что этническую основу ранних предков южных алтайцев составляли тюркоязычные племена, по образу жизни скотоводы-кочевники. Их этническая история протекала в общем в рамках тюркоязычной среды, хотя и испытывала на отдельных этапах влияние монголов. Так было в период господства монгольской империи (XIII в.), затем в ойратский период (XVII в.).¹³¹ Но сама тюркоязычная среда, в которой развивался этногенез южных алтайцев, в различное историческое время была неодинакова, и это необходимо подчеркнуть. Племена теле, явившиеся наиболее ранними историческими предками южных алтайцев, сохраняя свою этническую основу, частично смешивались с племенами древних тюрков-тюкю, и не только в период Тюркского каганата, но и в период Уйгурского каганата (744— 840 гг.), когда уйгуры (происходившие также из племен теле) уничтожили государство древних тюрков и утвердили свое политическое господство в восточной части Центральной Азии.

Несколько позднее (IX—X вв.), в период так называемого «киргизского великодержавья» (Бартольд), предки алтайцев оказались в подчинении у енисейских кыргызов. Кыргызские племена распространили свои кочевья как на территорию современной Тувы, так и на территорию Горного Алтая и его предгорий, о чем убедительно говорят археологические памятники.¹³² В данной ситуации, разумеется, возникли условия для этнического смешения предков алтайцев с енисейскими кыргызами. О процессе смешения с енисейскими кыргызами свидетельствуют материалы современного алтайского языка,¹³³ фольклора, а также некоторые

¹³¹ Д. П. П о т а л о в. Очерки по истории алтайцев, стр. 150, 153.

¹³² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири.

этнонимы (*бурт, детисар*). В тот же кыргызский период и несколько позднее (IX—XII вв.) тюркоязычные предки южных алтайцев смешивались с кыпчакскими племенами, кочевавшими в бассейне Иртыша. На это четко указывает, как мы отмечали выше, не только этноним *кыпчак* и этнографические материалы, но особенно лингвистические признаки. Лингвистические данные настолько выразительны, что они дали повод для отнесения современного языка алтайцев к кыпчакской группе.¹³⁴

Последнее обстоятельство, будучи весьма важным доказательством большой роли кыпчакских племен в поздней средневековой этнической истории алтайцев, создавало, пожалуй, единственную трудность в фактическом обосновании нашей концепции о происхождении предков алтайцев от древних племен теле, язык которых относится уже к другой лингвистической группе, именуемой обычно в классификации тюркских языков уйгурской. Отнесение теле к уйгурской группе языков вполне закономерно, ибо уйгуры входили с древних времен в племена теле, а в VII в. заняли среди них главенствующее место. В конфедерации токуз-огузов уйгуры играли ведущую роль. При таком состоянии фактов было трудно объяснить, почему алтайцы, происхождение которых от древних племен теле документально прослеживается, говорят все-таки на языке кыпчакской группы. Придавая лингвистическим фактам первостепенное значение, мы формулировали в свое время наши выводы следующим образом: «Историческими предками современных южных алтайцев были кыпчакские тюркоязычные племена. На Алтае эти поздние кыпчакские элементы, как указано, смешивались не только с потомками других древних алтайских тюрко-язычных племен времени Тюркского каганата (телесы, тургенш и др.), но и с западномонгольскими этническими элементами».¹³⁵

В настоящее время данные современного алтайского языка уже не представляют трудности для объяснения этнических параметров в этногенезе алтайцев. Это случилось благодаря тому, что за последнее время алтайский язык стал предметом специального изучения по диалектам. Мы обязаны этим преимущественно проф. Н. А. Баскакову, который на основе изучения языка алтайцев по-отдельным диалектам пришел к ряду интересных выводов. Один из них гласит: «Этническим субстратом алтайцев являются уйгурские роды и племена, смешавшиеся позднее с огузами и кып-чаками».¹³⁶ Конечно, с точки зрения исторических фактов, отраженных главным образом в письменных источниках, говоря о древнем этническом субстрате алтайцев, правильнее сказать, что

¹³³ Н. А. Баскаков. Алтайский язык, стр. 29, 34.

¹³⁴ А. Н. Самой лович. Некоторые дополнения к классификации тюркских языков. Пгр., 1922.

¹³⁵ Л. П. Потапов. 1) Очерки по истории алтайцев, стр. 149—153; ср.: Героический эпос алтайцев, стр. 124—130.

¹³⁶ Н. А. Баскаков. Алтайский язык, стр. 28.

им были племена теле, из которых, как показано выше, в древне-тюркский период выделились и развились уйгуры, возглавившие сначала конфедерацию племени теле, именованную токуз-огу-зами. Смешение племен теле в рамках этой конфедерации несомненно было. Разумеется, они смешивались и с тюрками-тюкю, в частности, как уже отмечалось, с кыпчаками-тюкю раннего средневековья, господствовавшими над уйгурами в течение 50 лет, о чем говорится в памятнике Моюн-чуру.¹³⁷ Признавая обоснованность и необходимость деления современных алтайцев на две «по существу совершенно различные этнические группы» южных и северных алтайцев, Н. Баскаков следующим образом резюмирует результаты их лингвистического исследования: «Эти две группы, сложные по своему этническому составу, отличаются как по степени генетической связи с древнеуйгурскими племенами, так и по языковым отношениям с древнетюркскими языками. Так, в языке северных алтайских племен сохранилось значительно больше черт древнетюркских языков, чем в южноалтайских диалектах. В то же время язык южных алтайцев, предки которых находились в длительном общении с кыпчаками, приобрел кыпчакские черты, хотя и сохранил свою древнюю основу, общую с древнетюркским языком».¹³⁸ Таким образом, язык современных южных алтайцев имеет древнюю уйгурскую (племена теле) основу, а кыпчакские его черты появились в результате длительного общения предков южных алтайцев с кыпчаками. Письменными источниками действительно устанавливается такое общение предков южных алтайцев с кыпчаками-тюкю в VI—VIII вв. и позднее.

Итак, наше исследование завершено. Исходя из современного этнического состава алтайцев, мы, постепенно спускаясь в глубь исторического прошлого, попытались выяснить древние этнические компоненты, на базе которых сложились южные и северные алтайцы, проследить основные вехи их этнической истории. Мы пользовались при этом совокупностью различных видов исторических источников и наиболее надежными результатами считаем их сходные показания.

В связи с нашими выводами и заключениями мы снова должны обратиться к известной работе Н. А. Аристова, который заявил в отношении южных алтайцев, «что телеуты и теленгуты или теленгиты, как зовут себя чуйцы, один и тот же народ, тем более, что истинное имя этого народа, очевидно, есть теле, а приставка

¹³⁷С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 38.

¹³⁸Н. А. Баскаков. Алтайский язык, стр. 29. Подчеркнуто нами. См. также стр. 34: «Южноалтайские диалекты, восходящие к огузским, уйгурским и древнекиргизскому языкам, под влиянием языка кыпчаков и кимаков были в значительной степени нивелированы и, трансформировавшись, приобрели общие черты с современным киргизским языком, с которым они образуют единую группу киргизско-кыпчакских языков».

монгольского множественного числа *ут* (или *гут*) придана к имени теле лишь во время владычества над алтайцами западных монголов».¹³⁹ И далее: «Телес есть имя племени, особого от теле, потому что с монгольскими из него вышло **бы телесут** и **телесгут**, а не телеут и теленгут. Надо полагать, что это остаток турков-тюкю».¹⁴⁰ Следовательно, вывод, к которому мы пришли на основании анализа различных видов источников о племенах теле как наиболее ранних исторических предках *южных* алтайцев, уже был высказан более полувека тому назад Н. А. Аристовым и не является новым. Все это, конечно, так. Однако, не претендуя на новизну упомянутого вывода, мы все же имеем основание полагать, что пришли к таким взглядам не в порядке остроумной догадки, а в результате длительной, трудоемкой работы, благодаря которой цитированное предположение Н. Аристова теперь научно вполне обосновано. Само собой разумеется, что в ходе исследования нам удалось выяснить и ряд новых вопросов, связанных с происхождением обеих групп алтайцев как в отдельности, так и в целом. Например, определен этнический состав группы *алтай киж*, консолидировавшейся на Алтае из различных телеутских, теленгитских, телесских и тувинских сеоков после падения Джунгарии во второй половине XVIII в. Исторический анализ показал, что по этническому происхождению часть этих сеоков (Телес, Мундус, Байлагас и др.), составляющая 29.6%, связана с древнетюркскими племенами теле, другая часть (Тодош, Чапты, Очы), составляющая 22.2%—с племенами тугю, третья (Иркит, Пурут, Кыр-гыз)—с средневековыми енисейскими кыргызами (12%), с най-манами (10.4%), кераитами и др. У северных алтайцев также удалось выявить роль в их этнической истории древнетюркских элементов, связанных с племенами теле и тугю. В происхождении этой группы выяснено на этнографических фактах участие этнических элементов, родственных по культуре и быту современным обским уграм, главным образом хантам.¹⁴¹ Такое заключение подтверждается антропологическими данными, а также некоторыми материалами из области лингвистики алтайцев.¹⁴²

Отметим также, что впервые уделено внимание этническим элементам периода средневековых монгольских государств, изве-

¹³⁹ Н. А. Аристов явно ошибается, приписывая название *теленгут* западным монголам.

Мы видели выше, что этноним *теленгут*, как и *телес*, фигурирует в «Сокровенном сказании» для начала XIII в.

¹⁴⁰ Здесь автор также ошибается, полагая, что телесы происходят оттюкю, и не учитывает, что аффикс *с* в тюркских языках служит формантом множественности.

¹⁴¹ Эти данные опубликованы еще в 1953 г. в книге «Очерки по истории алтайцев», стр. 153—155.

¹⁴² А. И. Я р х о. Алтае-саянские тюрки. Абакан, 1947, стр. 124—125; Г. Ф. Дебеч.

Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 129—130; Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 34.

стным по знаменитым письменным источникам («Сокровенное сказание», летописи Рашид-ад-дина). Речь идет о найманах, мер-китах, кераита^{^^^}гункаитах, кыпчаках и т. п. Эти крупные племенные группы и народности жили в горных системах Алтая, Саян, Хангая и прилегающих районах, находящихся, например, по северную сторону Гоби или в степях бассейна Иртыша, входивших в зону степей Дешт-и-Кыпчак. Под влиянием бурных политических событий, характерных для монгольского периода, эти группы племен и народности часто меняли места своего обитания, оказываясь иногда далеко за пределами территории названных горных систем. При этом они не только дробились и расходились, но смешивались и скрещивались как между собой, так и с другими этническими группами. Все они в той или иной степени были втянуты в процесс формирования новых тюркоязычных народностей (казахов, киргизов, кочевых узбеков, башкир и др.), протекавший на большой территории в период возникновения и распада таких государств, как Улус Джучия (Золотая орда), Ногайское, Узбекское, Шейбанидское и Сибирское ханства и т. д. Вот почему одни и те же этнические элементы, сохраняя свои этнонимы в виде названий отдельных родо-племенных делений, оказались в этническом составе современных казахов и киргизов, кочевых узбеков и башкир и др. В этом процессе участвовали и алтайцы, особенно южные (телеуты, телесы, теленгиты). На это указывает сохранение у них соответствующих этнонимов, выступающих теперь в качестве названий сеоков-родов. Таковы, кроме сеоков Найман и Кыпчак, о которых уже неоднократно говорилось выше, алтайские потомки средневековых кераитов в лице представителей сеока Тонгжоан у южных алтайцев и сеока Тонг — у северных, в частности у кумандинцев. В названии этих сеоков сохранился этноним тункаитов, представлявших собой ветвь кераитов.¹⁴³ То же самое можно сказать про сеок Алмат у теленгитов, так как средневековые алматы (албаты) относились к кераитам.¹⁴⁴ В этой связи уместно напомнить, что еще в конце XVII в. группа кераитов жила в низовьях Абакана и входила в состав Алтырского улуса енисейских кыргызов, центр которого находился по р. Уйбату.¹⁴⁵ Данная группа кераитов, следовательно, входила в состав ближайших исторических предков современных хакассов и одна из ясачных волостей Кузнецкого округа носила название керетской.¹⁴⁶ О потомках меркитов в этническом составе

¹⁴³ Рашид-ад-дин, ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 94, 125.

¹⁴⁴ Там же, стр. 129.

¹⁴⁵ Рукопись из портфелей Г. Миллера под названием «Описание Красноярского уезда Енисейской провинции в настоящем его положении в начале 1735 года». Хранится в ЦГАДА, портфель 526, ч. II, л. 12 об.

¹⁴⁶ Ср. также архив Акад. наук СССР, ф. 21, оп. 5, № 152. Рукопись «Города Кузнецка суплемент, сочиненной в Кузнецкой канцелярии...».

алтайцев можно судить по наличию сеоков под этим же названием у южных алтайцев и телеутов.¹⁴⁷

Таким образом, южные и северные алтайцы в этническом отношении весьма смешаны. Однако те и другие смешаны по-разному. Основу этнического состава южных алтайцев составляют древние тюркские компоненты. Некоторые из них относятся к еще более древнему периоду и связаны с хунно-сяньбийской этнической средой. В этом тюркском этническом комплексе ведущую роль играли племена, принадлежавшие к группе *теле*, среди которых особенно четко прослеживаются теленгиты-теленгуты-телеуты.

Но древнетюркские компоненты вошли частично и в состав северных алтайцев, этнический субстрат которых отличается большим разнообразием (древнетюркские, угрские, самодийские и, видимо, кетские элементы). Исторические предки северных алтайцев подверглись сильному влиянию и смешению с древнетюркскими элементами. Это нашло отражение в языке современных северных алтайцев, в котором, по исследованию Н. А. Баскакова, сохранилось больше черт древнетюркских языков (древнетюркского, уйгурского), чем у южных алтайцев.

Наличие древнетюркских компонентов свидетельствует о большой древности этнической истории алтайцев, в процессе которой формировался их этнический состав. Процесс этот протекал в обозримое по историческим источникам время на территории, находящейся на северной стороне Гоби — в Хангайском и Саяно-Алтай-ском (включая Монгольский Алтай) нагорьях и в некоторых прилегающих к ним районах. Территории современных Монгольской Народной Республики, Тувы и Горного Алтая входили, конечно, в эту область этногенеза алтайцев и монголов.

Весьма существенный этап алтайского (преимущественно южно-алтайского) этногенеза был связан в средневековье с кып-чакскими, а затем и монгольскими этническими элементами. Позднее некоторые алтайские племена, особенно телеуты, оказались втянутыми в широкий процесс этногенеза, протекавший в XV—XVI вв. в ряде улусов, образовавшихся при распаде Улуса Джучия, в результате которого сложились такие современные народности, как казахи, киргизы, частично узбеки и др. Изучение упомянутого процесса в отношении алтайцев остается пока далеко недостаточным. Подробное исследование этого вопроса несомненно составляет одну из серьезных задач истории алтайцев.

¹⁴⁷ Потомки кераитов и меркитов вошли также в группу южнокиргизских (ошских) телесов (С. М. Абрамзон. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии, стр. 37).

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

1 Страница Стропа Напечатано Должно быть

68 16 снизу трубаларов тубаларон 73 1 1 сверху Тороад Торот 137 13 » 137 136 150 24 » хуннским хуинуским 164

4 снизу Ch'in-Ie Ch'ih-Ie